ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть I

Годы 1917—1918.

—

Отдельный оттиск из номеров 122—135 журнала „Вольное Казачество—Вільне Козацтво“.

—

ПРАГА. 1933.

Замеченные важнейшие опечатки и пропуски.

Стран.:	Строчка:	Напечатано:	Следует читать:
6	1 сн.	на той	на такой
7	1 сн.	политике	политики
8	12 сн.	после слова: себя пропущено: независимо	
15	19 св.	брал	собрал
17	15 св.	Русске	Русские
21	16 св.	после слова: город пропущено: точку и слова: „По своему национальному составу этот город"	
32	2 сн.	требования	требование
44	3 сн.	Галыга	Гулыга
50	4—5 св.	показанием	показателем
59	14 св.	следуемых	идущих
116	1 св.	некоторого	некоторой части
118	1 сн.	Кубанн	Кубани
146	3 св.	после слова: верных пропущено слово: офицеров	
157	12 сн.	ли	(это слово вычеркнуть)
174	17 сн.	после слова: армию, пропущено: и Донскую Республику	
175	2—3 св.	стршнее	страшнее
226	8 св.	правителельственные	правительственные
230	18 св.	тасного	тесного
233	4 св.	24	24.000
238	17 сн.	получение	получения
248	4 сн.	пебежденными	побежденными
248	1 сн.	п	и

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть I

Годы 1917—1918.

—

[illegible] оттиск из номеров [illegible] журнала
„Вольное Казачество—Вільне Козацтво“.

—

ПРАГА. 1933.

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть I

Годы 1917—1918.

—

Отдельный оттиск из номеров 122—135 журнала
„Вольное Казачество—Вільне Козацтво“.

—

ПРАГА. 1933.

Казакия—наша цель,
Наш девиз—казачья воля!

Трагедия Казачества.

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть I.

(Годы 1917-18).

А вже літ більш двісті,
Як козак в неволі —
Понад Дніпром ходить,
Викликає долю:
„Гей, вийди, доле, із води —
Визволь мене, козаченька,
Із біди"...
„Ой, рада б я вийти,
Так сама в неволі, у ярмі —
Під московським караулом у тюрьмі"...

Козача пісня.

Как известно, немедленно после захвата власти большевиками в Петрограде, Казачьи Земли об'явили свою независимость, начав оборонительную войну. Война эта продолжалась (на казачьих же территориях) с 26 октября 1917 года и до апреля месяца 1920 г., т. е. больше чем два с половиною года.

Об'ективное и подробное изучение этого периода казачье-русских взаимоотношений представляет большой интерес, как для самого Казачества, так и для других народов и, особенно, для тех, которые продолжают еще борьбу за свое освобождение от московского владычества. Без сомнения, это изучение может представлять большой, даже практический, интерес и для тех из освободившихся от русского владычества народов, которые видят перед собою постоянную фактическую угрозу со стороны московского империализма. Москва, ведь, всегда легко придумывала те или иные „легальные" поводы для начала войны с соседями.

Нужно сказать, что общая, на документах основанная, об'ективная оценка казачье-русской войны 1917-1920 годов, насколько нам известно, еще не была сделана, несмотря на то, что и в советской России и заграницей за последние 13 лет вышло очень много печатных трудов самых различных авторов, прямо или косвенно затрагивающих этот вопрос. А между тем, множество документальных данных было уничтожено, как большевиками, так и противобольшевицкими силами во время самой войны; множество документов пропало во время различных эвакуаций и, конечно, много документов (в разрозненном виде) хранится, как в эмигрантских организациях, так и у отдельных лиц. Документы эти надо собрать, надо их изучить.

Живые свидетели этих событий постепенно забывают происходившее, не зафиксированное на письме, другие... уже умерли, унеся с собою в могилу ценные исторические данные. А между тем, в вышедших уже трудах, даже в тех, которые претендуют на об'ективность и солидность, казачье государственное строительство и великие казачьи жертвы изображаются неправдиво, однобоко и пристрастно или совсем замалчиваются, казаки же часто выставляются в самом неприглядном виде. Таковое однобокое и неправдивое освещение событий встречается не только у большевицких

авторов, но и у людей, занимавших видное положение в казачьей государственной жизни.

Казаки проиграли великую борьбу, которую вели с таким, даже у них, небывалым напряжением сил. Их землями снова завладела Россия и ее правительство проводит там ныне политику уничтожения Казачества, а в центрах эмигрантской жизни — в Париже, Праге, Белграде, Софии и т. д. — засели русские „вожди“, послы, консулы, особо уполномоченные, „Согоры“, „Земгоры“ и т. д., захватили в свои руки не только распоряжение материальной помощью, оказываемой эмигрантам некоторыми иностранными правительствами и Лигой Наций, но и вся духовная жизнь эмиграции: издание газет и журналов, печатание книг, ведение культурно-просветительной работы, организация школ и т. д. почти целиком попала в руки русской эмиграции...

Русская эмиграция является частью русского народа. Вся та политика, которую русский народ и русская государственность проводили в отношении нерусских народов в течение нескольких веков, настойчиво проводится и русской эмиграцией. Эта эмиграция, как известно, всеми силами подготовляет не только свержение большевицкой власти в Москве, но и возрождение великой и неделимой России и удержание под ее властью других народов...

Конечно, никто не может претендовать на то, чтобы русские большевики или русская эмиграция подготовляли освобождение казаков, украинцев, белоруссов, кавказцев, туркестанцев, народов Поволжья и Сибири от русского порабощения после того, как все русские твердо усвоили себе мысль о необходимости и даже „спасительности“ русского владычества над народами. Нет ничего удивительного в том, что русские эмигранты и вообще русские люди и события 1917-1922 г. г. изображают так, как этого требует не историческая правда, а интересы Великой, Неделимой России. Современные рус-

ские историки, писатели, журналисты и общественные деятели имеют в этом отношении хорошую русскую дореволюционную школу.

Нет, кажется, ни одного русского политического течения, куда бы не старались втянуть казаков. Есть казаки-милюковцы, казаки-соц. революционеры, казаки-монархисты различных оттенков и т. д.

Все русские люди и особенно их последователи среди казаков с большой ненавистью и враждебностью встречают правдивое казачье слово; со злобой русские люди набрасываются на тех казаков, которые стремятся приподнять темную завесу над прошлым Казачества и показать казакам и иностранцам это прошлое в правдивом, об'ективном освещении.

Широкий русский фронт противников казачьего освободительного движения за последний год расширился за счет некоторых казачьих деятелей, которые перед тем открыто не выступали против этого движения. На сцену выступили кубанские казаки — генералы Науменко, Звягинцев, Шкуро, полковник Соламахин и другие. Они стараются внушить казакам любовь к России, поучают казаков, как надо понимать прошлое Казачества, особенно события 1917-1920 г. г., призывают казаков к борьбе с освободительным казачьим движением, к борьбе за единую неделимую Россию.

Измученная долголетней тяжелой эмигрантской работой и тоской по угнетенным родным Краям, по родным и близким людям, казачья масса ищет выхода из невыносимого положения. Еще в худших условиях находятся казаки в родных Краях: они несут тяжелый труд на большевицкую Россию, постоянно недоедают, терпят голод, находятся под беспрерывным жестоким большевицким террором, сидят массами в тюрьмах, десятками тысяч попадают в ссылку, их там бессудно казнят...

Где же выход? В чем спасение?

Чтобы можно было обоснованно и уверенно гово-

рить о будущем, надо хорошо изучить прошлое и внимательно присматриваться к настоящему.

Исторические события никогда не бывают случайными. События данного периода времени, обыкновенно, имеют корни и причины в далеком и ближайшем прошлом. Так и события, происходившие внутри Казачьих Земель, равно и упорная война Казачества с Россией, долго подготовлялись предыдущей историей самого Казачества, историей России, а также долгой историей народов и земель, выступивших на сцену кровавой борьбы 1917-1920 г. г.

До революции 1917 г. несколько сот лет казаки имели дело с русским государством, с русским народом, с его культурой и некультурностью, с его историческими стремлениями, политическими, общественными и социальными идеалами, с его способами борьбы и мирного строительства. Во время революции 1917 г., в период от 1-го марта до 25 октября,*) Казачество имело дело с русской революционной демократией, захватившей власть в России и выдвинувшейся на аван-сцену событий того времени — с Временным Правительством, общественными и политическими русскими организациями — различными русскими партиями, советами рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, с различными комитетами в армии и т. д.

После 25-го октября 1917 г., когда Казачество принуждено было вести вооруженную борьбу с большевицкой Россией, с русскими большевицкими армиями, на казачьих землях действовали различные общественные и политические организации и русская Добровольческая армия. Поэтому казакам пришлось иметь дело с Россией, с русским народом и его общественностью, с его военными силами не только на внешнем фронте борьбы, но и внутри, в Казачьих Землях.

Вследствие этого, для об'ективного освещения и правильного понимания чисто военных событий при-

*) Все даты по старому стилю.

ходится касаться не только исторических явлений казачьей жизни, но необходимо говорить и о взаимоотношениях казаков с русскими общественными, политическими и военными силами, действовавшими в это время на Казачьих Землях.

Кроме Казачества, вооруженную борьбу с Россией вели Украина, Белоруссия, Польша, Литва, Латвия, Эстония, Горцы Кавказа, Грузия, Азербейджан, Сибирь, народы Туркестана и т. д., которые, как и казаки, не только строили свою независимую государственность, в прошлом уничтоженную захватническими стремлениями России, но и принимали меры к недопущению новых захватов своих земель со стороны империалистической России. Казачьи Края должны были вступать с этими народами, особенно с соседними, в те или иные взаимоотношения. Таким образом, казачья напряженная и упорная работа по государственному устройству своих Земель и защита их от нового русского завоевания, явилась только частью, только отдельным звеном огромного фронта исторической борьбы народов, стремящихся к своему освобождению, с одной стороны, и борьбы русского самодержавия (черного, белого или красного) с возрождающимся казачьим, украинским, белорусским и т. д. народами и их стремлениями к государственной самостоятельности, с другой.

В 1917-1920 г. г. на всем обширном пространстве земель, от Ледовитого океана до гор Армении и Туркестана, от Балтийского и Черного моря до Тихого океана, пришли в более энергичное движение силы, действовавшие здесь в течение многих веков перед этим и продолжающие творить историю и после 1920 г. Одной из этих сил был русский народ, другой — казаки, украинцы, народы Кавказа и т. д.

Эти события, начавшиеся на территории одного из активных участников Мировой войны, происходившие во время этой войны и развившиеся на той зна-

чительной части суши целого земного шара, затрагивали те или иные интересы не только народов и государств-соседей, но, естественно, привлекли к себе внимание со стороны всего мира. Поэтому иностранные государства, разделенные на две огромные, воюющие между собою, группы, старались влиять и так или иначе использовать в своих интересах борьбу на территории бывшей России и привести ее, борьбу, к желательному для себя концу. Не было, кажется, ни одного нового или старого центра великой борьбы на территории бывшей России, где бы не находились агенты иностранных государств в виде дипломатических, военных или торговых представителей и даже в виде уполномоченных мирного Красного Креста. Явно или скрытно привозилось или увозилось вооружение и даже войска, становившиеся на ту или иную сторону, прибрежные города часто были под угрозой обстрела с иностранных военных судов, а иногда подвергались и самому обстрелу.

Вследствие этого силы, боровшиеся на территории бывшей России, а в том числе и Казачество, принуждены были иметь дело с этими внешними силами, принадлежавшими к двум боровшимся лагерям — с центральными державами и с государствами антанты. При чем, за короткий промежуток времени 1917-1918 г. г. Казачеству пришлось вступить в непосредственные сношения с обеими воюющими группами иностранных государств.

Поэтому мы должны будем хотя вкратце коснуться и всех этих вопросов, прямо или косвенно влиявших на ход героической войны, которую Казачество принуждено было вести в течение почти трех лет с 1917 до 1920 года, и продолжает вести после захвата Казачьих Земель русскими силами, сорганизованными русской большевицкой властью.

Хотя коротко и в общих чертах, остановимся на характеристике русского народа, русской государственной жизни, внешней и внутренней политике русских

правительств, явившихся причиной порабощения Россией многих соседних народов и принудивших эти угнетенные народы с оружием в руках бороться с русским владычеством.

Русские методы государственного строительства.

К сожалению. до сих пор еще нет об'ективно написанной всей русской истории, которая беспристрастно и правдиво изображала бы долгий процесс строительства государства российского. Чем больше мы вдумываемся в этот процесс „собирания земли русской", тем в большей степени нас охватывает ужас при виде тех способов, которыми пользовались руководители внутренней и внешней политики в течение многих веков ради построения „единой и неделимой" России.

Характер русских правителей в полной мере проявился уже на самой заре русской (московской) истории. Уже тогда выделилась фигура первого русского князя-самодержца, суздальского князя Андрея Боголюбского, который, как говорит русский историк С. Ф. Платонов,

> „желая быть „самовласцем" в Суздальской земле, прогнал оттуда своих братьев, разогнал от себя наиболее самостоятельных и строптивых бояр и поставил себя от городских вечевых собраний" (С. Ф. Платонов. Учебник русской истории. Прага, стр. 74-75).

Вольнолюбивый Новгород этот князь морил голодом, запретив подвоз хлеба с Поволжья. Против Киева послал в 1169 году войска, захватил его и три дня суздальцы грабили и жгли стольный город, при чем беспощадно были разграблены и обесчещены монастыри и церкви. Так действовал уже первый „собиратель земли русской"!

Борьба московских князей с Рязанью, Тверью, с Новгородом Великим, Псковом, Вяткою сопровождалась

самыми беспощадными насилиями, пролитием крови, грабежами... Прославленный русскими историками и патриотами Иван Калита (княжил с 1328 до 1341) не постеснялся привести 50.000 татарского войска для полного разгрома своего противника — Тверского князя... Иван III (1462-1505) казнил множество бояр новгородских...

> „Исподволь все лучшие люди новгородские были выведены из Новгорода, а земли их взяты на государя и розданы московским служилым людям, которых великий князь в большом числе поселил в новгородских пятинах“ (С. Ф. Платонов, стр. 120).

То же самое делал Василий III (1505-1533) в городе Пскове. Он уничтожил вечевое управление в этой республике, переселял людей массами на московские земли, даже вечевой колокол, как символ бывшей свободы, забрал в Москву.

> „Псковичи только слезами оплакивали потерю своей вековой вольности и жаловались, что город их поруган и разорен, а псковичи бедные не ведали правды московския“ (Платонов, стр. 126).
> „Как и во Пскове, рязанцев толпами выводили в Московские волости, а на их место селили москвичей. Такой „вывод“ из покоренных земель делали для того, чтобы уничтожить в них возможность восстаний и отпадений от Москвы“ (Платонов, стр. 127).

Замечательно то, что все „собиратели земли русской“, начиная Андреем Боголюбским и кончая Василием III, любили окружать себя простыми раболепными дьяками. Иностранные послы говорили о Василии III, что он имеет такую власть, какой не обладал ни один современный ему монарх. Сами москвичи равняли своего государя с Богом, говоря: „Мы этого не знаем, знает Бог, да Государь“.

Услужливые русские историки того времени создали теорию о том, что „Москва — третий Рим“, что

русский народ — „Новый Израиль“, что русская династия происходит от римских цезарей и т. д.

Если внимательно присмотреться к прошлому Московского государства, нам станут более понятны и современные события. Вот перед нами выступает колоритная фигура русского правителя — Ивана Грозного. С 1564 года и до 1584 года этот царь делал почти то же самое, что теперь делают большевики: мучил и казнил неприятных ему людей, из целых уездов выводил всех опасных и подозрительных для него людей и на их места селил преданных ему опричников; отбирал вотчины и хозяйства и раздавал их своим верным людям...

> „По всему государству, много лет сряду, вторгаясь в частные дома, опричники проливали кровь, насильничали, грабили и оставались без всякого наказания, так как считалось, что они выводят измену из царства.
>
> В 1570 году царь подверг разорению целый город, именно Новгород. Заподозрив новгородцев в какой то измене, он ходил на них войною, как на настоящих врагов, и губил их без всякого суда в течение нескольких недель... От этой политики центральные области Московщины все пустели и пустели. К концу царствования Грозного оне запустели до такой степени, что с них царь не получал уже ни ратных людей, ни податей“ (Платонов, стр. 151).

Следует подчеркнуть то обстоятельство, что именно во время правления Ивана Грозного, в конец разоренная и своему правителю порабощенная, неграмотная Москва переходит к завоеванию соседних народов и областей. И эта духовно и экономически бедная, московская „коммуна“ того времени начала прибирать к рукам чужие земли, наступая постепенно к Балтийскому, Черному и Каспийскому морям, а также пробираясь на Урал.

В конце XVI и в начале XVII столетия Москва пережила тяжелый кризис, именуемый „смутным временем“, потопталась несколько десятков лет на месте, но потом снова двинулась вперед, постепенно завоевывая земли белорусские, украинские, казачьи, польские, Кавказ, Сибирь, Туркестан...

Россия и казаки.

Русское самодержавное государство, встретив на пути своего расширения казачьи республики — Донскую, Яицкую, Запорожскую и другие — вступило с ними в последовательную и ожесточенную борьбу. Самодержавная Россия уничтожила не только их независимость и самостоятельность, но и казачье демократическое правление.

Казачьи Земли в XVII столетии под предводительством казака Степана Разина попробовали было тряхнуть всем Московским царством, но сторонники Москвы среди казаков же выдали Разина правителям „матушки Москвы“. Немного позже, в начале XVIII столетия, Украина выступила против Москвы под руководством гетмана Ивана Мазепы, а Донские казаки — при Атамане Булавине.

Царь Петр, утопил в крови и Дон и Украину. В столице Правобережной Украины, Батурине, московскими войсками были вырезаны старики и дети, а тысячи повешенных Донских казаков были пущены на плотах вниз по Дону. Жестокой рукой русского завоевателя было уничтожено автономное устройство Дона, Запорожья и Украины.

Как они похожи друг на друга, все эти строители России „чудотворные“ и Андрей Боголюбский, и Иван Калита, и Иван III, и Василий III, и Иван Грозный, и Петр I!..

Казачество в другой половине XVIII столетия сделало еще одну, весьма серьезную попытку сбросить с себя и со всей России (в этом, т. е. в том, что хотели

перестроить и самую Москву, была первая и основная „ошибка“ тогдашнего движения) страшное помещечье-царское иго (1773-1775 г. г.). Во главе этого движения, как известно, стоял донской казак Емельян Пугачев. Казачье революционное национальное движение охватило было большие просторы земель по Волге, Уралу и западной Сибири. Кроме восточных казаков, в этом восстании приняли активное участие и другие народы — киргизы, калмыки, татары, башкиры, вотяки, мещеряки, черемисы... Даже большевицкий историк М. Н. Покровский признает, что это восстание „было первым восстанием угнетенных царской Россией народов“.

Только с колоссальным усилием русскому правительству удалось подавить эти национальные освободительные движения, руководимые казаками.

Жестоко подавив это восстание, Екатерина II в 1775 году разорила и Сич Запорожскую и в том же году издала „Учреждения для управления губерний“, в полной мере централизовав управление Россией.

Необходимо подчеркнуть здесь чрезвычайно важное обстоятельство, принесшее столько бед Казачеству: среди самих казаков нашлись люди, которые в течение двух столетий сознательно помогали русской власти порабощать Казачество политически и экономически. Эту предательскую роль сыграла большая часть казачьей старшины, которая не постеснялась пойти на всяческие унижения перед престолом самодержцев России, лишь бы захватить в свои руки лучшие земли в казачьих республиках и привилегированное среди трудовой казачьей массы положение.

Постепенно, в XVIII и XIX столетиях, внутри самого Казачества выросло дворянское сословие, которое получило в вечное и потомственное владение лучшие, казачьей кровью добытые, казачьи земли. И это дворянское сословие, ограбившее самих же казаков, явилось опорой для русского правительства и проводником русской политики в Казачьих Землях.

Казаки массами умирали в войнах России с Турци-

ей, с Наполеоном, с Персией и т. д.; казачьими костями густо усеяны закаспийские пески, горы Персии, Турции, Кавказа, берега Азовского и Черного морей, берега рек Дуная, Вислы, Одера и Эльбы, а в это время казачьи паны и підпанки туго затягивали русский хомут на вольнолюбивой казачьей шее. Каждый русский царь, вступая на престол, своей грамотой торжественно подтверждал „казачьи права и вольности“, казакам милостиво дарили то, чем они владели уже в то время, когда Москва была еще удельным княжеством и ее владения от казачьих земель отделялись широкими просторами Рязанского княжества и Дикого Поля; казакам милостиво посылали в награду за военные подвиги большие и малые трубы, знамена, давали им различные нашивки, но у казаков Россия отобрала старинное их право выбора Войскового Атамана и правительства, и казаками управляли наказные атаманы; военное искусство казаков, их военные силы Россия старалась широко использовать при завоевании различных народов и для удержания этих народов в составе России, но в это же время порабощала и самих казаков... Казачество всячески сопротивлялось захватнической политике России... Уже после ликвидации Пугачевского восстания, после уничтожения Сичи Запорожской (1775г.) поднялось на Дону новое восстание казаков в 1792 году. Это восстание непосредственно было вызвано распоряжением русского правительства о переселении нескольких донских станиц (Бесергеневской, Мелеховской, Маноцкой, Пятиизбянской, Верхней и Нижней Чирской, Кобылянской, Есауловской и других) на Кубань. Скоро движение охватило было большую часть земель войска Донского. Казаки восстали теперь не только на защиту своих прав от посягательств русского правительства, но принуждены были открыто выступить и против казачьей старшины, против казачьего дворянства, поддержавшего русское правительство. Екатерина II послала на усмирение этого восстания 15 тысяч регулярных войск всех родов оружия и, при явной и

открытой поддержке донского войскового Атамана Иловайского и донского дворянства, в 1794 году подавила это восстание (Ф. А. Щербина: История Куб. К. Войска. 1910. Том I, стр. 659-695).

Запорожское войско, переселенное на Кубань в 1792-1793 г. г. под именем войска Черноморского, защищая свои права перед Россией и борясь против своего, тогда только нарождающегося, кубанского казачьего панства, восстало было в 1797 году под предводительством казаков Дыкуна, Шмалька, Собакаря и Полового. Императорское русское правительство, при поддержке кубанского казачьего панства, подавило это восстание и жестоко наказало его руководителей (Щербина, т. I, стр. 601-654).

Новая Россия и старые методы.

Завоевание Россией земель польских (1773—1795), присоединение Грузии (1801 г.), Финляндии (1809 г.), (1812 г.), Амурской области (1858 г.), Уссурийского края (1860 г.), Кавказа (1864 г.), Бухары (1868 г.), Хивы (1873 г.) и Кокана (1876 г.) только округляло владения русского государства.

Таким образом, из маленького Суздальского удельного княжества XII столетия к началу XVI столетия (завоевание Пскова в 1510 г.) Москва об'единила племена и княжества русские (великорусские), а с XVI столетия и до конца XIX — Московское государство, кровью и железом покорив соседние народы и земли, разрослось в огромную Русскую Империю.

Завоеванные Россией народы всячески боролись против поработителей, поднимая, иногда, и вооруженные восстания для защиты своей свободы и независимости. Хорошо известны не только казачьи восстания Степана Разина, Булавина, Пугачева и других, но часто восстания поднимали и другие народы. Так поляки почти поголовно восставали против России в 1794 г., при Наполеоне в 1812 г., потом в 1830 г. и в 1863 г. Для по-

давления этих восстаний Россия принуждена была посылать многочисленные русские войска под руководством своих лучших полководцев — Суворова, Румянцева, Дибича, Паскевича и др.

В этот долгий промежуток времени, охватываемый польскими восстаниями, героическую, хотя и явно неравную борьбу с Россией вели кавказские народы...

Вызывает просто удивление то упорство и последовательность, с какими вели борьбу с Россией такие малые народы, как литовцы, латыши, эстонцы, финны и другие. Недолгое владычество царской России в Туркестане сопровождалось восстаниями покоренных народов этого богатого края.

Постепенно, но безостановочно развивалось и укреплялось национальное освободительное движение у украинцев и белоруссов...

Необходимо отметить следующее важное обстоятельство: кто из этих народов первый пробудился и брал силы для освободительной борьбы, тот первый и освободился, создав свое самостоятельное государство, а кто позже пробудился и позже начал собирать силы для борьбы, тот до сих пор пребывает в русской неволе и переносит на своей спине кровавые опыты очередной русской власти...

Русская власть и русская общественность, как известно, проводили последовательно и упорно политику полной ассимиляции, полного обрусения нерусских народностей, поневоле попавших под русское владычество. XVIII и особенно XIX столетия буквально пестрят распоряжениями русского правительства, запрещающими применение национальных языков в управлении, в печати, в церкви и школе. Всюду были введены, в конце концов, русские законы, русская администрация, русская полиция, русские войска, русская школа...

Система воспитания и обучения народных масс в школе, в церкви и в армии была продумана до мельчайших подробностей и настойчиво проводилась в жизнь. В множестве церковных, духовных и епархиальных учи-

лищ, в духовных семинариях и академиях, и во многих тысячах православных церквей и монастырей, изо дня в день, из года в год, население научалось и поучалось „в русском духе“, ему вбивалось в голову, что все зависит от Бога в „богохранимой державе российской“... В кадетских корпусах, юнкерских и военных училищах, в академии генерального штаба и в морской академии подготовлялись многочисленные кадры для военного воспитания и обучения „в русском духе“ всех племен и народов России. Соответствующая „наука“ ежегодно вбивалась в головы и сотням тысяч молодых людей, взятых на действительную службу.

Русская церковь, русская школа и русская армия в течение столетий являлись в руках русского правительства и русского народа могучим орудием систематического обрусения нерусских народов и их ассимиляции...

Русская власть уничтожила старое вечевое управление, разметала и повергла в прах старые боярские роды рюриковичей и других и в замену их вырастила и воспитала послушное дворянское сословие, из рядов которого комплектовался офицерский состав русской армии, пополнялись ряды администрации, начиная с низов и кончая министрами... О соответствующем воспитании молодого дворянского поколения заботились многочисленные учебные заведения, куда допускались только дворяне.

Была создана, хотя громоздкая, дорогая и малоподвижная, но послушная армия больших и малых царских бюрократов, безответственная перед народом, но беспрекословно подчиняющаяся императору России, первому дворянину этого государства, как называл себя еще Николай I.

Служба русских гражданских и военных чинов на землях покоренных народов была обставлена многими преимуществами.

Русская так называемая демократическая и даже революционная общественность, культурная часть русского народа, выразительница и носительница его политических, общественных и государственных идеалов, никогда не поднималась до понимания необходимости освобождения завоеванных Россией народов. Русские поэты и писатели, такие как Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Достоевский, Толстой Л. и другие жили и творили именно в те времена, когда Россия покоряла или „усмиряла“ различные народы, но ни один из русских великих художников ни одним словом не выступил с решительным протестом против творимых Россией, действительно страшных, кровавых насилий над народами.

Русске историки сделали все, чтобы оправдать в глазах русской общественности и подростающего поколения те страшные насилия, которые произведены были Россией над завоеванными Финляндией, Эстонией, Литвой, Латвией, Польшей, Белоруссией, Украиной, Казаками, Кавказом, Туркестаном и т. д. И как все просто и ясно у русских историков: одних завоевала Россия потому, что хотела пробить „окно в Европу“, Белоруссию и Украину покоряла, чтобы „собрать русские племена“, казаков, чтобы овладеть их землями, Кавказ завоевывала ради борьбы с магометанством и ради „защиты“ от насилий единоверной Грузии, Азию и Туркестан завоевывали ради насаждения русской культуры среди тамошних племен, хотя фактически, Сибирь долго была местом ссылки „вредных“ для России элементов, Порт-Артур брали, чтобы прорубить окно в Тихий океан и т. д.

Русские писатели и русские историки, а вместе с ними и русские журналисты, помогали русскому правительству духовно и физически душить нерусские народы. Даже такой прославленный русский поэт, как А. С. Пушкин, крикнул в глаза народам Кавказа, истекавшим кровью в борьбе за свою самостоятельность: „Смирись, Кавказ, идет Ермолов!“

Уничтожив у родственных славянских народов — Белоруссов, Поляков, Украинцев и Казаков — всякие свободы, ограбив эти народы материально, подавив свободу и независимость других народов не славянских, русское правительство шло... освобождать балканских славян от турецкого ига.

В 1830—1831 г. г. русские войска утопили в крови польское восстание против России, в 1848—1849 г. г. русские войска подавили восстание мадьяр (венгров) против Австрии и те же русские войска в 1852 г. были направлены против Турции ради „спасения Гроба Господня, ради освобождения славян, живших в Турции"...

1863 г. Россия подавила новое польское восстание, в 1859—1864 г. г. Россия окончательно покорила народы Кавказа, а в 1877—1878 г. г. Россия воевала с Турцией... ради освобождения славян — Болгар, Сербов и т. д. Русская общественность много внимания уделяла обсуждению положения славянских народов в Турции и в Австро-Венгрии, но угнетенное состояние порабощенных славянских народов в самой России — белоруссов, поляков, украинцев и казаков — не только замалчивала, но, в большинстве случаев, оправдывала русское самодержавное правительство в творимых им над теми народами насилиях.

Не удивительно, что подрастающие русские поколения, воспитанные в такой русской семье, в такой русской школе и в такой русской обстановке, являлись потом только продолжателями национальной политики их отцов. Дух пренебрежения ко всем нерусским народам России пронизывал все слои русского общества.

Перед 1905 годом.

Одновременно с расширением пределов России, одновременно с завоеванием ею все новых и новых народов, одновременно с укреплением в русском обществе мнения об особых высоких заданиях, будто-бы ле-

жащих на русском народе, пробуждалось национальное самосознание и у покоренных Россией народов, росло сопротивление русской политике...

Причем те, завоеванные Россией, народы, которые жили у западных границ ее — финны, эстонцы, латыши, литовцы и поляки — раньше пробудились к национальной жизни, чем другие народы. Это явление можно об'яснить многими причинами: географическая близость к западной Европе открывала возможность более легкого проникновения к этим народам западно-европейских освободительных идей; для каждого финна, эстонца, литовца или латыша совершенно ясно было, что он не только не русский, но не является славянином вообще; высшие классы у этих народов тоже не были славянами, а принадлежали или к своему народу, или были немцами, шведами и т. д.; большое значение имело также и то обстоятельство, что у всех перечисленных западных народов церковь не была православной и сама часто являлась проводником и защитником самостийнических стремлений у этих народов. В то же время у большинства белоруссов, почти у всех украинцев и у казаков церковь была и есть православной и духовенство белорусское, украинское и казачье еще с XVII столетия почти поголовно стало поддерживать русское правительство и, таким образом, православная церковь явилась весьма серьезным орудием в руках России для проведения широкой политики обрусения; белорусское, украинское и казачье духовенство, в своем подавляющем большинстве, не только покинуло свои народы, перейдя на служение России, не только содействовало национальному угнетению своих народов, но, ради своих грубо корыстных, материальных интересов, это духовенство само угнетало иногда свои народы, забрав для церквей и монастырей лучшие земли, введя на них крепостное право и являясь проводником руссификации. Таким образом, казачье, украинское и белорусское дворянство и духовенство не только не защищало трудовые классы своих народов, а всячески содействовало

укреплению русского владычества и русского самодержавного режима на белорусских, украинских и казачьих землях.

Однако, справедливость требует подчеркнуть и то важное обстоятельство, что меньшая, незначительная, но лучшая часть дворянства и духовенства у этих народов все же явилась носительницей национальных идей и организатором национальных освободительных движений.

Успех борьбы какого-нибудь народа за освобождение, как известно, зависит не только от степени национального самосознания порабощенного народа, не только от его воли к освобождению и степени его сорганизованности, но и от его численности, от его физической силы. Среди завоеванных Россией народов своей численностью выделялись украинцы, белоруссы и поляки. В то время, когда поляки в течение первых шестидесяти лет пребывания под русской оккупацией четыре раза поднимали всенародные восстания за освобождение из под власти России (1794, 1812, 1830, 1863 г. г.), украинцы и белоруссы за этот период укрепления могущества России всенародных национальных восстаний против России не поднимали. Это обстоятельство Россия использовала для расширения своих пределов и для проведения жестокой политики руссификации покоренных народов. Переманив на свою сторону белорусское, украинское и казачье духовенство и дворянство, Россия прикладывала все усилия для самого широкого использования хлеборобского населения этих народов в своих интересах.

С ростом капитализма в России начал твориться рабочий класс. У западных народов, живших в XIX столетии под властью России, этот класс комплектовался из состава этих народов. Постепенно здесь в фабрично-заводских районах появились значительные рабочие организации, которые были не только защитниками новых идей в области социальной жизни государств, но явля-

лись часто и носителями и идеи национального освобождения.

Рост капитализма на Украине и в Казачьих Землях вызвал усиление в их центрах промышленности русского элемента, так как украинцы и казаки очень неохотно шли на фабрики и заводы, не желая менять труд хлебороба на труд фабричного рабочего. Рабочие центры здесь явились местом пропаганды русских или интернациональных идей.

Центрами хозяйственной и культурной деятельности населения, обыкновенно, являются города. Так оно было и будет и в Казачьих Землях. Центром экономической жизни всего Северного Кавказа и Области Войска Донского является город Ростов на Дону, выросший тут за последнее столетие из простого поселка в трехсоттысячный город является прежде всего русским. В других городах Казачьих Земель преобладало тоже русское население. Это обстоятельство тоже имело весьма большое значение во времена борьбы Казачества за свою независимость в 1917—1920 г. г.

Таким образом, Казачество имело против себя русскую государственную власть с ее войсками, полицией, судами, бюрократическим аппаратом управления, с ее русскими школами, русской церковью; центры культурной, политической и хозяйственной жизни населения — города — тоже были русскими; промышленные и торговые центры явились местом накопления русских, главным образом, рабочих, фабрикантов и купцов; руководителями и дирижерами политической жизни населения, рядом с русским правительством, являлись русские партии, имевшие в своих руках газеты и журналы, это сильное орудие пропаганды и политического воспитания масс...

Все вышеуказанные обстоятельства до крайности затрудняли и осложняли государственное строительство и организацию вооруженной защиты Казачьих Земель в 1917—1920 г. г.

Революция 1905 года.

Все увеличивающееся видимое могущество России, с одной стороны, и беспрерывно возрастающее национальное самосознание у покоренных Россией народов, с другой, рано или поздно, должны были привести к открытому столкновению между борющимися сторонами.

Военное столкновение России с Японией в 1904—1905 г. г. показало всему миру, что Россия не является таким могучим государством, как о ней думали перед тем. Сравнительно небольшая Япония разгромила, как известно, русские сухопутные и морские силы. Ослабление России на внешнем фронте борьбы привело к открытому выступлению против правительства революционно настроенных части рабочих и крестьян в 1905—1906 г. г. и к усилению национальных движений среди подвластных России народов. Не только значительное число казачьей интеллигенции приняло непосредственное активное участие в революционных событиях в 1905-1906 годах, но и целые казачьи воинские части открыто выступили на стороне революции.

Путем признания своего поражения Японией и территориальных уступок Россия прекратила внешнюю войну. Потом было подавлено как рабоче-крестьянское революционное движение, так и национальные движения 1905—1906 г. г. Все же эти события до основания зашатали огромным зданием России, с такими усилиями построенным в течении многих веков.

Революция 1917 года.

Последующие годы явились периодом усиленной подготовки к новым столкновениям сил, боровшихся внутри России. В толще самого Казачества наметился процесс более ясного разделения казаков на казаков-демократов, боровшихся против самодержавного строя, и казаков-панов, защищавших этот строй.

Наконец, царская Россия не выдержала тяжелых

испытаний, выпавших на ее долю в 1914—1917 г. г., и рухнула. Император, опиравшийся на многовековые самодержавные традиции русского государства, не смог найти себе поддержки ни в среде русских помещиков и капиталистов, ни в многомиллионной русской армии, ни, наконец, в 400 тысячах русских офицеров...

Так как общественная и политическая работа в царской России была придушена и всячески преследовалась, в передреволюционное время не было выработано жизненных программ для удовлетворения интересов большинства населения б. Империи — крестьянства и рабочих, не было также подготовленных, испытанных вождей у этих классов. А между тем, перед русским и иными народами России стало в 1917 г. много больших и больных вопросов. Первым из них был вопрос о войне, начавшейся еще в 1914 году; другим — вопрос о политическом и национальном устройстве России; не менее важным был вопрос продовольствия армии, рабочих центров, городов и бесхлебных районов; видное место занимал также вопрос крестьянский и рабочий; не менее важным был и вопрос о том, какое правительство, из кого составленное, должно править Россией при новых обстоятельствах... Все эти вопросы представляли бы огромные затруднения даже для государства однонационального... Их же приходилось разрешать в многонациональной России, где перед тем русский народ был паном, а иные национальности — людьми второго порядка. К тому же, все эти вопросы приходилось разрешать во время изнурительной внешней войны, приходилось разрешать их во время величайшей из революций, бывших когда-либо, ибо в 1917 году пришло в движение около 180 миллионов разноплеменного населения бывшей России.

Многие народы б. Р. И., боровшиеся за свое освобождение, в начале революции тоже не имели продуманных и ясных, на жизненном опыте проверенных, программ национальной работы и государственного строительства. Многие национальные: украинские, бе-

лорусские, грузинские, татарские и т. п. партии образовывались уже потом путем выделения людей данной национальности из общерусских партий — соц.-револ., соц.-дем., к.-д., октябристов, монархистов и т. д.

Россия не только угнетала национальности, эксплоатируя физические и духовные силы народов и природные богатства их национальных территорий, но она, убивая у „окраинных" народов возможность какой-бы то ни было национальной работы, сама развалившись, оставила эти народы без испытанных и подготовленных национальных вождей, которые могли бы в такие тяжелые времена взять в свои руки руководство освободительным движением и государственной жизнью этих народов...

Вследствие всех этих причин, с падением царского режима начался полный хаос в общественной и государственной жизни на всей территории бывшей России. Ни в центре государства, ни на местах не было твердой власти с ясной программой деятельности...

Возрождение казачьей государственности.

Все враги Казачества должны признать, что оно, разбросанное на обширной территории от Черного моря до Тихого океана, придавленное раньше духовно и материально, порядком ограбленное русским государством за последние 200 лет, особенно в отношении политическом, не только не растерялось в этом хаосе, а выявило ясное и здоровое понимание обстановки и путей общественного, национального и государственного строительства. Это оно показало, как на двух общеказачьих с'ездах в Петрограде, в апреле и в июне месяцах 1917 г., так и в сложной и ответственной работе по устройству своих Областей. Чтобы убедиться в этом, достаточно констатировать следующие факты:

1. К октябрю месяцу 1917 г. казачьи Войска уже имели у себя восстановленное государственное устройство своих Областей на основании конституций, состав-

ленных и утвержденных своими представительными учреждениями (Круги, Рада), имели своих выборных атаманов-президентов и правительства и свои законодательные органы — на Дону, на Тереке, на Урале и т. д. Круги, а на Кубани — Раду.

2. Имели уже и свое высшее государственное об'единение — Юго-Восточный Союз, в который входили Войска: Донское, Кубанское, Терское и Астраханское, Горцы Кавказа и Вольные народы степей. Необходимо отметить, что и со стороны горцев Кавказа и со стороны казаков было выявлено взаимное понимание, желание дружеского, договорного сотрудничества между нарождающимися казачьими и горской республиками.

3. Возрождая на деле, при новых обстоятельствах, при наличии все продолжающейся войны и революции, свою государственную самостоятельность, казаки не забывали о других народах и настаивали (1917 год) на переустройстве всей России на федеративных началах путем добровольного соглашения между собою молодых национальных республик. Если при этом припомнить тот факт, что „С'езд Народов", состоявшийся в Киеве 21—28 сентября 1917 года в составе представителей: украинцев, татар, грузин, латышей, литовцев, евреев, белоруссов, эстонцев, молдаван, казаков и бурят, тоже вынес постановление о необходимости переустройства России в федерацию, необходимо признать тот факт, что казаки в то время (как и позже) шли в ногу с другими народами.

4. Во время наступившего полного развала и распадения российской армии, во время начавшейся организации национальных — украинских, польских, татарских, грузинских и т. д. — воинских частей, казачьи воинские части, окруженные ненавистью русских солдат, продолжали сохранять дисциплину, воинский вид и полный внутренний порядок до последних дней пребывания своего на фронте...

Говоря обо всем этом, мы имеем в виду не настро-

ения отдельных групп казаков, а стремления и работу казачьей массы, вылившей свои желания в постановления Кругов и Рады.

Казачество и русская революционная демократия.

Известно, что Украину, Дон, Урал, и т. д. — и свободу многих других народов уничтожило русское государство в XVII—XIX столетиях под управлением царей и императоров. Неоднократно можно было слышать и читать перед революцией 1917 г. утверждения, что против казачьей свободы, против свободы других народов боролась царская Россия, поддержанная дворянскими и вообще буржуазными кругами русской общественности, что так называемая русская демократия не пойдет против свободы казаков и иных народов. Такие же заверения услышали казаки публично на двух общеказачьих с'ездах в Петрограде в 1917 г. не только от представителей разных русских партий, но и от официальных представителей Временного Правительства (Керенского и других). Казаки, очевидно, сначала поверили этим заявлениям и, ценою своей крови, в июле месяце 1917 г. спасли Временное Правительство от более левых захватчиков власти — большевиков.

Необходимо ясно и открыто поставить вопрос об отношении русской революционной демократии к Казачеству, как и к другим народам, покоренным Россией. Выше мы уже говорили о русских историках, писателях, журналистах и пришли к печальным для русского народа выводам: русское культурное общество свою действительную культурность проявило в поддержке тех страшных насилий, которые предреволюционная Россия творила над различными народами, оказавшимися на пути ее империалистических стремлений.

После падения царизма к власти пришла русская демократия — Временное Правительство, его комиссары на местах, советы рабочих, солдатских и крестьян-

ских депутатов, солдатские комитеты в армии и т. д. Она, революционная демократия, явилась хозяином положения, как в государственной, так и в общественной жизни.

Что же она делала и какие были последствия ее работы?

Русская демократия, революционная и просто демократия, не сумела наладить, хотя-бы в Великороссии, сносное государственное управление, восстановить порядок, наладить продовольствие населения и армии, прекратить агитацию в тылу и в армии со стороны своих, более левых, товарищей — большевиков и левых соц.-рев. В то же время она весьма последовательно и деятельно вела борьбу не только с возрождающейся казачьей государственностью, но и с украинским, белорусским и т. д. освободительным движением, широко использовав то обстоятельство, что и Временное Правительство и его представители на местах были набраны из рядов русской демократии. Свое действительное отношение к казакам русская демократия выявила в такой преступной деятельности, как натравливание против казачьих воинских частей разнузданной солдатской массы, как мобилизация Временным Правительством против Дона целых двух военных округов в сентябре 1917 года, как привоз на Кубань, стараниями городского головы города Екатеринодара, соц.-дем. Адамовича, запасного солдатского артиллерийского дивизиона с 24 пушками и $3^1/_2$ тыс. солдат со специальной целью борьбы с Казачеством; как привоз на Кубань большевицкой 39 дивизии...

Подобными фактами, характеризующими действительное отношение русской революционной демократии к казакам, можно заполнить целые страницы.

Особенно характерным для русской революционной демократии является следующее: вождь ее, Александр Керенский, в сентябре месяце 1917 г. мобилизовал против казаков два русских военных округа, натравляя на казаков русскую крестьян. и солдат. массу, а в ноябре

мес. того же года просил тех же казаков спасти Временное Правительство и русскую революционную демократию от другой, более левой, части русской же революционной демократии — большевиков, и послал казачью дивизию под командою ген. Краснова добывать Петроград у большевиков. То же самое делали и провинциальные русские революционные демократы. Для примера укажем на поведение комиссара Временного Правительства на Кубани и в Черноморской губернии, соц.-револ. Н. С. Долгополова. В сентябре месяце 1917 года, пользуясь своим высоким титулом комиссара Временного Правительства, он выступал на Кубанской Раде множество раз с речами, проваливая предложенный к обсуждению проект Конституции Кубани; он в глаза членам Рады бросал обвинения в „контр-революционности", в непонимании „государственных вопросов"; он всячески порочил Раду, подрывал ее авторитет в глазах неказачьего населения, лишь бы не допустить обособления Кубани в самостоятельную государственную единицу. Речи его подхватывала русская пресса, и эти „обвинения" против кубанских казаков и горцев разносила по всей России. Это делал соц.-революционер Долгополов именно в то время, когда другой соц.-рев. Керенский мобилизовал русские военные округа против Дона, когда делегация Временного Правительства выступала на Донском Кругу, бросая донским и всем казакам обвинения в „контр-революционности", в „предательстве народных интересов" и т. д. В ответ на это Донской Круг заявил, что „с Дону выдачи нет", а Кубанская Рада явочным порядком приняла Конституцию Кубани.

После этого, в ноябре 1917 г., тот же, но уже не комиссар (его Правительство пало) Долгополов принужден был в буквальном смысле слова убежать от своих товарищей из Новороссийска в Екатеринодар под крылышко ненавистного для него „контр-революционного" Кубанского Правительства и просить вооруженной помощи этого правительства против своих то-

варищей, захвативших власть в Новороссийске. Еще позже, 28 февраля 1918 г., Долгополов скрылся от своих товарищей в Кубанском отряде. А еще позже, уже в ноябре месяце 1919 г., этот же Долгополов выступал перед Кубанской Краевой Радой с обвинением против члена Рады А. И. Кулабухова и всей Кубанской Делегации, посланной Радой в Париж, и подготовлял расправу над покойным борцом за народоправство...

Не менее характерным является поведение и кубанского соц.-демократа Адамовича, которого русская революционная демократия избрала в 1917 г. городским головою города Екатеринодара, столицы Кубани. Этот деятель летом 1917 года принял все меры для того, чтобы привезти из Закавказья в Екатеринодар вышеупомянутую запасную солдатскую батарею для борьбы с Кубанским Казачеством; этот деятель не один раз собирал городскую думу г. Екатеринодара в начале 1918 г. для протестов против деятельности Кубанского Правительства, организовавшего вооруженную защиту Кубани от наступающих большевиков. И, в конце концов, с.-д. Адамович тоже скрылся в Кубанском отряде во время отступления из Екатеринодара.

Следует упомянуть и о деятельности еще одного соц.-демократа — С. Г. Турутина. Этот человек прибыл на Кубань из Петрограда перед революцией и занялся адвокатурой. Во время революции он был председателем екатеринодарского общественного исполнительного комитета, а с апреля месяца того ж 1917 г. стал председателем Областного исполнительного комитета, избранного на первом Областном с'езде представителей всего населения Кубани. С июля месяца этот человек был главным организатором и руководителем всей противоказачьей политики Областного Исполнительного Комитета после того, как 4 июля из его состава вышли все казаки, об'явив Кубанское Войсковое Правительство единой властью на Кубани. Много вреда Кубани принесла эта безудержная агитация.

Подобных Долгополовых, Адамовичей, Турутиных,

Керенских было много среди революционной русской демократии, как в Великороссии, так и на землях Белоруссии, Украины, Казаков и т. д. Неспособные сами к творческой государственной работе, они всюду вносили разложение, ненависть, анархию, пока имели власть и силу в своих руках... Собрав на выборах в Учредительное Собрание более 20 миллионов голосов, они без боя, позорно отдали власть в Москве и Петрограде и во всей Великороссии своим левым товарищам-большевикам, а сами попрятались за спины других...

Как и в других вопросах, так и в казачьем, большевики фактически провели в жизнь то, что много лет перед революцией проповедывали и к чему призывали русские социалисты-революционеры и русские социал-демократы. Что русские большевики (большинство партии соц.-дем.), без особых затруднений прогнав Временное Правительство и его представителей на местах от кормила правления, не поделились потом властью с соц.-дем. и соц.-рев. (правыми, а левые с.-р. были сначала у власти всюду и при большевиках), это внутреннее дело русской революционной демократии.

Всякий об'ективный наблюдатель взаимоотношений Казачества с русской революционной демократией должен признать тот факт, что нападающей стороной была всегда эта демократия. Казаки только защищались. Она своей бессовестной, демагогической и систематической агитацией против Казачества летом 1917 года стремилась подорвать авторитет казачьих законодательных и исполнительных органов; она всячески натравливала солдатские части против казачьих и против Казачества вообще; русская революционная демократия всякими мерами и самыми низкими способами стремилась разлагать и дезорганизовать казачьи войсковые части, направлявшиеся в родные Края в конце 1917 и в начале 1918 года; уже после захвата власти большевиками в Великороссии, когда казаки вели открытую вооруженную борьбу с московскими войсками, русская революц. демократия использовала „Второй краевой

с'езд Кавказской армии“, бывший в Тифлисе с 10 по 25 декабря 1917 года, для специального натравливания этой многочисленной армии против молодых казачьих республик; этот с'езд выпустил воззвание к солдатам армии, в котором, между прочим, говорилось следующее:

„С'езд признал за вами право на оружие при оставлении армии для защиты родины от контр-революционной буржуазии с ее приспешниками Калединым — Донским атаманом, Дутовым — Оренбургским и Филимоновым — Кубанским; для руководства продвижения товарищей солдат и для борьбы с контр-революцией на Северном Кавказе, на Кубани и в Закавказьи, избран с'ездом Краевой Совет и военно-революционный Комитет“... и т. д.

И все это писалось и проводилось в жизнь именно в то время, когда Казачество, несмотря на решительное противодействие Турутиных и им подобных, добилось на Кубани и на Дону соглашения с неказачьей частью населения этих Областей, установив паритетные, казачье-иногородние, органы законодательной и исполнительной власти в этих республиках...

Мы уже на исторических фактах показывали, к каким способам управления в предыдущие столетия русской истории привык русский народ: он привык беспрекословно подчиняться самой жестокой самодержавной власти. Он может взбунтоваться и даже убить своего правителя, как взбунтовалась собственная дворня первого сильного правителя Великороссии, Андрея Боголюбского, убила его в 1175 году в его любимом селе Боголюбском и разграбила его дворец. Почти тоже самое сделали русские люди со своим последним царем, Николаем II: они убили его и разграбляют его дворцы. В далекую старину, в XII столетии, в малом масштабе произошло почти то, что на наших глазах происходит в XX столетии. После Андрея Боголюбско-

го пришли новые самодержцы, появились они и после Николая II.

Современная нам русская демократия есть дитя своего народа. Она разговаривала от марта до октября 1917 г., пока из ее же рядов не выделилась группа людей, могущая управлять теми методами и приемами, которые в своей многовековой истории выработало русское государство, к которым вполне привык его народ и которые двести лет к другим народам применял. Это — с железным наконечником жезл и опричнина Ивана Грозного, это — жестокости Патриарха Никона, это — дубина и кулак, „слово и дело" Петра I, это — III отделение Николая I, это — чрезвычайка русских большевиков... Это — физическое и моральное насилие, тюрьма, мучение и смерть, ссылки, переселения, массовые истребления покоренных, в разных видах принудительные государственные работы... Беспрекословное, просто звериное подчинение...

Правление русской революционной демократии с марта по октябрь 1917 г. явилось только подготовительным периодом к вступлению к власти русских большевиков.

Одним из лозунгов, выдвинутых русской революционной демократией в 1917 г., был лозунг о мире без анексий и контрибуций. Провозгласив этот лозунг на весь мир, русская демократия в своей практической, повседневной работе в национальном вопросе продолжала вести политику царской России: она прилагала все усилия, чтобы препятствовать национальностям России строить свою государственность даже на автономных началах. Какое бессовестное политическое торжище устроило Временное Правительство России при переговорах с украинской Центральной Радой по вопросу о размерах территории автономной Украины и о компетенции краевой власти! Известно, что русские соц.-революционеры еще перед революцией ввели в свою программу требования федеративного устройства России; соц.-демократы в своей программе выста-

вляли требование автономного устройства России. Но стоило только этим русским партиям в жизни, в практической деятельности, столкнуться с необходимостью проведения своих же программ в жизнь, как они немедленно выявили свою единонеделимческую русскую душу, всячески борясь против предоставления автономных прав национальным областям. А, ведь, летом 1917 г. ни один народ, кроме поляков и финнов, не заявлял о своем желании полного отделения от России. Больше того, Украинская Центральная Рада уже после падения временного русского правительства, делала попытки организации общероссийской федеративной власти путем сговора между правительствами новых государственных образований.

Бессильное в самом Петрограде заставить многочисленные воинские части послать пополнения на фронт, русское Временное Правительство осмеливалось все время угрожать посылкой войск против Украинской Центральной Рады (украинского Правительства) в Киеве, а против казаков так просто мобилизовало целых два военных округа. И если несколько позже большевицкое русское правительство послало русские войска против Киева и против казаков, оно только осуществило то, что подготовляло Временное Правительство. То же самое делали русские люди при Андрее Боголюбском, при Петре I, при Екатерине II (разорение Киева в 1169 г., разорение Батурина 1709, разорение Дона в 1708-9 г., разорение Сечи Запорожской в 1775 г.) и т. д.

Предательская роль Временного Правительства и русской револ. демократии в отношении нерусских народов б. России заключается не только в систематической упорной борьбе с возрождающимися национальными государствами в период от марта по октябрь 1917., а, особенно, в том, что русская демократия — Временное Правительство, советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, солдатские комитеты и т. д.

— всякими мерами и способами тормозила организацию национальных военных сил нерусских народов бывшей России.

После провала июньского наступления русских войск у Тарнополя, усилился процесс полного развала армии. Русские войска не только не были способны к наступательным операциям, но они не могли просто удерживать фронт против неприятельских войск...

Массовое дезертирство, полный развал тыла, все усиливавшаяся большевицкая агитация не предвещали ничего доброго и указывали всем национальностям, в том числе и казакам, на необходимость организации своих войсковых частей для спасения своих Земель от всероссийского хаоса. Однако, Временное Правительство, русские солдатские комитеты и русское офицерство всеми мерами препятствовали организации национальных воинских частей.

На всем протяжении фронта от Балтийского моря до Черного шло „братание" с неприятелем; многомиллионная распущенная масса людей с'едала миллионы пудов хлеба, вывезенного с Украины и Казачьих Земель, и в то же время в армии велась самая бессовестная агитация против возрождающейся Украины и Казачьих государственных образований. Наибольшую вину за эти злодеяния несет русская революционная демократия. Эта она своей бездарной политикой не только привела к власти русских большевиков в Великороссии, но и облегчила им завоевание Киева, Новочеркасска, Екатеринодара, Владикавказа, Тифлиса, Оренбурга и т. д., ибо эта демократия совершенно сознательно не допускала и тормозила в свое время организацию национальных армий. Проповедуя мир без анексий и контрибуций, она боролась против освобождения народов, завоеванных Россией во времена правления царей.

И в национальном вопросе русская демократия явилась только продолжательницей старой, многовеко-

вой политики России — душить подвластные России народы, завоевывать новые народы и в то же время проповедывать освобождение народов, находящихся под властью иных государств. Вот почему все те, кто в действительности ведут борьбу за национальное освобождение своих народов от русского владычества, не могут, не смеют поддаваться проповеди русских людей, что необходимо только заменить диктаторскую самодержавную большевицкую власть в России другой русской властью и все пойдет хорошо.

Да и кто в силах передать власть в России именно русской демократии? Ведь она уже имела эту власть в своих руках и с такой позорной легкостью и малодушием передала ее в руки более левых своих товарищей; она уже имела в своих руках Всероссийское Учредительное Собрание и не сумела защитить его; она пробовала образовать на Волге фронт Учредительного Собрания, но не сумела удержать его против большевиков, хотя и опиралась на 40-ка тысячный корпус чехословацких легионеров. А в это время (лето и осень 1918 года) одно только Донское Войско, освободив свою землю от пришлых большевиков, удерживало большевицкие московские войска на восьмисотверстном фронте...

Один казачий Дон мог выставить тогда далеко большие вооруженные силы, нежели русский демократический фронт на Волге... Если бы русский народ хотел поддержать демократическое правление в России, а не большевиков он мог сделать это на Волге и на Урале.

Донские казаки сумели воевать успешно в открытых степях, а русские демократы не смогли защитить таких природных рубежей, как Волга и Уральские горы.

Имеются ли серьезные основания для веры в то, что когда либо в будущем русский народ будет активно поддерживать демократическое устройство, которого

никогда не было у него за всю восьмисотлетнюю русскую историю?

Есть ли хотя какие либо серьезные основания для надежды на то, что русская демократия, придя к власти в Москве, изменит свое действительное, а не словесное отношение к покоренным Россией народам? Уже в эмиграции мы видели, как несколько русских соц.-революционеров, вместе с социалистами других народов, находящихся в составе СССР, выработали платформу „Лиги Нового Востока", предусматривающую возможность борьбы социалистов разных народов СССР за создание будущей действительной, а не бумажной Федерации народов и земель России.

И что же мы увидели после этого? Русская партия соц.-р. наказала своих товарищей-отщепенцев и выключила из партии всех с.-р., которые имели „смелость" на эмиграции давать обещания проводить в жизнь давнюю эсеровскую программу!

О русских соц.-дем. и говорить не приходится. Большинство их, большевики, прогнав своих мягкотелых товарищей от руля правления русским государством, вот уже 15 лет проводят в жизнь свою национальную политику, а их разглагольствующее меньшинство через издаваемый за границей (в Берлине) журнал „Социалистический Вестник" и через II Рабочий Интернационал ведет пропаганду необходимости сбережения России в существующих границах.

Словом, прошлое русской револ. демократии и ее настоящее с безусловной очевидностью свидетельствуют о том, что народы, покоренные Россией, в своем национальном освободительном движении не только не могут рассчитывать на помощь русской демократии, а для достижения своих политических идеалов — полной государственной независимости и самостоятельности — принуждены будут словом и делом защищаться от великодержавных стремлений и той части русского народа, которая именуется русской демократией.

Первый период борьбы казаков с большевиками. (Ноябрь 1917 г.—февраль 1918).

Приход к власти в России (Великороссии) большевиков является завершением предыдущего периода истории русского народа и русского государства. Вопрос идет, конечно, не о названии этой власти и не о конкретных лицах, взявших в свои руки руководство жизнью русского народа, а о самой системе управления, об отношении русского государства к соседним народам и т. д.

Царская Россия слишком зарвалась, как во внешней политике, так и во внутренней. Использовав свое центральное, выгодное географическое положение в отношении завоеванных ею народов — финнов, эстонцев, латышей, литовцев, белоруссов, поляков, украинцев, казаков, кавказцев, татар Поволжья, народов Туркестана и Сибири, использовав давнюю борьбу между некоторыми из этих народов (белоруссов и украинцев с поляками, кавказских народов между собою, борьбу Запорожцев и Донских казаков с крымскими татарами и Турцией и т. д.), ловко использовав внутреннюю борьбу у этих народов (борьбу финнов с завоевателями шведами, борьбу эстонцев и латышей с завоевателями прибалтийскими немцами, борьбу украинских хлеборобов с украинскими панами и т. д.) Россия постепенно завоевала эти народы, часто используя при этом силы одного народа против другого (Запорожские казаки, например, были пущены Петром I против Донцов во времена Булавинского восстания, несколько Донских полков принимало участие при взятии Екатериной II Сичи Запорожской в 1775 г., украинцы и белоруссы в составе русских войск принимали участие в войнах России с Польшей и т. д.).

Во время Крымской войны Европа сделала России „первое предупреждение", закончившееся поражением России. Ровно через 50 лет Россия потерпела подобное поражение в Азии, у Порт-Артура, на полях Манджурии

и на море у Цуссимы. Наконец Россия потерпела поражение в последней Мировой войне.

Система царского управления Россией была настолько осуждена историей, что на защиту главы ее в 1917 году, русского императора Николая II, не выступил никто: ни русская армия, ни русское дворянство, ни даже весьма многочисленный дом Романовых. Больше того, теперешний кандидат на русский престол, Кирилл Романов, сам с красным бантом появился на улицах Петрограда...

После падения помещичье-царской России, русский народ остался жить далее, осталась его привычка к самодержавному строю, осталось его стремление устраивать свое благополучие за счет труда и природных богатств соседних народов...

Что появление большевиков у власти было подготовлено всей предыдущей историей русского народа и, в частности, короткой фазой ее от марта по октябрь 1917 г., видно ясно из того, что уже через месяц-полтора после захвата власти большевиками в Петрограде они явились полными хозяевами положения не только на землях 70 миллионной Великороссии (собственно России), но и в многомиллионной русской армии, в русском флоте и в тех частях национальных территорий нерусских народов, где русский элемент преобладал — в Донецком бассейне, в Севастополе, в Новороссийске, в местах расположения Кавказской армии, на Урале и т. д. Замечательно, что русские рабочие Ростова на Дону захватили было этот город в свои руки уже в конце ноября и в начале декабря 1917 г.

После нового об'единения Великороссии в руках новой русской власти, которое теперь произошло за короткий промежуток времени, совершенно естественно, что эта новая русская власть немедленно об'явила военный поход против Украины и против Казачьих Земель. Главнокомандующий русскими войсками, наступавшими в декабре месяце 1917 и в январе и феврале месяцах 1918 года против Украины и Дона, В. А. Ан-

тонов, в своей книге „Записки о гражданской войне", сообщает много весьма важных фактов, содействовавших укреплению большевицкой власти в Великороссии и ее успешной войне с Украиной и казаками. Он отмечает, что в самом начале правления большевиков в Петрограде, а позже и по всей территории бывшей России выдающуюся, положительную роль сыграли русские офицеры и русские (великорусские) отряды. Полковник Муравьев был большевицким главнокомандующим Петроградского военного округа; в большевицком военно-революционном комитете для обороны Петрограда видную роль играли русские офицеры-специалисты; также видную роль сыграли русские офицеры, командовавшие непосредственно войсками: командир 2-го пулеметного полка полковник Шереметьев, штабс-капитан Свеаборгской артиллерии Лукин, командир 176 пехотного полка капитан Казанцев и т. д. и т. д. Характеризуя роль полковника Муравьева и русских офицеров при защите Петрограда от наступавших казаков (Дивизия Краснова), Антонов говорит следующее:

> „Муравьев на посту главнокомандующего Петроградским военным округом развил бешеную энергию. Перед всеми нами он имел то преимущество, что сумел заставить работать офицеров. Он потребовал, чтобы все они вернулись к своим местам, он собирал их к себе в штаб и говорил с ними особым, понятным для них тоном и они преисполнялись доверия". (В. А. Антонов-Овсеенко: Записки о гражданской войне, т. I, стр. 84).

Замечательно, что и причины наступления русских войск против Украины и Дона коммунист Антонов об'ясняет так, как это делают все русские люди. Он говорит, что укрепление Юго-Восточного Союза и Украины

> „могло основательно отрезать нас от Кавказа и Бакинской нефти, лишая советский центр также

и угля Донецкого бассейна, марганца Криворожья, хлеба Украины". (Там же, стр. 23).

Поэтому большевики приказали

„1. Опираясь на черноморцев (флот), провести вооружение и организацию красной гвардии в Донецком бассейне (русские рабочие).

2. С севера и из Ставки (главнокомандующего) двинуть сборные отряды к югу в исходные пункты — Гомель, Брянск, Харьков, Воронеж.

3. 2-й гвардейский корпус, особенно активно настроенный, двинуть из района Жмеринки-Бара к востоку, для сосредоточения в Донбасе".

Наступающими на Украину и на Дон войсками непосредственно командовали — полковник Зайцев, полковник Волобуев; начальником штаба всех этих войск был вышеупомянутый полковник Муравьев.

На многих страницах своего труда главнокомандующий Антонов повествует о том, каким большим препятствием для наступления на Дон и Украину были украинизированные воинские части или те части, в которых украинцы были в значительном числе. Не меньше пришлось затрачивать большевикам сил и энергии и на борьбу с казачьими частями, возвращавшимися в это время в родные Края. С другой стороны, как отмечает Антонов, завоевание Украины и Дона большевицкая власть могла осуществить только благодаря активной поддержке многочисленных отрядов, составленных из великороссов. Тут встречается несколько отрядов Петроградских и Московских, а также отряды: Тульский, Тверской, Костромской, Ярославский, Нижегородский, Казанский, Владимирский, Орловский и др. под командой: Саблина, Егорова, Сиверса, Петрова.

Главнокомандующий так и называет людей этих отрядов — москвичи, ярославцы, новгородцы, гатчинцы, костромичи и т. д. (Там же, стр. 121).

Так русские люди (великороссы), офицеры и рядовая масса, совершенно сознательно шли на завоевание Украины и Казачьих Земель, добывая для себя уголь,

хлеб и нефть. К таким походам для завоевания соседних народов и земель русские люди привыкли за последние 300-350 лет (со времени Ивана Грозного)... Теперь они снова повели открытую войну, когда увидели, что украинцы и Казачество восстанавливают свою государственную жизнь...

Весьма характерным для определения казачьих настроений и стремлений этого времени является постановление „Совета Союза Казачьих Войск“, принятое в Петрограде 22 ноября (6-го декабря нов. ст.) 1917 г. Приведем тут часть этого постановления. Совет Союза казачьих Войск заявил тогда большевицкой русской власти через своих уполномоченных:

> „1. Что Казачество ничего для себя не ищет и ничего себе не требует вне пределов своих областей; но в то же время, руководствуясь демократическими началами самоопределения народностей, оно не потерпит на своей территории иной власти, кроме народной, образуемой свободным соглашением местных народностей без всякого внешнего и постороннего давления.
>
> 2. Что посылка карательных отрядов против Казачьих Областей, а в частности против Дона, перенося гражданскую войну на окраины, где идет энергичная работа по водворению общественной безопасности и общественного порядка и по беспрепятственной доставке грузов, угля и нефти к городам России, вызовет расстройство транспорта и тем ухудшит продовольственное дело, приведя к расстройству житницу России.
>
> 3. Что Казачество протестует против всякого введения посторонних войск в казачьи области без согласия Войсковых или Краевых казачьих правительств“.

Отрезанный от своих земель, находясь в самом центре большевицкой русской власти, Совет Союза Казачьих Войск мужественно и прямо заявил в лицо

всесильных комиссаров об истинных стремлениях Казачества в тот момент.

И в это же время внутри своих Областей Казачество пошло на полное соглашение и примирение с неказачьим населением: неказачье население получило половину мест в парламентах и в правительствах.

Если бы русские люди, как те, которые шли тогда войною на Казачьи Земли, так и те, которые нашли приют у казаков, а также и те казаки, которые проводили русскую политику, не помешали этому государственному строительству, в настоящее время Казачьи Края представляли бы из себя богатые, цветущие республики, а не влачили бы жалкое, голодное и рабское существование под большевицкой русской оккупацией.

Почему же казаки проиграли борьбу? На этот вопрос мы будем давать ответы, постепенно разбирая события 1917-1920 г. г.

В виду того, что благодаря деятельности Донской Исторической Комиссии, выпустившей 3 тома своих трудов, благодаря опубликованию работ о Доне ряда донских авторов, события на Дону уже нашли свою (хотя и далеко еще не полную и не за весь период 1917-1920 г. г.) оценку, мы не будем подробно разбирать донские события этого времени, ограничиваясь только общей их оценкой. О восточных казачьих Войсках — Оренбургском, Уральском и других и о Войске Терском у нас нет под руками сейчас достаточных документальных данных. Поэтому в дальнейшем мы более подробно остановимся в первую очередь на кубанских событиях, в соответствующих местах включая их в общую историю освободительной казачьей борьбы.

25-го октября (7-го ноября по нов. стилю) большевики захватили власть в Петрограде, а 26 октября Кубанское Правительство об'явило о непризнании этой власти, а также о том, что „отныне оно принимает на

себя всю полноту государственной власти в пределах Кубанского Края". Это же сделали и Правительства Донское, Терское и другие. С этого времени Кубань формально вступила в оборонительную войну с большевицкою Россией.

Что же было предпринято Кубанским Правительством для организации военной защиты Края?

В это время почти все боевые силы Казачества были разбросаны на фронтах Мировой войны. Некоторые кубанские войсковые части находились в пути с фронта в родной Край. В самом Екатеринодаре находились кубанский гвардейский дивизион, запасный пластунский батальон, 233 пехотная солдатская дружина, караульная команда, черкесская сотня и вышеупомянутый, преданный большевикам, запасный артиллерийский дивизион, угрожавший захватом власти в столице Кубани.

Правительство Кубани решило опереться на уже существующие воинские кубанские части, как на те, которые были уже в Крае, так и на те, которые имели прибыть с фронта Мировой войны. Без всякого кровопролития кубанской власти удалось в ночь под 1-ое ноября обезоружить большевицкий запасный артиллерийский дивизион, забрав у него все пушки и отправив людей в Россию.

Весьма часто приходилось и приходится слышать среди рядовых казаков обвинения Кубанского Правительства в том, что оно будто бы не предпринимало необходимых мер для организации защиты Края. Такие же обвинения иногда раздаются и со стороны кубанского офицерства. Очень часто можно слышать и обвинения в адрес кубанского офицерства, что оно не сумело организовать военных сил для охраны Кубани от наступающих большевиков. Иные бросают обвинения в адрес Кубанской Рады и т. д.

Можно довольно часто слышать заявления о том, что Кубанское Правительство и Рада не привлекали к военной работе старших кубанских боевых офицеров;

больше того, бросаются обвинения в том, что будто бы штатские правители Кубани отстраняли старших природных кубанских офицеров от организации военных сил Кубани.

Действительно, Кубанская Войсковая Рада в начале октября месяца 1917 года избрала на пост Куб. Войскового Атамана человека по существу штатского — полковника Филимонова. Какую роль играл Атаман Филимонов на Кубани во время своего атаманства, мы еще увидим. Но ведь Кубанская Законодательная Рада на пост военного министра избрала человека вполне военного, боевого, покойного полковника Успенского (в 1919 году был избран на пост Куб. Войскового Атамана). Далее, первым командующим всеми кубанскими войсковыми частями 29-го ноября 1917 года был назначен боевой, генерального штаба генерал-майор К. К. Чорный — командир 5-ой куб. дивизии. Тогда же был создан и полевой штаб командующего кубанскими войсками. На этом посту генерал Чорный пребывал до 9-го января 1918 года, когда вышел в отставку. На его место был назначен герой Саракамыша, георгиевский кавалер, ген. Букретов. Через неделю ген. Букретов отказался от поста командующего армией, мотивируя это тем, что „из этого дела ничего не выйдет“, так как казаки, с которыми он служил на фронте, и на которых он, главным образом, рассчитывал, отказываются нести службу. 17-го января на его место был назначен генерального штаба генерал-лейтенант Гулыга, который 14-го февраля 1918 года был заменен полковником (капитаном) Покровским. Почти все это время начальником полевого штаба был генерального штаба полковник В. Г. Науменко.

Таким образом за довольно короткий промежуток времени к организации военной обороны Кубани фактически были привлечены кубанские генерального штаба генералы — Чорный, Букретов и Галыга и полковники генерального штаба: Успенский (военный министр) и Науменко (начальник полевого штаба). Храбрые и

распорядительные в условиях внешней войны, они оказались совершенно бессильными и беспомощными в революционных условиях политической войны.

Необходимо принять во внимание еще одно обстоятельство, когда мы говорим об отношении к кубанскому офицерству со стороны кубанской исполнительной власти, поставленной Кубанской Краевой или Законодательной Радами (Законод. Рада в ноябре месяце 1917 г. избрала Краевое Правительство во главе с Л. Л. Бычем). Кубанская выборная власть не только не отстраняла кубанское офицерство от участия в организации обороны Кубанского Края, напротив, она всячески привлекала его к этой ответственной работе...

Тут мы должны остановиться несколько на больном в то время вопросе — о взаимоотношении „фронта" и „тыла". В апреле месяце 1917 г. Временный Областной Исполнительный Комитет созвал в Екатеринодаре Областной С'езд представителей всех населенных пунктов Кубанского Края. Этот С'езд избрал Областной Исполнительный Комитет и Областной Совет, словом, краевую исполнительную и законодательную временную власть. На областном С'езде и в составе Обл. Исполнительного Комитета и Обл. Совета казаки оказались в меньшинстве. Председателем Обл. Исполнительного Комитета был избран уже известный нам русский соц.-демократ адвокат Турутин.

На Областном С'езде были представители не всех фронтовых кубанских частей. Приехавшие в город Екатеринодар представители куб. казачьих фронтовых частей по окончании работ С'езда устроили в Екатеринодаре целый ряд совещаний, на которых многие делегаты фронта очень остро осуждали поведение „тылового казачества", будто-бы предавшего интересы казаков и принизившего Казачество на Областном С'езде. Казакам - членам Куб. Обл. Исп. Комитета пришлось приложить много усилий и стараний, чтобы об'яснить фронтовикам истинное положение вещей и успокоить казачьих делегатов.

Потом представители казачьего „тыла“ и казачьего „фронта“ были в июне месяце того же 1917 г. на Общеказачьем С'езде в Петрограде и солидарно и очень дружно выступали там по всем вопросам, при чем не чувствовалось разделения между делегатами.

В конце июня и в самом начале июля месяца 1917 года произошел полный разрыв между казачьей и неказачьей частями Областного Совета, избранного на Областном С'езде в апреле месяце. 4-го июля казачья часть Областного Совета вышла из его состава и об'явила себя Кубанским Войсковым Советом, отозвала казаков из состава Обл. Исполнительного Комитета, повелела этой части называться Кубанским Войсковым Правительством и принять в свои руки управление Кубанским Краем.

Необходимо отметить, что в этих важных для Кубани событиях казаки — члены Областного Совета и Областного Исп. Комитета выступали солидарно. Это обстоятельство свидетельствует о том, что этот переворот, произведенный казаками, совершенно назрел и вызывался об'ективными причинами. Одной из главных причин был диктат, явно проявляемый русскими партиями — соц.-революционерами и соц.-демократами, захватившими в свои руки руководство политической и общественной жизнью Кубани и являвшимися фактическими проводниками политики русских партий на Кубани.

Иногородние, оставшиеся в составе бывшего Областного Исполнительного Комитета, продолжали считать эту часть Комитета Областным Исполнительным Комитетом.

В сентябре-октябре месяцах 1917 г. состоялись в Екатеринодаре заседания Кубанской войсковой Рады, в состав которой входили представители всего казачьего, горского и коренного, приписанного к Кубани, иногороднего населения Края, а также представители всех городов Кубани. Эта Кубанская Войсковая Рада приняла Конституцию Кубани, земельный закон и т. д., избрала Законодательную Раду и Войскового Атамана.

Необходимо отметить, что во время заседаний Рады часть депутатов во главе с Д. С. Иваненком, представителем станицы Кужорской, сделала большие усилия, чтобы внести раскол в казачью среду и достигла своей цели. Дело в том, что при заселении Кубани, начиная с 1792 года, только Войско Черноморское, бывшее Запорожское, получило землю на Кубани, как целое Войско. Заселение всей старой Линии (правый берег Кубани от верховьев и до Усть-Лабы) и новой Линии (между Кубанью и Лабой, собственно, правый берег Лабы) произведено было полками. Здесь землей владели полки, а не целое Войско, как было у Войска Черноморского. Вследствие этого земли Войска Черноморского составляли сплошную Войсковую территорию, Войсковые же земли на Старой и Новой Линии и в Закубаньи такой сплошной территории из себя не представляли и были разорваны землями казенными, сельскими и т. д. К началу XX столетия многие станицы Кубани уже переживали земельный голод. Вследствие этого в 1906 г. была созвана Кубанская Войсковая Рада для разрешения земельного вопроса. На этой Раде обнаружилось, что Войско Кубанское, образовавшееся из об'единения в 1860 г. Войска Черноморского с частью Войска Линейного и из присоединенного к Кубанскому Войску в 1861—1864 годах Закубанья, не является монолитом, могущим легко переносить внешние удары. С очень большим трудом удалось тогда найти способ разрешения земельного голода во многих казачьих станицах Кубани: Войско Черноморское согласилось уступить часть своих запасных земель для наделения малоземельных станиц, а у многих станиц Старой и Новой Линии и Закубанья, обладавших бо́льшими нормы душевыми наделами при юртовом размежевании станиц в 1872—1873 годах, была урезана часть земли юртовой для надела малоземельных станиц. И бывшее Войско Черноморское и станицы Старой и Новой Линии и Закубанья, взамен вырезанных у них земель для наделения малоземельных станиц, получили в горах Кубани

участки земли, покрытой лесами. При чем, станицы бывшего Войска Черноморского взяли наделенную им в горах землю и приступили к ее эксплоатации, станицы же Старой и Новой Линии и Закубанья от наделенной для них в горах земли отказались. Однако, у них были вырезаны лишние земли, согласно общему соглашению между казаками, достигнутому на Войсковой Раде в 1906 году, и розданы малоземельным станицам.

В летние месяцы 1917 г. казак ст. Кужорской Д. С. Иваненко об'ехал очень многие станицы, отказавшиеся от наделенной им земли в горах, и ко времени созыва Кубанской Войсковой Рады (к 29 сентября) собрал приговора от 67 станиц, требовавших возмещения отрезанных от их юртов земель, вследствие проведения в жизнь постановления Кубанской Войсковой Рады в 1906 году. Перед заседаниями Рады и во время их г. Иваненко выставлял себя борцом за народные права и защитником „обиженных“ станиц. Земельная Комиссия Рады избрала его своим председателем. Обыкновенно, на заседания этой Комиссии, происходившие в здании женской гимназии, Д. С. Иваненко приглашал многих депутатов из казаков Майкопского, Лабинского и Баталпашинского отделов и своими жгучими, явно демагогическими речами разжигал страсти, обвиняя казаков Черномории в несправедливом отношении к Линии. При этом, обыкновенно, указывалось, что будто-бы за царя все управление Кубанским Войском было в руках Черноморцев (Белое Дело. Летопись белой борьбы. Статья А. П. Филимонова: „Кубанцы“, т. II, стр. 68), что Черноморские станицы живут богаче Линейских станиц, что на Черномории, в районе Приазовских плавень, имеется много нераспаханных Войсковых земель, что из этих земель следует немедленно наделить бедные станицы, расположенные в предгориях Кавказа и т. д. Многие депутаты горных станиц, вследствие этой агитации и действительного земельного голода во многих нагорных станицах, заявляли в земельной комиссии, что им невозможно возвращаться в свои станицы без

определенного решения внутри Войска наболевшего земельного вопроса. На это им отвечали депутаты от Черноморских станиц, что никаких сотен тысяч вольных земель, годных под распашку, в районе Приазовских плавень не имеется, что в 1906 году между казаками было достигнуто полюбовное соглашение по земельному вопросу и если станицы Линии и Закубанья потом отказались от земель горной полосы, это их дело, что земельный голод существует не только в горных станицах, но и в степных, и что земельный вопрос невозможно решать частично, а только на всей территории Кубани. Только с большим трудом удалось провести компромиссное решение в земельной комиссии, одобренное потом на пленуме Войсковой Рады.

Однако, эти дебаты вокруг земельного вопроса послужили поводом для весьма острой агитации среди членов Рады, не раз угрожавшей самому существованию Рады. Обстоятельства сложились так, что действительно после революции 1905 года „все высшие должности по управлению Войском были заняты Черноморцами“ (там же).

Уже на заседаниях Куб. Войсковой Рады в апреле месяце 1917 г., состоявшей тогда из казаков, бывших членами Областного С'езда, это обстоятельство подчеркивалось не раз. Открытый бой разыгрался тогда во время обсуждения на Областном С'езде вопроса о том, какое название дать собранию представителей казачьего населения Кубани, назвать ли Кругом, как у Войск Донского, Терского, Уральского и т. д., или же Радой, как это было у Войска Запорожского, а также в 1906 году. Тут шло, конечно, не о словах, а о вопросе более глубоком. После горячих речей большинство высказалось за название — Рада. После этого депутаты Лабинского отдела пронесли на руках через всю залу заседаний своего атамана отдела, полковника Филимонова, как-бы в благодарность за одну из его речей. Через некоторое время то же сделали и Черно-

морцы с представителем Кубани в Государственной Думе Кондратом Бардижем. Этот горячий спор около названия казачьего представительного органа, это демонстративное ношение на руках депутатов служили показанием каких-то внутренних процессов в жизни этого Войска, вышедших наружу уже на первом С'езде.

Вся агитация Д. С. Иваненка об'яснялась не только нуждой закубанских станиц в земле. В составе Войскового Правительства руководящую роль играли казаки черноморцы И. Л. Макаренко, И. А. Билый, С. Ф. Манжула, С. П. Гурбич и др... Они же подготовили основные законопроекты для внесения на обсуждение Куб. Войсковой Рады, созванной на 29 сентября 1917 г. Председателем самой Рады значительным большинством голосов был избран Н. С. Рябовол.

Во время работ Рады выдвинулся целый ряд работников-черноморцев, и среди них такие, как Л. Л. Быч, старый историк Кубани проф. Ф. А. Щербина, бывший председателем первой на Кубани Войсковой Рады, созванной в 1906 году; ген. П. И. Кокунько, бывший атаман Ейского отдела, и другие. С Черноморцами шли такие представители Линии как А. И. Кулабухов, Ф. К. Воропинов, а также представители горских народов Кубани, такие как Султан-Шахим-Гирей, А. А. Намитоков и другие. Сама жизнь создала тогда на Кубани Черноморско-Линейско-горскую коалицию. Всякому, кто тогда наблюдал за работами Кубанской Войсковой Рады, существование этой неписанной коалиции явно бросалось в глаза при обсуждении и решении всех кардинальных вопросов. Эта коалиция успешно отражала все нападения со стороны русских партий (соц.-рев., соц.-дем. и к.-д.) и кубанских „русских казаков".

Само собою разумеется, что это обстоятельство весьма тревожило и пугало тех „русских казаков", которые смотрели на Казачество, как на русских людей, а на Кубань, как на неот'емлемую часть России. Поэтому эти претенденты в руководители Казачества и краевой жизни вообще и выдвинули тогда на сцену зе-

мельный вопрос, на котором они думали об'единить станицы Старой и Новой Линии и Закубанья.

Самой жизнью рожденная коалиция действовала очень осторожно. Такую тактику подсказывали просто жизненные интересы нарождающейся кубанской государственности. Так смотрело и рядовое казачество, горцы и рядовые представители коренного иногороднего населения Кубани.

Однако, представители „русского направления" на Кубани стремились за всякую цену внести разложение и ссоры в ряды кубанцев, дабы этим облегчить свои задачи.

Они весьма усиленно играли на том, что и перед революцией и после революции Кубанью „правят" Черноморцы. Этот аргумент они особенно выдвигали во время выборов кубанского Войскового Атамана, которые происходили на Войсковой Раде в начале октября месяца 1917 г., и выдвинули на этот пост кандидатуру бывшего атамана Лабинского отдела полковника Филимонова. Руководители тогдашнего большинства в Раде не выявили в то время должного понимания чрезвычайной важности этих выборов. Казаки Ейского и Таманского отделов и слышать не хотели о кандидатуре Филимонова на такой ответственный пост, настаивая в отдельских заседаниях на выборах „настоящего казака", а не „русского казака" Филимонова. Ейцы выдвинули кандидатуру бывшего начальника штаба Куб. каз. Войска, генерала Кияшко, не смотря на то, что некоторые представители казачьей интеллигенции этого отдела (И. Л. Макаренко, Д. Н. Гудзь, П. Л. Макаренко, Чепелянский и др.) выступали решительно против этой кандидатуры, указывая на правые убеждения этого генерала; рядовые казаки на это отвечали, что Кияшко человек очень разумный, весьма энергичный и распорядительный, а таких кандидатов и нужно в такое тяжелое время. Таманский и Екатеринодарский отделы и часть Кавказского выдвинули кандидатуру К. Л. Бардижа.

Часть делегатов Черноморских отделов при подготовительных переговорах соглашалась сделать уступку Линии и принять кандидатуру Филимонова. Эти депутаты указывали на то, что Филимонов не сможет серьезно вредить строительству государственной жизни Кубани, ибо будет связан присягой верно служить Кубанскому Краю, с одной стороны, а также тем обстоятельством, что на других весьма ответственных постах окажутся люди, в преданности которых интересам Края и в уменьи вести дело сомневаться не приходится. Так, председателем Войсковой, а потом Законодательной Рады должен был быть Н. С. Рябовол, в председатели Кубанского Правительства намечался Л. Л. Быч, представителем Кубани при российском Правительстве Кондрат Бардиж, представителями Кубани в Юго-восточном Правительстве — И. Л. Макаренко и В. К. Бардиж, товарищем председателя Рады Законодательной — Султан-Шахим-Гирей и т. д. Кроме того, постоянно действующая Кубанская Законодательная Рада, выбирающая Куб. Правительство и государственного Контролера и непосредственно наблюдающая за их деятельностью, ведующая всем законодательством Кубани, в подавляющем своем большинстве, должна была состоять из Черноморцев, линейцев, горцев и иногородних, безусловно преданных Кубани. Словом весь аппарат исполнительной и законодательной власти, а также представительства Кубани перед Российским Правительством и в Юго-Восточном Союзе будет в весьма надежных руках. Однако эти доводы не были убедительны для многих казаков Черномории и они категорически стояли против выборов Филимонова на пост Кубанского Войскового Атамана.

Рядовая масса представителей Майкопского, Баталпашинского и Лабинского отделов находилась тогда под непосредственным влиянием агитации своих демагогов, игравших на земельном вопросе, а также на „засилии Черноморцев в Краевом управлении". Руководители черноморско-горско-линейской коалиции не вы-

явили должного внимания и такта при решении этого вопроса, вследствие чего при выборах Атамана было поставлено три кандидатуры — Кияшко, Бардиж и Филимонов.

Голоса коалиции разбились и, в результате, хотя и незначительным большинством голосов, Кубанским Войсковым Атаманом был избран полковник Филимонов. Далее мы увидим, какие последствия были результатом этих выборов.

Для характеристики настроений рядовых казаков Черноморцев в момент об'явления в Раде результатов выборов, следует отметить следующий факт. Немедленно по об'явлении председателем Рады Н. С. Рябоволом об избрании полковника Филимонова, на трибуну Рады поднялся рядовой депутат и заявил свое крайнее возмущение результатом выборов, ударил кулаком по трибуне и крикнул: „Оце могила козацтву!“ и... разрыдался. Эту тяжелую сцену и эти простые, но, как потом оказалось, пророческие слова, поспешили замять, дабы не осложнять и без того тяжелого положения. Что оно, положение, было таковым, ясно было для всей Рады.

Бывший Областной Комитет во главе с Турутиным вел самую бешеную агитацию против Рады, против принятых ею законов, в самой Раде беспрерывно выступали с жгучими, разлагающими речами комиссар Временного Российского Правительства Н. С. Долгополов, представители иногороднего населения Морев, Хмелевский, Соколов и другие; во время работ Рады солдаты привезенного в Екатеринодар русской революционной демократией запасного артиллерийского дивизиона ворвались в казармы казачьего баталиона, вытянули оттуда на улицу одного офицера, скрывшегося туда от преследовавшей его базарной толпы, и убили его прямо на улице; Временное Правительство против Дона мобилизовало целых два военных округа, большевицкая агитация всюду росла неудержимо...

При таких условиях Кубань начала строить свою государственную жизнь. Не было мира между обеими частями населения Кубани — казаками и иногородними. В восточной части Ейского отдела среди арендаторов дополнительных наделов станиц вел большевицкую агитацию бывший полицейский урядник на Дону Гришин. Посланные еще летом для его ареста три сотни казаков соседних станиц (Незамаевской, Веселой и Екатериновской) встретили колоссальное сопротивление со стороны солдат-дезертиров и поддержавшей их тысячной толпы. Оружие не было применено и Гришин остался на свободе, продолжая вести агитацию. Почти тоже самое делалось анархистом Тимофеевым в ст. Брюховецкой, а другими агитаторами — в крестьянских поселениях Баталпашинского и Лабинского отделов... Как мы видели, не было так необходимого согласия и среди Кубанского Казачества. Некоторые лица использовали всякий повод, чтобы вносить в его среду вражду и раскол. Это особенно ярко и остро проявилось перед самым закрытием работ Кубанской Войсковой Рады, когда, руководимые Д. Иваненком и другими, казаки Майкопского, Лабинского и Баталпашинского отделов внесли на обсуждение Рады предложение о посылке от Рады делегатов в кубанские Приазовские плавни для личного удостоверения в том, имеются ли там земли, пригодные для распашки, являвшиеся раньше дном многочисленных высыхающих постепенно лиманов и плавень. Когда Куб. Рада значительным большинством голосов не признала необходимым посылку такой делегации, немедленно по об'явлении результатов голосования большинство делегатов трех вышеназванных отделов начали схватываться с мест, выходить демонстративно из залы заседаний, заявляя, что они покинут Раду и раз'едутся по станицам. Д. С. Иваненко и его явные и тайные сторонники и вдохновители могли только радоваться результатам своей „работы“. И хотя Куб. Войсковая Рада и постановила потом послать такую делегацию, и хотя деле-

гация при личном посещении района Приазовских плавень сама убедилась в том, что Азовские воды не очень-то спешат освобождать землю для наделения ею малоземельных казаков, однако вся эта история с появлением на руках у Д. С. Иваненка приговоров 67 станиц, все работы земельной комиссии Рады и вся история с посылкой делегации Рады для осмотра Приазовских плавень — все это свидетельствовало о том, что и в среде самих кубанских казаков были весьма больные вопросы, неумелый подход к которым разжигал страсти и вызывал внутреннюю борьбу, так обессиливавшую Войско во время надвигавшегося на Кубань и все соседние Земли русского большевизма.

При этом следует вспомнить и о постановлении той же Куб. Войск. Рады об отобрании всех частновладельческих земель у их владельцев и о передаче этих земель в Войсковой земельный фонд для наделения ею малоземельных казаков, горцев и коренных иногородних. Это постановление Рады, совершенно разумное и понятное, вызывало чрезвычайное раздражение у кубанских землевладельцев, часть которых составляли и кубанские офицеры или их родственники. Это же постановление было широко использовано русскими соц.-рев., соц.-демократами и большевиками для агитации среди безземельного русского населения на Кубани против Казачества, против Куб. Войсковой Рады и поставленных ею органов кубанской исполнительной и законодательной власти. В результате этого кубанские помещики искали себе помощи и защиты в общероссийских силах, обиженных революцией, а русские безземельные „иногородние“ на Кубани искали себе помощи и защиты у русских большевиков, обещавших уравнять неказачье население с казаками во всех правах, а, значит, и в праве на землю.

Принятие Куб. Войсковой Радой Конституции Кубани, согласно которой Рада перебирала на себя всю полноту государственной власти в Крае, отказ послать эту Конституцию на утверждение Всероссийской цент-

ральной власти и введение ее в действие немедленно после опубликования в местной печати, вызывали противодействие со стороны всех элементов Кубани, не желавших отделения Кубани от России.

Таким образом, после захвата большевиками власти во всей Великороссии и в многомиллионной русской армии и во флоте, Кубань вступила на путь вооруженной борьбы за свою самостоятельность, ослабленная внутренней борьбой между казаками и безземельными иногородними, борьбой элементов, стоявших за единую Россию, против элементов, боровшихся за освобождение от владычества России, борьбой хлеборобского населения Кубани против помещиков ее, борьбой внутри самого Казачества.

Эта чрезвычайно сложная обстановка заставляла каждого кубанца, любящего свой Край, очень и очень призадумываться, намечая реальные пути для спасения Кубани от надвигающейся анархии.

В ноябре месяце 1917 года прибыло в Екатеринодар около 130 представителей кубанских казачьих фронтовых воинских частей. Перед этим делегаты эти были на Общеказачьем фронтовом с'езде в Киеве. После прибытия представителей казачьего фронта в столицу Кубани, они собрались для обсуждения внутреннего и внешнего положения Кубанского Войска. Кубанское Правительство, Кубанская Законодательная Рада и Войсковой Атаман подали фронтовикам исчерпывающие раз'яснения и информации о жизни Края. Если весною фронтовики упрекали тыл почти в предательстве интересов Казачества, то теперь многие делегаты войсковых частей отмечали необходимость более широкого привлечения иногороднего населения к управлению Краем. Только весьма немногие делегаты в весьма острых выражениях осуждали работу Кубанской Войсковой Рады.

Проводя в жизнь политику полного внутреннего примирения Кубанского Края, правительство Л. Л. Быча, немедленно после своего избрания, вступило в пе-

реговоры со С'ездом иногороднего населения, собравшимся в Екатеринодаре 1-го ноября 1917 года, о полном соглашении между обеими частями населения. Это начинание поддерживала Законод. Рада. Для оформления соглашения на декабрь месяц были созваны в Екатеринодаре Кубанская Войсковая Рада и С'езд иногородних. В заседаниях Рады все представители фронта принимали участие, как полноправные члены. С'езд иногородних признал Конституцию Кубани, принятую Кубанской Войсковой Радой в сентябре месяце, признал необходимость борьбы для защиты Края от нашествия большевиков, а Кубанская Войсковая Рада признала полноправными гражданами Кубани всех иногородних, проживших на Кубани не менее двух лет. В результате этого соглашения была избрана Кубанская Законодательная Рада в составе 46 казаков, 46 иногородних и 8 горцев, а эта Рада в январе 1918 г. избрала Кубанское Краевое Правительство в составе 5 казаков, 5 иногородних и 1 горца. Однако, большая часть иногородних из общего числа 600—650 человек, вышла из состава С'езда иногородних и вынесла постановление о признании Советской власти. К ним присоединилось около 10 казаков — членов Кубанской Войсковой Рады (общее количество казаков в Раде — около 550 человек). Это открытое выступление сторонников советской власти было призывом к внутренней войне на Кубани и значительно ослабляло значение с таким трудом достигнутого соглашения.

Во время этих событий на Кубани, большевики постепенно наступали на Казачьи Земли с севера, отрезая Дон от Украины, и с юга по линии железной дороги Баку-Ростов. На Северном Кавказе они постепенно захватывали города, расположенные по линии Владикавказской железной дороги. В пределах Кубани они захватили Невинномысскую, Гулькевичи, Кавказскую и Тихорецкую. Сюда продвинулась 39 солдатская дивизия, послужив-

шая впоследствии опорой организации большевицких военных сил на Кубани. Так большевики со всех сторон охватывали Казачьи Земли, настойчиво проникая в самую середину казачьих территорий.

Мы уже отмечали выше, что Кубанское Правительство привлекало к организации военной защиты Кубани лучших военных специалистов. При Кубанском Правительстве был организован Кубанский Комитет пропаганды (во главе с членом Рады П. Л. Макаренко), который рассылал по станицам Кубани информаторов и пропагандистов, издавал специальную газету „Голос Трудового Народа", в начале декабря устроил в Екатеринодаре недельные курсы для представителей всех воинских частей, находившихся в пределах Края (на эти курсы были вызваны по два представителя от каждой сотни), посылал по станицам Кубани бандуристов, которые, воспевая былую славу Запорожья и Казачества вообще, призывали казаков к защите родного Края...

Кроме того на Украину в конце ноября был послан член Рады И. А. Билый для установления плана совместных действий Украины и Юго-Восточного Союза. В результате этой поездки на Кубань прибыла в декабре месяце делегация Правительства Украины. В это же время Кубанская Рада, по просьбе терцев, послала специальную делегацию на Терек для ликвидации начавшейся вооруженной борьбы между горцами и Терскими казаками. Из имевшегося в распоряжении Кубанского Правительства небольшого запаса огнестрельных припасов была послана помощь Дону (из 1500 трехдюймовых снарядов на Дон послано 700, и из 3.700.000 ружейных патронов послано — 1.800.000).

Как мы уже говорили, в начале вооруженной борьбы с большевиками Кубанское Правительство хотело опереться на уже существующие кубанские войсковые части, расположенные в пределах Края или прибывающие с фронтов Мировой войны. Однако, надежды, возлагавшиеся кубанской Радой и Правительством на Ку-

банские войска, не оправдались. Кубанские войсковые части колебались. Большевицкая агитация проникала всюду, общая болезнь коснулась и кубанских частей. Должны быть, для полной об'ективности характеристики событий и причин неудачи начавшейся борьбы за освобождение Кубани, отмечены и такие случаи, как явное выступление казаков на стороне большевиков. Так было в декабре месяце 1917 года.

Сохранявший дисциплину и исполнявший распоряжения выборной кубанской власти Черноморский конный полк был послан Кубанским Правительством на станцию Тихорецкую для поддержания там порядка и для разоружения большевитствующих воинских частей, следуемых с Кавказского фронта. Эти воинские части, идя домой, посылались и „для борьбы с казачьей контрреволюцией". Удержание станции Тихорецкой, расположенной на территории Кубани и являющейся весьма важным железнодорожным узлом на всем Северном Кавказе, в руках Кубанской власти являлось жизненно необходимым. Отсюда большевицкие части угрожали самой столице Кубани — Екатеринодару, отсюда они шли в тыл Дону, ведущему борьбу на севере, востоке (Царицынское направление) и северо-западе с наступающими московскими большевицкими войсками; через Тихорецкую — Царицын большевики с Кавказа связывались с Москвою и Петроградом. Занятие станции Тихорецкой большевиками отрезало Кубань от Дона. Для всякого рядового казака должно было быть абсолютно ясным, что удержание этой станции в руках кубанской власти имеет громадное значение

Черноморский полк, находившийся под командой весьма храброго и распорядительного полковника Бабиева, без особого труда выполнил задание. На станции был установлен должный порядок, проходившие в Россию воинские части без задержки пропускались далее после сдачи оружия. Отобрание оружия было не только желанием Кубанского Правительства обезвредить тысячи войск, идущие с фронта домой, но и отве-

том на распоряжение большевицкого петроградского правительства об обезоружении всех казачьих эшелонов, идущих с западного фронта в родные края.

Однако, на станцию Тихорецкую явились сотни 22-го кубанского казачьего батальона, стоявшего в соседней станице Архангельской, и потребовали от черноморцев немедленного удаления со станции Тихорецкой. Создалось угрожающее положение, когда на этой важной железнодорожной станции, внутри Кубани, одна кубанская воинская часть стала с оружием в руках против другой кубанской воинской части, исполнявшей распоряжение Кубанского Правительства. Черноморский полк, не желая начинать кровопролитие со своими же братьями казаками, немедленно прислал в Екатеринодар (Тихорецкая находится в 127 верстах от Екатеринонара по железной дороге) делегацию на Войсковую Раду. Рада издала самые строгие приказы всем кубанским войскам о защите Края от надвигавшейся анархии, Рада ввела смертную казнь, как высшую меру наказания, Рада избрала верховный суд для разбора случаев неповиновения краевой власти или отказа от его защиты. Однако, все эти меры не подняли дисциплины и боеспособности в кубанских частях. Положение на станции Тихорецкой стало настолько угрожающим для Черноморского полка, что он принужден был уйти оттуда. Тихорецкую скоро заняли части 39 большевицкой дивизии и стали угрожать самому Екатеринодару.

Так сами кубанские казаки содействовали появлению вооруженных большевицких сил на одной из важнейших железнодорожных станций на Кубани.

Подробное изучение наступления большевицких русских войск на Дон в конце 1917 и начале 1918 года приводит к неопровержимому выводу, что только благодаря переходу на сторону большевиков донских казачьих полков: Атаманского, лейб-казачьего, 44, 28, 29, частей 10, 27, 23, 8 и 43 полков, 14 отдельной сотни, и батарей: 3, 28, 12 и 13, 2-го пешего батальона и

Каменской местной команды, только благодаря организации самими казаками Военно-Революционного Комитета и его действиям против выборного Донского Атамана Каледина и Донского Правительства, большевики смогли захватить Дон в январе — феврале месяцах 1918 года. Отряд героя Дона, полковника Чернецова, у станицы Каменской был разбит казаками и сам Чернецов был убит казаками же и т. д. Большевики в своих описаниях тогдашней борьбы сами признают, что им удалось „казачью контр-революцию на Дону задушить казачьими руками".

Также является весьма поучительной история с возвращением из Финляндии на Кубань 5-ой Кубанской казачьей дивизии. Командующий большевицкими войсками Антонов пишет, что эта дивизия получила разрешение продвинуться на Кубань только после того, как „в ней были выбраны желательные для нас (большевиков) командиры и признан комиссаром тов. Мирошниченко" (кубанский офицер):

> „После того, как 5-я Кубанская казачья дивизия выполнила пред'явленные ей требования, я разрешил ей двинуться на Кубань через Царицын, дабы прочистить дорогу нашим войскам и поддержать советскую власть на Кубани. Это движение организовывалось, однако, крайне медленно", пишет Антонов (Антонов-Овсеенко: Записки о гражданской войне, т. I, стр. 35 и 45).

При каких условиях и с какими действительными намерениями выехала эта дивизия на Кубань, Кубанскому Правительству не было известно. Только у комиссара ее, куб. оф. Мирошниченко, было отобрано в Екатеринодаре письменное распоряжение Ленина о том, что 5-ая дивизия посылается на Кубань с целью ликвидации Кубанской Рады, Атамана и Правительства и установления советской власти. Этот документ был распубликован в газете „Куб. Край" в феврале 1918 г.

Этот факт ни в коем случае, конечно, не может являться пятном для целой дивизии. Дивизия никакого

переворота на Кубани не производила, но и не захотела стать на защиту своего Края от наступающих со всех сторон большевицких войск. А между тем в то время одной кубанской дивизии было абсолютно достаточно для ликвидации вооруженных большевицких банд, скоплявшихся по железным дорогам Кубани.

Когда мы говорим о той или иной воинской кубанской части, то делаем это в данном случае не для того, чтобы подчеркнуть ее доблесть или отсутствие сознания долга перед Кубанью, а только для того, чтобы на конкретных примерах характеризовать общее настроение, охватившее буквально все кубанские воинские части в первый период борьбы на Кубани (1917 и начало 1918 г.).

Выше мы сказали уже о результатах усилий кубанских генералов, привлеченных Кубанским Правительством к организации вооруженной защиты Кубани, теперь мы на нескольких примерах показали настроение рядового казачества, собранного в казачьих воинских частях. Далее мы отметим и другие серьезные попытки, делавшиеся Кубанским Правительством для организации защиты Кубани.

Уже в ноябре 1917 г. было ясно, что больших надежд на существующие воинские кубанские части возлагать нельзя. Поэтому одновременно с назначением генерала Черного на пост Командующего кубанскими войсками, Кубанское Правительство поручило доблестному кубанскому полковнику, С. Улагаю, формирование партизанского отряда, долженствовавшего собрать кубанских добровольцев, желавших стать на защиту Кубани. Однако, полковник Улагай „не оказался хорошим организатором“, как пишет бывший Куб. Атаман Филимонов, „и, провозившись около месяца с этим делом, заявил мне, что он в него не верит... К мнению полк. Улагая присоединился и командующий Куб. армией генерал Черный“ (Белое Дело, т. II, статья А. Филимонова: Кубанцы). Зато успешно шла организация

партизан войсковым старшиною Голаевым, собравшим в своем отряде около 300-400 человек, главным образом офицеров. Этот отряд вместе с казаками гвардейского дивизиона, мобилизованными казаками станицы Пашковской, Черкесским полком и юнкерами Кубанского Софийского в. училища, разбил большевиков под Энемом 22-24 января и спас Екатеринодар от захвата его большевиками, наступавшими со стороны Новороссийска.

В январе 1918 г. бывший представитель Кубанского казачьего Войска в Государственной Думе Кондрат Лукич Бардиж выступил перед Кубанским Краевым Правительством с проектом организации на Кубани вольно-казачьего движения с целью защиты Кубани от наступающих со всех сторон большевицких войск. Имелось в виду кликнуть вольно-казачий клич по станицам Кубани, напомнить казакам былую их славу и войны за свою свободу и всем до одного подняться на защиту Кубанской Республики. Кубанское Правительство весьма сочувственно отнеслось к этому начинанию, выдало К. Л. Бардижу соответствующие уполномочия и достаточные средства (1 мил. рублей) на организацию этого дела. К. Бардиж собрал около себя преданных делу защиты Кубани офицеров (среди них был весьма храбрый и распорядительный полковник Демяник — член Куб. Рады) и немедленно приступил к делу. Скоро он сорганизовал отряды в станицах, расположенных по линии Черноморско-Кубанской жел. дороги и не допустил распространения большевицких войск по территории бывшего Войска Черноморского. Видя это, большевики в Новороссийске, в Крымской и в Темрюке стали собирать войска для противодействия движению, организованному Бардижем. Они послали из Новороссийска делегатов в Батум и Трапезунт для набора войск с целью борьбы с „кубанской контр-революцией". Благодаря тому, что Черное море в то время уже было в распоряжении большевицкого черноморского флота, делегатам удалось привезти в Ново-

российск более 10-ти тысяч солдат с достаточным вооружением. Однако, солдаты по прибытии в Новороссийск далеко не все согласились выступить против Кубани и начали эшелонами пробиваться по железной дороге к Екатеринодару и далее через Тихорецкую в Россию. Несмотря на это, большевикам удалось собрать у станицы Крымской отряд силою около 12 тысяч человек (А. Рондо: К истории борьбы с контр-революцией на Северном Кавказе. Журнал: „Путь Коммунизма“, кн. III, стр. 18. Краснодар, 1922). Эти войска были направлены из Крымской на станицу Троицкую и далее на Славянскую и Полтавскую.

Среди большевицких войск выдающуюся роль сыграли прибывшие с Кавказского фронта Варнавинский полк и 1-й мортирный дивизион.

Хотя, в конце концов, восставшие казаки Таманского отдела и потерпели поражение под ст. Славянской, но все же им удалось в течение нескольких недель приковывать к себе большие силы большевиков, стремившихся из ст. Крымской наступать на Черноморию по линии Черноморско-Кубанской железной дороги.

Часть отдела Баталпашинского и отделы Лабинский (Армавир) и Майкопский были заняты большевиками в первой половине января 1918 года. В январе месяце Куб. Правительство послало было в эти отделы группу офицеров для организации там воинских частей. Вскоре стало известно, что эти офицеры не смогли выполнить возложенной на них задачи, так как не смогли пробраться в эти отделы.

Захват большевиками Лабинского и Майкопского отделов и всей восточной части Кавказского отдела со станциями Тихорецкой и Кавказской, а также успешные действия кубанских отрядов, защищавших Екатеринодар со стороны Кавказской и Тихорецкой, а также успешные действия отрядов Бардижа в Черномории поставили перед кубанской властью вопрос об организации народного казачьего движения на еще свободной от большевиков территории Кубани — на землях бывше-

го Войска Черноморского. Было решено созвать в станице Брюховецкой, географическом центре Черномории, Черноморскую Раду на 15-ое февраля, а в Ейском отделе — Отдельский с'езд на 11 февраля. Этот с'езд действительно состоялся 11—13 февраля в станице Уманской в составе представителей казачьего и иногороднего населения. С'езд прошел с большим под'емом.

15-го февраля открылись заседания Черноморской Рады, на которую прибыли делегаты более чем 60-ти станиц. Охватившее всех чувство любви к родному Краю вылилось в постановлениях об организации немедленной обороны. Был составлен подробный план мобилизации станиц, назначены места сбора ударных групп войск для немедленного очищения от большевиков линий железной дороги Екатеринодар-Тихорецкая-Ростов, Тихорецкая-Кавказская-Армавир, Славянская-Крымская- Новороссийск. В самой Брюховецкой были уже мобилизованы казаки и каждую минуту готовы были выступить по указанному направлению. Как вдруг, перед самым концом работ Черноморской Рады, в ночь на 17-ое февраля было получено ошеломляющее и неожиданное известие о том, что на полпути между Тихорецкой и Екатеринодаром, у станции Выселки, большевики разгромили кубанский отряд, защищавший это направление, и спешно наступают к Екатеринодару. Это сообщение вызвало немедленное прекращение работ Рады.

Тут мы должны остановиться на двух обстоятельствах, ускоривших захват большевиками власти на Кубани. Первое — это роль рядового казачества в этой тяжелой борьбе, другое — роль первого избранника Кубани, Кубанского Войскового Атамана Филимонова.

Выше мы уже характеризовали настроения рядового казачества. Как бы там ни было, а К. Л. Бардижу удалось поднять Черноморию для борьбы с надвигающимся большевизмом; однако, не все казаки брались тогда за оружие. Нашлись и такие, которые не

только не поддержали своих братьев, поднявшихся на борьбу с большевизмом, а сами помогали большевикам.

Советская Россия бросила свои войска на Украину в двух основных направлениях: 1. через Харьков в Донецкий Бассейн и далее против Ростова и Новочеркасска и 2. против Киева. 25 января, после 10-ти дневной бомбардировки Киева из тяжелых орудий, войска полковника Муравьева захватили столицу Украины. После этого они все свое внимание направили в сторону Дона. В это время 39 дивизия занимала линии железной дороги — Тихорецкая-Армавир и Тихорецкая-Торговая. В начале февраля командующий большевицкими войсками, Антонов, передал этой дивизии распоряжение наступать по железной дороге с юга на Батайск-Ростов, жалая этим достигнуть окружения этого громадного промышленного и торгового центра Казачьих Земель.

Еще в декабре месяце 1917 года Донской Атаман Каледин просил у Кубани помощи людьми для отражения большевицких войск, наступавших с севера и северо-запада. В виду вышеописанного состояния кубанских строевых частей, Кубанское Правительство не могло послать на Дон просимую вооруженную силу и принуждено было ограничиться посылкой оружия.

В конце января, когда К. Л. Бардиж сорганизовал казаков Черномории, у него, естественно, явилась мысль немедленно оказать помощь Дону. Поэтому он решил направить часть своих войск через Староминскую (узловая жел.-дор. станция Черн.-Куб. ж. д.) и Кущевскую (узл. станция Владикавказ. ж. д.) на Ростов и ударить в тыл большевицким войскам, скопившимся у Батайска. Эта операция подготовлялась втайне. Один отряд войск Бардижа был продвинут на станцию Староминскую. Командовал им полковник Демяник. В станице Староминской находились штабы кубанской батареи и казачьих батальонов, прибывших с фронта. Часть казаков этих частей разошлась по станицам, а другая находилась в станице Староминской. Узнав о том, что на станцию

Староминскую прибыли войска Бардижа, казаки расположенных в Староминской воинских частей через свою делегацию пред'явили начальнику отряда, полковнику Демянику, категорическое требование о немедленном удалении отряда со станции Староминской, грозя, в случае неисполнения этого требования, расстрелять отряд из имеющихся в Староминской орудий. Все раз'яснения со стороны начальника и казаков отряда не привели ни к чему. Представители казачьих частей, расположенных в Староминской, возвратились в станицу, грозя немедленно открыть орудийный огонь по станции. Вследствие этой угрозы отряд Бардижа отошел из Староминской в Новоминскую вместо того, чтобы продвинуться и занять Кущевку и перерезать железную дорогу Тихорецкая-Ростов.

В ночь на 11 февр. на станцию Староминскую прибыл сам Бардиж с войсками. 11-го же февраля станицу Староминскую посетили члены Куб. Рады: Ф. А. Щербина, Султан-Шахим-Гирей, П. Макаренко и др. и выступили на многотысячном митинге. Это выступление едва не окончилось убийством прибывших членов Рады; фронтовые казаки перерезали телефонные и телеграфные провода, соединявшие станицу Староминскую с Уманской и станцией и привели орудия в боевую готовность, с намерением открыть огонь по отряду Бардижа.

Так сами казаки сорвали задуманную Бардижем операцию.

Необходимо подчеркнуть, что ст. Староминская имела тогда около 24 т. только казачьего населения и легко могла выставить сильный отряд для защиты Кубани. Как оказалось, еще перед этим, 9-го февраля, она поспешила признать советскую власть. Рядовые казаки на митинге требовали от членов Рады немедленного увода со станции отряда Бардижа, заявляя, что большевики ничего злого для них не сделали и что, если надо будет, староминцы сами себя защитят от

большевиков, если последние будут притеснять как-либо казаков.

Само рядовое казачество в значительной мере виновато в том, что в самом начале большевицкого нашествия не выступило для защиты своего Края. За свою ошибку оно дорого заплатило потом и своими головами и своим имуществом.

Казачьи войсковые части были до крайности утомлены 3-х летней тяжелой войной; 1914—1917 г. г. их беспрерывно перебрасывали с фронта на фронт, спасая положение в наиболее угрожаемых участках; с марта до октября-декабря 1917 г. эти казачьи части видели полный развал многомиллионной русской армии; потом, пробиваясь в течение многих недель с фронта в родные Края, казачьи части слышали со всех сторон, что власть в их родных Краях захватили помещики и капиталисты, и не только слышали, а читали об этом в газетах и специальных прокламациях, в распоряжениях и призывах русского большевицкого правительства... Окруженные со всех сторон разлагающей пропагандой со стороны русской революционной демократии, не встречая ни на фронте, ни по пути своего следования широко и серьезно поставленной контр-пропаганды, организованной правительствами Казачьих Земель; видя, как миллионная солдатская масса верит большевикам, видя всюду ненависть к себе, казаки падали духом...

Да и за что и против кого воевать?! Ведь большевицкое правительство обещает немедленное прекращение давно проигранной внешней войны, обещает всем трудящимся свободу, равенство, братство и материальное благополучие, а рядом с тем, ничего не собирается отбирать у трудового казака, больше того, в своих обращениях специально к казакам оно об'явило:

„1. Отменить обязательную воинскую повинность казаков и заменить постоянную службу краткосрочным обучением при станицах.

2. Принять на счет государства обмундирова-

ние и снаряжение казаков, призванных на военную службу.

3. Отменить еженедельные дежурства казаков при станичных правлениях, зимние занятия, смотры, лагери.

4. Установить полную свободу передвижения казаков" и т. д.

...По новому советскому закону, земли казаков-помещиков должны без всякой платы перейти в руки казаков-тружеников, казачьей бедноты... (из обращения советской власти к казакам 12 декабря 1917 года).

За что же казак должен воевать, если все это ему дает новая русская власть? Она снимает с казака все тяготы, да еще и передает ему землю, при царях забранную у него казачьими помещиками!

А кто эти новые правители казачьих земель? Они известны только в сравнительно небольших районах их передвоенной деятельности. Всему казачеству они не известны. Почему теперь казак должен так сразу бросаться с оружием в руках против „братьев солдат, которые также „измучены долгой войной", которые также „хотят мира и спокойствия". Сначала рядовые казаки вообще не верили в то, чтобы „братья солдаты" пошли против казаков с оружием в руках.

Кроме того, из большевицких заявлений казаки знали, что в Казачьи Земли убежали контр-революционные генералы — Корнилов, Алексеев, Деникин и многие другие. Об их контр-революционности казаки читали не только в газетах и прокламациях, но русское Временное Правительство еще в сентябре об'явило об этом по всей России в своих приказах и подвергло их аресту в Быхове. Теперь эти генералы нашли приют на Дону под покровительством Атамана Каледина, да еще набирают здесь армию добровольцев...

И смущалась душа казака...

К тому же казачьи правители в своей деятельности допустили крупные, больше того, роковые ошибки. Та-

кой безусловной ошибкой на Дону было: организация блока казаков с кадетской партией при выборах в Учредительное Собрание и разрешение русским генералам набирать войска на донской территории. Эту ошибку допустили казачьи верхи... Если „верхи казачьи“ могли вступать в блок с русскими кадетами, то почему рядовое казачество не может блокироваться с русскими солдатами?.. И если подробно изучить и об'ективно оценить всю историю с организацией казаками Дона Военно-Революционного Комитета, если хорошенько присмотреться к деятельности казачьих воинских частей, поддерживавших этот Комитет, там можно найти не только элементы заблуждений одних и предательства других, но и желание казаков разорвать союз Дона с пришлыми русскими элементами — добровольческой армией и кадетской партией. Свой известный ультиматум Войсковому Правительству, переданный 10-го января, этот Комитет заканчивает пожеланием устройства на Дону „постоянной трудовой власти всего населения“.

Рядовое казачество сделало большую ошибку, пойдя на соглашение с русской советской властью через Донской Военно-Революционный Комитет. Не меньшую ошибку допустили и выборные руководители казачества, организовав на Дону в декабре-январе триумвират генералов Каледина-Корнилова-Алексеева — это, как говорит Деникин, „в скрытом виде первое обще-русское противо-большевицкое привительство“ (Деникин: Очерки Русской Смуты, т. II, стр. 189).

Тогда же при Добровольческой армии был организован Совет с целью

> „Организации хозяйственной части Армии, сношения с иностранными и возникшими на казачьих землях местными правительствами и с русской общественностью, в подготовке аппарата управления по мере продвижения вперед Добровольческой Армии“.

В Совет вошли: от Дона М. П. Богаевский, П. М. Агеев, Н. Е. Парамонов, С. П. Мазуренко и русские люди:

П. Н. Милюков, М. М. Федоров, П. Б. Струве, князь Г. Н. Трубецкой, Б. В. Савинков, Белецкий, Ведзягольский (Донская Летопись, т. II, стр. 162—163). Таким образом, донские верхи уже тогда согласились формально уступить руководство вооруженной борьбой с большевиками Добровольческой армии, боровшейся за единую, неделимую Россию, а донские фронтовики подчинили Дон русской советской власти.

Были допущены весьма серьезные ошибки и на Кубани. Первая из них — это поспешный созыв в апреле мес. 1917 г. С'езда, собранного без необходимой предварительной подготовки. С'езд этот, избрав Кубанский Областной Исполнительный Комитет, передал власть над Кубанью в руки случайного и искусственного русского большинства членов этого Комитета во главе с русским единонеделимцем, соц.-дем. Турутиным. Позже, в начале июля месяца того же года, казаки принуждены были исправлять революционным путем допущенную весною ошибку, перебирая в свои руки управление Краем путем выхода казаков из Областного Исполнительного Комитета и Областного Совета. Это обстоятельство дало возможность русским людям, собранным в бывших Комитете и Совете, повести агитацию против казаков, как против нарушителей соглашения, будто бы достигнутого весною на Областном С'езде.

Следующей крупной ошибкой, допущенной уже Кубанской Войсковой Радой в октябре месяце 1917 года было избрание полковника Филимонова на пост Кубанского Войскового Атамана. Эта ошибка может быть об'яснена тем, чрезвычайно важным, обстоятельством, на которое мы указывали выше: предыдущая история Кубани не создала вождей, испытанных в политической работе и известных всей Кубани, таких вождей, которым бы верила Кубань.

Выше мы уже характеризовали обстановку и условия, при которых происходили эти выборы. Здесь только добавим, что сам Филимонов и его сторонники очень играли на демократизме этого кандидата в Атаманы,

особенно подчеркивая то обстоятельство, что при царе он защищал на суде известную революционерку Спиридонову...

Остановимся теперь на характеристике его действительной роли в первый период борьбы за самостоятельность Кубани.

Приступив к организации своих вооруженных сил на Дону, русские генералы прилагали большие усилия к тому, чтобы Казачьи Земли вообще сделать базой создания единой и неделимой России, а Казачество сделать послушным материалом в своих руках для свержения большевицкой власти в России и установления верховенства русского народа над всеми народами, покоренными Россией в предыдущий период ее истории. Поэтому эти генералы (и вообще русские люди) стремились взять в свои руки вооруженные казачьи силы, а деятельность казачьих правительств поставить под свой контроль. Как мы видели, это им удалось на Дону. Русское верховное руководительство нашло свое оформление в организации Триумвирата генералов Алексеева, Корнилова и Каледина и в организации Совета при Добровольческой армии.

Генерал Алексеев дважды приезжал в Екатеринодар в конце 1917 г. с целью добиться от Кубанского Правительства разрешения на формирование на Кубани добровольческих отрядов, подчиненных генеральскому центру на Дону. Кубанское Правительство не дало генералу Алексееву просимого разрешения, а само приступило, как мы видели, к организации отрядов партизан и вольного казачества. Кроме того, товарищ председателя Юго-Восточного Правительства И. Л. Макаренко получил от Кубанского Правительства средства на организацию армии этого Союза; были выданы также средства и предоставлены помещения для организаци отряда из украинцев („Сич“). За это дело взялась группа кубанских офицеров во главе с есаулом Удовика.

Когда Кубанское Правительство отказало генералу Алексееву в разрешении организации добровольцев на Кубани, русский политический и военный центр на Дону нелегально послал на Кубань целый ряд тайных вербовщиков, которые, как стало известно много позже, согласно тайного соглашения между Кубанским Атаманом Филимоновым и генералом Алексеевым, приступили к работе на Кубани. Для общего руководства работой этих вербовщиков и для непосредственной и постоянной связи с Атаманом Филимоновым на Кубань был прислан из Новочеркасска генерал Эрдели. Относительно роли его на Кубани генерал Деникин говорит следующее:

> „Еще с января месяца (1918 г.) в Екатеринодаре жил генерал Эрдели в качестве представителя Добровольческой Армии. В числе поручений, данных ему, было подготовить почву для включения Кубанского отряда в состав Добровольческой Армии“ (Деникин: Очерки Р. Смуты, т. II, стр. 269).

Среди появившихся на Кубани вербовщиков был и капитан Покровский. Он очень скоро приблизился к семье Атамана Филимонова и стал во дворце желательным и постоянным посетителем. Этому пришельцу, совершенно неизвестному на Кубани человеку, Атаман Филимонов выдал 100 тысяч рублей на организацию добровольцев. Обстоятельства сложились так, что в первом же бою на Кубани, под Энемом у Екатеринодара, был убит в январе 1918 года организатор кубанских партизан, доблестный войсковой старшина Голаев. Только теперь, уже за границей, внимательно изучая по доступным для нас материалам все перепетии тогдашней войны, мы устанавливаем, почему после смерти Голаева Атаман Филимонов назначил чужого для Кубани человека, капитана Покровского, начальником кубанских войск, действовавших против большевиков, наступавших из Новороссийска, почему после боя под Григорие-Афипской Атаман Филимонов произвел Покровско-

го сразу в полковники. Всеми этими мерами „подготовлялась почва для включения Кубанского отряда в Добр. Армию“, как пишет Деникин. Уже за границей сам Филимонов описывает свои взаимоотношения с Покровским. При чтении этих повествований становится стыдно за бывшего Кубанского Атамана и щемящая боль охватывает душу читателя-кубанца. До чего унижал славную Кубань этот первый ее избранник! (Белое Дело, т. II, статья А. Филимонова: „Кубанцы“). Выдвигаемый по соглашению с Добрармией капитан Покровский сам хорошо понимал свою роль на Кубани.

Филимонов пишет, что Покровский в одном из разговоров с ним настаивал на немедленном смещении генерала Гулыги с поста командующего Кубанской Армией. И Филимонов слушается и отстраняет генерала Гулыгу и 14 февраля назначил Покровского на его место, хотя сам Филимонов находил, что Покровский „неопытный, очень молодой, сомнительных военных знаний стратег“ (там же). Тот же Филимонов сообщает, что против назначения летчика Покровского на пост командующего кубанскими войсками решительно стоял член Кубанского Правительства по военным делам, полковник Успенский. Несмотря на это, Филимонов настолько слепо исполнял задания, полученные от генерала Алексеева, что не остановился обойти всех кубанских офицеров, среди которых было много людей, теоретически и практически подготовленных и безусловно доблестных и распорядительных командиров частей, не остановился устранить генерала Гулыгу, пренебрег мнением военного министра и угрозой последнего, в случае назначения Покровского на пост командующего Куб. войсками, выйти в отставку, и осмелился назначить Покровского командующим вооруженными силами Кубани. За назначение Покровского высказался представитель Добровольческой армии, генерал Эрдели, находя, „что при данных обстоятельствах назначение Покровского может дать благоприятные результаты“

(там же). В тот же день военный министр Успенский подал рапорт об увольнении его от службы. Начальником штаба при Покровском остался полковник В. Г. Науменко.

Почему же Атаман Филимонов поспешил назначить Покровского на такой высокий и чрезвычайно ответственный пост? Какие такие „благоприятные результаты“ могло дать это назначение?

В Екатеринодаре были получены сведения, что добровольческий отряд оставил Ростов и направляется на Кубань. Для русских людей было весьма важно иметь своего человека во главе войск Кубанского Края. В это время обстановка на Кубани складывалась не в пользу белого русского дела.

„Вновь избранная (паритетная) Законодательная Рада открыла свою сессию 8-го января и с первого же дня приступила к кипучей творческой работе, результатом которой явилось принятие целого ряда законов, разработанных Правительством и комиссиями Рады. Важнейшими из этих законов явились: провозглашение Кубани самостоятельным государственным образованием — республикой, закон о созыве Кубанского Учредительного Собрания, основные законы Кубанского Края, о 8 часовом рабочем дне, закон о правительственном контроле над промышленностью, закон об увеличении жалованья народным учителям и др. Необходимо отметить, что декларация Кубанского Краевого Правительства (паритетного), единогласно принятая и одобренная Законодательной Радой 28 января, содержала в себе всесторонне разработанную программу решения важнейших политических и экономических вопросов жизни Края“... (Кубанец: От Екатеринодара до Мечетинской. Ростов н/Д. 1918).

Казачество постепенно стало пробуждаться, понимать создавшуюся обстановку и браться за оружие... Уже бились казаки с большевиками под Энемом и Афипской, под Славянской и Полтавской, под Армавиром...

Уже Бардиж поднял несколько тысяч казаков Черномории... В Баталпашинской, в Уманской, в Незамаевской, в Прочноокопской казаки, под руководством своих атаманов и офицеров, не допускали захвата власти большевиками... На 11 февраля собран С'езд представителей всех станиц Ейского отдела, а на 15 февраля в станице Брюховецкой созвана Черноморская Рада...

Все, кто организовывал тогда борьбу, верили в успех (в противном случае преступно было бы поднимать народное движение...). Между прочим, в то время весьма и весьма многие верили в скорое падение большевицкой власти, ибо не понимали или не хотели понимать того, что эта власть выросла органически из прошлого России, что эта власть для великороссов является своей в известный период их истории... А что бы делали русские люди, пришедшие в Казачьи Земли собирать силы для воссоздания великой, неделимой русской монархии, что бы они делали, в случае успеха народных движений в Казачьих Землях?

Они принуждены были бы распылиться среди населения новых республик. Они могли бы также отправиться за границы Казачьих республик, в Великороссию, и поискать себе сторонников среди родных по крови и духу русских людей и померяться силами там с большевиками. Но русские люди, составлявшие Совет при Добровольческой Армии, и русские генералы, все эти Милюковы, Струве, Федоровы, Трубецкие, Деникины, Алексеевы хорошо знали своих русских братьев и потому не имели надежды на успех среди них. Русские патриоты пришли собирать вооруженные силы среди казаков, пришли взять казачью доблесть под свое командование и этой силой, умноженной за счет русских патриотов-антибольшевиков, завоевать свой русский народ, крепко взять в свои руки власть над ним и тогда уже расправиться и с сепаратистами-казаками... Свой успех русские люди думали строить: 1. на отсутствии национального самосознания у нерусских народов и 2. на работе изменников и предателей среди этих народов...

Не только бывший начальник штаба и Верховный Главнокомандующий вооруженных сил России генерал Алексеев и другие генералы, но и рядовые, штатские русские люди прекрасно знали, что казаки во время войны 1914—1917 г. г. выставили на фронт более 200 тысяч вооруженных людей, что только три Войска — Донское, Кубанское и Терское — могли дать более 150 тысяч бойцов. Строители России никогда не были фантазерами. Не были таковыми и те, что собирали вооруженные силы в Добрармию на Дону. Они поставили своей целью захват в свои руки казачьего народного вооруженного освободительного движения и твердо шли к своей цели.

Кубанское Правительство категорически отказало генералам в наборе добровольцев на Кубани. Тогда русские люди решили обходным движением обойти это запрещение. Проводником их желаний на Кубани явился Филимонов.

На 15-ое февраля была собрана Черноморская Рада, а 14-го февраля Филимонов назначил капитана Покровского на пост командующего Кубанской армией. А перед этим генерал Белоусов (сторонник Добр. армии) был назначен начальником снабжения армии, а немного позже еще один агент Добр. армии, полк. Туненберг, был назначен командиром Куб. стр. полка.

Напрасно представители населения Кубани, собираясь в Раде, вырабатывали законы, долженствующие закрепить самостоятельность Кубани; напрасно Рада отражала нападения Долгополовых, Турутиных, Моревых, не желавших освобождения Кубани от русского владычества; напрасно казаки и иногородние так долго говорили и спорили о том, кто имеет права гражданства в Кубанской Республике; напрасно Законодательная Рада 28 января единогласно одобрила декларацию Кубанского Краевого Правительства, формально провозгласившую существование Кубанской Народной Республики... Одним ловким закулисным маневром выборный Кубанский Атаман Филимонов передал вооруженные

силы Кубани в руки первого единомышленника группы русских генералов...

Каковы были последствия этого назначения? Ближайшим последствием этого безусловно преступного шага Филимонова было то, что 16 февраля „покровцы пропили Выселки“, лежащие в 40 верстах от Тихорецкой на железной дороге Тихорецкая-Екатеринодар. Здесь были сосредоточены главные кубанские силы, защищавшие Екатеринодар со стороны наступавших большевиков. Приняв командование Кубанской Армией, Покровский переехал в Екатеринодар и большую часть времени проводил во дворце Куб. Атамана... Начальником кубанского отряда под Выселками был назначен агент Добрармии, полковник Ребдев. Ближайший сотрудник Покровского и его единомышленник, В. Леонтович, так определяет причины катастрофического и рокового поражения:

> „Легкость взгляда на противника, отсутствие распорядительности и бдительности, вино, широко лившееся в штабных вагонах, — все это было причиной того катастрофического отката от Выселок, который явился следствием ночного нападения большевиков. Выселки были началом конца. Эта первая крупная неудача окончательно изменила настроение казаков, подорвала дух добровольцев и веру их в свои силы. По Екатеринодару поползли зловещие слухи: Выселки — пропиты, сданы без боя. Громко назывались имена виновников и порождали злобу и тревогу среди обывателей. Тыл панически волновался. (Вл. Леонтович: Первые бои на Кубани. Мюнхен, 1923).

О причине катастрофы под Выселками генерал Филимонов говорит следующее:

> „Генерал Корнилов, идущий с Дона на соединение с кубанцами, через две недели после этого занял Выселки и впоследствии, 17 марта в ст. Новодмитриевской говорили мне (Филимонову), что казаки станицы Выселки рассказывали ему

о том, как „Покровцы пропили Выселки“ (Белое Дело, т. II, статья А. Филимонова).

Далее Филимонов, уже после смерти Покровского, публикует за границей:

„При всяких нормальных условиях военных действий, Покровский, как командующий армией, за дело под Выселками подлежал бы ответственности“. (Там же).

Как мы уже говорили выше, сообщение о катастрофе под Выселками было получено в Брюховецкой на заседании Черноморской Рады в ночь с 16 на 17 февраля, именно в тот момент, когда казаки Черноморцы должны были приступить к осуществлению плана ликвидации большевицкого фронта именно под Выселками.

Поспешное наступление большевиков со стороны Тихорецкой к Екатеринодару внесло колоссальную путаницу во все операции по защите Екатеринодара. Дело в том, что появление чужого, неопытного, молодого человека во главе Кубанских войск внесло полное моральное разложение в казачью среду вообще. Ни рядовое казачество ни, тем более, кубанское офицерство не могло верить и действительно не верило тому, чтобы Покровский мог провести организацию защиты Екатеринодара, мог воодушевить казаков и быть во главе народного движения.

Появление капитана летчика Покровского во главе Кубанской армии у многих, не только рядовых, но и выдающихся организаторов казачества, убило веру в кубанский правительственный центр. Сам Филимонов пишет, что весьма популярный на Кубани организатор вольно-казачьего движения К. Л. Бардиж, как и многие другие, „считали назначение Покровского командующим армией гибелью Кубани“. Не желая вести борьбу с Атаманом из-за его злого дела, не желая открыто вступать в борьбу с кубанским правительственным центром, многие кубанцы начали отходить в сторону от правительственных войск, от организационного центра. Так сделал, прежде всего,

военный министр полковник Успенский, уйдя с поста военного министра, так сделал К. Л. Бардиж, уйдя в горы со своими сыновьями; так поступили полковник Маркозов, Бурсак и многие другие... Потом от правительственных войск откололся целый конный отряд полковника Кузнецова и тоже ушел в горы... Не признавали Покровского полковник Улагай, полковник Демяник, полковник Бабиев и другие (Белое Дело, т. II, статья А. Филимонова). Доверие к кубанскому правительственному центру было подорвано, все начинания, связанные с созывом Черноморской Рады и с мобилизацией казаков, были разрушены.

Через 14 дней после назначения Покровского на пост командующего Куб. армией, Кубанская Законодательная Рада, Куб. Правительство и Атаман с отрядом в 3000 человек ушли из Екатеринодара. Сама эвакуация была для населения неожиданной, была неожиданностью и для многих бойцов; целый отряд на Пашковском направлении был оставлен и сам потом пробивался за Кубань. Вследствие всего этого много людей, которые остались в Екатеринодаре, не могли присоединиться к отряду и увеличить его боевое значение.

Центр политической, хозяйственной и культурной жизни Края был поспешно передан большевикам, которые сами не ожидали, что на их долю выпадет такое счастье — занятие без боя столицы Кубани. Это видно из всех их описаний обстоятельств, при которых они заняли Екатеринодар. Для них просто неожиданным был приезд на раз'езд Лорис 1-го марта делегации городской думы города Екатеринодара с сообщением об очищении Екатеринодара кубанскими войсками и о подчинении столицы Кубани советской власти.

Факт оставления Екатеринодара правительственными войсками поднял настроение большевиков и убил морально их противников. Моральное значение этого факта не было бы так ужасным, если бы перед этим противниками большевиков не велось такой усиленной агитации по станицам, агитации, указывавшей на сла-

бость большевиков и на большие противобольшевицкие силы, группирующиеся вокруг кубанского правительственного центра, если бы не было с'езда Ейского отдела, Черноморской Рады и т. д. Через две недели после этого понеслась по станицам, селам и аулам Кубани трагическая весть о сдаче Екатеринодара большевикам без боя... Отряды, собранные в станицах усилиями атаманов и местного офицерства, были распущены или принуждены были присоединиться к другому центру борьбы — Добровольческой Армии, двигавшейся в это время через Незамаевскую, Леушковскую и т. д. к Екатеринодару...

И судьбе угодно было подстроить все события так, что на том самом месте, под Выселками и Кореновской. где 16 февраля „покровцы пропили" сражение, генерал Корнилов разбил 10 тысяч красноармейцев с бронепоездами и большим количеством артиллерии" (Деникин, т. II, стр. 244-248). Этот факт показывал ясно, что большевиков можно было бить.

Разбирая события с русской точки зрения и с точки зрения своих личных интересов, желая скрыть от современников и от будущих поколений свою безусловно предательскую, мерзко преступную роль на Кубани, генерал Филимонов сам теперь, уже за границей, пишет:

> „Удержаться в Екатеринодаре до соединения с Корниловым означало не только спасение Кубани, но и полную ликвидацию неорганизованных и необ'единенных еще тогда банд большевиков. Прибытие в Екатеринодар Корнилова было бы сигналом к присоединению к Кубанской Армии всех казаков, которые до того заняли выжидательную позицию. А самое главное это то, что кубанское правительство сохранило бы свой авторитет полностью" (Белое Дело, т. II, статья Филимонова).

Появление летчика Покровского во главе вооруженных сил Кубани привело не только к отходу от кубанского

правительственного центра целого ряда военных и гражданских организаторов защиты Кубани, привело не только к тому, что главное направление наступления большевиков на Екатеринодар, Тихорецкую, было просто пропито, что и вызвало скорую эвакуацию Екатеринодара, екатеринодарский большевицкий террор, вызвало не только уверенность большевиков в своих силах, но и окончательно подорвало воинский дух и, даже, боеспособность частей, вышедших с Кубанским Правительством и Радой в поход.

Наше желание при описании трагедии Казачества быть максимально об'ективными заставляет нас при описании предательской роли изменников и врагов Казачества прибегать к цитированию слов самих гробокопателей Казачества.

Относительно положения в кубанском отряде после оставления Екатеринодара Филимонов говорит следующее:

> „В Шенджие (первая остановка отряда по выходе из Екатеринодара) обнаружилась печальная картина — отсутствия единодушия среди начальников частей и острых раздоров между ними. Выяснилось, что Покровский популярен лишь среди чинов своего партизанского отряда. Начальники же почти всех остальных частей в него не верили и не признавали его авторитета. Полковник Улагай и капитан Раевский открыто заявили об этом на совещании. К ним присоединились два других, более видных кубанских офицера: полковник ген. штаба Кузнецов и георгиевский кавалер Демяник...
>
> ... Авангард, высланный (из станицы Пензенской) вперед для занятия станицы Саратовской, задачи не выполнил, а наткнувшись на сопротивление большевиков, отошел назад, не проявив никакой устойчивости. В отряде чуствовались признаки деморализации. Военно-следственная комиссия, назначенная Покровским для рассле-

дования обнаруженной агитации в частях против него, произвела аресты; говорили о предстоящих расстрелах офицеров отряда, упоминалось имя полковника Улагая. Встревоженные поведением Покровского члены Рады просили меня (Филимонова) не допустить расправы Покровского с его личными врагами, во избежание полного развала армии"... (Там же).

Кубанский правительственный отряд не мог пробиться у станицы Саратовской, далее он возвращается с юга к Екатеринодару, получив сведения о наступлении Корнилова с севера на Екатеринодар... Когда стало известно, что Корнилова под Екатеринодаром нет, Кубанский отряд направился к переправе через реку Псекупс у аула Вочепший. У переправы находилась малочисленная большевицкая застава с пулеметами. Эту переправу за целый день не могли взять войска, руководимые командующим Покровским и начальником штаба полковником генерального штаба В. Г. Науменком... Вечером Покровский созвал военный совет на квартире представителя Добровольческой Армии, генерала Эрдели, и доложил, „что овладение переправой потребует больших жертв, что в случае успеха при дальнейшем движении, мы должны будем выдержать бой у (станицы) Бакинской, за исход которого он не ручается; что настроение войск подавленное"... и т. д. Далее Филимонов пишет:

„С тяжелым чувством расходились мы из сакли, занимаемой генералом Эрдели, служившей местом совета, и хозяин которой,самый сильный военный авторитет, тоже советывал нам уходить в горы. Но и этот бесславный отход уже не был безопасен... Решено было двигаться глубокой ночью, обозы сократить до минимума, соблюдать гробовую тишину... бросались повозки... лишняя одежда...

Ночь на 11-е марта была поистине кошмарной... Ко мне поминутно подходили и под'езжали

старые почтенные офицеры и генералы и спрашивали: „Что происходит? Куда мы идем?“

Всюду на меня смотрели недоумевающие глаза“... (Там же).

Такими словами описывает Филимонов трагедию Кубанского освободительного движения, возглавляемого выборным Кубанским Войсковым Атаманом.

Кубанский отряд, как затравленный зверь, уже десять дней беспомощно метался на небольшой площади, между Екатеринодаром и ст. Пензенской, между рекой Пшехой и ст. Калужской. А, ведь, в этом отряде было: пехоты 2.500 чел., конницы 800 чел., артиллерии 12 орудий, пулеметов 24. Во всех родах войск большинство — офицеры (Там же).

Против этого отряда были разрозненные, неорганизованные силы, преимущественно местных, закубанских большевиков. Весьма характерным для настроения большевиков было, скажем, то обстоятельство, что в ту же ночь (на 11-ое марта), когда по предложению командующего Кубанским отрядом, полковника Покровского и его начальника штаба, полковника В. Г. Науменко, кубанские войска отступали от переправы у Вочепшия, в эту же самую ночь большевицкая застава тоже снялась и ушла от переправы в другую сторону, на восток, к станице Бакинской, оставив переправу совершенно свободной...

В это самое время блуждания кубанцев за Кубанью „под мудрым и доблестным“ руководством Атамана Филимонова и назначенных им командующего армией полковника Покровского и нач. штаба полк. Науменко, почти такой же численности отряд под руководством Корнилова прошел с боями всю Черноморию, разгромил 10-ти тысячный отряд большевиков под Выселками-Кореновской, взял 6-го марта переправу через Кубань у Усть-Лабинской, переправил свой большой обоз с 500 ранеными и больными через многоводную Кубань, потом переправился через реку Лабу у Некрасовской, 10 марта разгромил значительные силы большевиков

у Филипповского, переправился через большую реку Белую и шел на запад на соединение с кубанцами. 10-го марта Корнилов был уже в ст. Рязанской, верстах в 20-25 к востоку от Кубанских войск. 11 марта корниловский раз'езд прибыл в Гатлукай, где 10 марта находились кубанцы, и, не найдя здесь кубанцев, раз'езд донес Корнилову, что кубанцы бросили имущество и бежали в горы.

Почему же Корнилов мог громить большевиков, мог переходить такие большие реки, как Кубань, Лаба, Белая и т. д., а в это же время почти такой же силы (в действительности больший) кубанский отряд так был деморализован, что не мог взять простой переправы через реку Псекупс?

Почему к отряду Корнилова присоединилось 140 казаков ст. Незамаевской, более 500 казаков ст. Брюховецкой и т. д., а в это же время от кубанского отряда ушел казачий конный отряд под командой полковника Кузнецова, а Покровский собирался расстреливать, вне всякого сомнения, доблестных и, в военном смысле, более его образованных кубанских офицеров? Почему ушел Бардиж, генерального штаба полковник Лисевицкий, который организовывал в январе-феврале месяцах отряд партизан и успешно, до сдачи Покровским Выселок, защищал от наступающих большевиков Кавказское направление (по железной дороге Екатеринодар-Кавказская)?!

Почему на Филимонова „всюду смотрели недоумевающие глаза"?

Всю вину за полное расстройство и деморализацию кубанских вооруженных сил в первый период борьбы, за поспешное и преждевременное оставление Екатеринодара несет руководитель вооруженных сил Кубани — бывший Кубанский Войсковой Атаман Филимонов.

Филимонов никогда не имел сколько-нибудь ясной программы государственного строительства Кубани.

Юрист по образованию, он не исполнил принятых на себя, под торжественной присягой, обязательств

блюсти законы Кубани, принятые Радой. Он умел хорошо, даже красиво и с под'емом говорить, но речь его была полна демагогии... Человек безвольный, бесхарактерный, ради своей личной выгоды и мелкого тщеславия, заискивающий перед всеми сильными мира сего... Принимая власть от населения Кубани, он предавал это население, выполняя закулисные веления русских генералов. Клялся служить Кубани, но служил Алексееву, а позже Деникину. Присягал, что организует Кубанскую Армию, но в своей практической деятельности сознательно запутывал военные силы Кубани в сети русской контр-революции и, вместе с другими предателями и изменниками Кубани, много, подло и долго поработал над тем, чтобы в решительный момент, по существу, оставить Кубань беззащитной...

В описываемый страшный период начала вооруженной борьбы с большевиками Филимонов не выявил ни разумного руководства, ни твердой воли, ни уменья подобрать офицерский состав армии и воодушевить казаков. Слепо, покорно и беспрекословно исполняя закулисные веления русских генералов — „подготовить включение кубанского отряда в добровольческую армию“, — Филимонов назначением чужого для Кубани летчика Покровского на пост командующего Кубанскими войсками предавал кубанское освободительное движение.

Сам Филимонов видел прекрасно, что „девять десятых всего отряда проклинали меня (Филимонова) за несчастную мысль вручить судьбу отряда молодому, неопытному Покровскому. Я сам искренно считал себя преступником... (Белое Дело, т. II, статья А. Филимонова).

Так оценивает свою деятельность на Кубани генерал Филимонов в первый период борьбы. Он не ошибается: об'ективная, беспристрастная история Кубани безусловно назовет преступником первого выборного Кубанского Атамана. С этим нелицеприятным приговором истории сойдет генерал Филимонов и в могилу.

Само собою разумеется, что Филимонов не был одинок в своей предательской работе. Ведь, в то время, когда против назначения протестовал военный министр Кубани, полковник Успенский, когда старый казак, Кондрат Бардиж, это назначение называл гибелью Кубани; когда целый ряд доблестных кубанских офицеров протестовали против пребывания Покровского на посту командующего кубанскими войсками, — находились люди, которые добровольно поддерживали Филимонова-Покровского, занимая при последнем высокие посты. Среди этих людей выдающуюся роль играл начальник штаба у Покровского, полковник В. Г. Науменко. Чтобы по существу оценить роль этих людей в то время, надо помнить, что они, нарушая споконвечную солидарность казачьего офицерства, помогали Покровскому арестовывать честных кубанских офицеров в ст. Пензенской и в ст. Калужской. Предавали своих, лишь бы служить агенту группы русских генералов, взявшихся представлять собою Россию. Протестанты под угрозой расстрелов со стороны Покровского уходили в горы, там их ловили большевики и убивали беспощадно...

Самым тяжелым днем для Кубанского правительственного отряда был 11 марта 1918 года, когда он принужден был выдержать весьма серьезный бой с большевиками. Даже члены Кубанского Правительства и Рады приняли тогда участие в бою.

А что делал в это время командующий отрядом, полковник Покровский, против воли боевых, заслуженных старших кубанских начальников назначенный Филимоновым на эту ответственную должность?

Сам Филимонов дает такой ответ на поставленный вопрос:

> „Покровский передал руководство боем полковнику Туненбергу, а сам расположился в шалаше и проспал все время, пока шел бой... Я подошел к Эрдели и спросил его, что он думает обо всем этом и как он об'ясняет поведение Покровского. Не без смущения Эрдели сказал мне.

что Покровский, в случае неудачи, намерен с небольшой группой, человек в 16, пробиться в горы и что для этого у него уже готов проводник, знающий тайные тропы. Эрдели советывал мне держаться ближе к его конвою, чтобы в нужный момент присоединиться к группе Покровского" (Там же).

Какими словами можно охарактеризовать подлую, предательскую роль на Кубани этих агентов Добровольческой армии? Воспользовавшись тем, что несчастным стечением обстоятельств на посту Кубанского Атамана оказался их сторонник, они захватили в свои руки руководство кубанскими вооруженными силами, они их расстроили и дезорганизовали, и в самый тяжелый момент для кубанского отряда, один из них, пьяный, спит в шалаше, заранее подготовив предательский побег в горы, а другой приглашает к этому побегу и своего сообщника из кубанцев, Атамана Филимонова...

Что делает после этого выборный Атаман — совесть, честь и достоинство Войска?

Что он делает с явным предателем в момент, роковой для кубанского отряда? Ведь в отряде было собрано много и людей беззащитных, доверивших свою судьбу Кубанскому Атаману — старых офицеров и стариков вообще. Разве не ясно для всякого, что за такое поведение в боевой обстановке командующий войсками подлежал немедленному, моментальному увольнению с занимаемой должности и преданию военно-полевому суду!

Глава всех вооруженных сил Кубани, Атаман Филимонов, предоставил Покровскому возможность спокойно спать далее. Когда Кубанский отряд выиграл бой и большевики бежали, Атаман Филимонов пошел к Покровскому, чтобы именем Кубани поблагодарить его за доблестное вышеописанное поведение во время боя, чтобы поблагодарить его, очевидно, и за то, что при подготовляемом побеге предателей из отряда не забыли и о Филимонове. Что факт благодарности имел

место, об этом повествует сам Филимонов в той же статье „Кубанцы“ следующим образом:

> „Я пошел разыскивать Покровского, который после боя вышел из шалаша и пошел вперед. Я нагнал его на месте, где только что были цепи бежавших большевиков. Поздравление мое он принял холодно... На вопрос, что он думает о приближении Корниловского раз'езда, сделал непроницаемое лицо“.

Итак, сам Филимонов пишет, что сам себя считал преступником за назначение Покровского на пост командующего Кубанской Армией, что „при всяких нормальных условиях военных действий, Покровский, как командующий армией, за дело под Выселками, подлежал бы ответственности“; далее сам Филимонов сообщает, что Покровский проспал в шалаше все время жестокого боя, когда на волоске висела судьба, честь и достоинство Кубани, ибо здесь находились Атаман, Правительство и Рада; когда на волоске висела судьба 5-ти тысяч людей (кроме бойцов, в отряде было около 2-х тысяч беженцев) — кубанских патриотов-воинов, стариков и т. д.; далее сам Филимонов пишет о просто вопиющем факте — приготовлении Покровского к тайному побегу из отряда ради спасения своей шкуры... И при всех этих условиях и обстоятельствах Атаман Кубани не арестовывает Покровского, не предает его неизбежному военно-по'левому суду, а сам идет разыскивать Покровского, чтобы поздравить его с победой.

А Покровский, зная прекрасно о своей роли на Кубани и в отряде, принимает это ненужное униженное и заискивающее поздравление „первого гражданина Кубани“, главы Края... „холодно“.

Можно ли более унизить Кубань, наконец, самого себя, как делал это Филимонов? Чувствовать себя преступником за самое назначение на пост ко-

мандующего войсками Кубани случайного встречного (чужого!) и искать его, чтобы поздравить полусонного, полупьяного человека с непринадлежащей ему победой и чтобы спросить его, что он думает о приближении Корнилова...

Не о поздравлении с победой истинных ее виновников — казаков, черкесов и офицеров, не о многочисленных раненых, не о достойном погребении убитых думает Кубанский Атаман! Нет! Его высокая физически фигура с белой от старости головой движется по полю боя, чтобы найти предателя и униженно поздравить его с победой над противником, все время боя с которым поздравляемый проспал в шалаше. Да, большую победу одержал Покровский, но не над большевиками, а над выборным Кубанским Войсковым Атаманом, ставшим простой игрушкой в руках случайного летчика. Свою власть, полученную от Рады, Филимонов применял не для наказания зарвавшегося авантюриста, а для награждения его чинами. Атаман Филимонов произвел Покровского из капитанов прямо в полковники, а после того, как Покровский бой 11 марта проспал, имея на готове небольшой отряд к побегу, его, Покровского, Кубанская власть произвела в генералы!..

Таким образом, благодаря сугубо преступной и предательской роли в отношении Кубанского Края и Казачества со стороны Кубанского Войскового Атамана Филимонова, единонеделимческая организация — Добровольческая армия — имела уже своего единомышленника на весьма ответственном посту командующего Кубанскими войсками. Это обстоятельство свидетельствовало о большом достижении для строителей единой и неделимой России и явилось большой угрозой для строительства Кубанской государственности. Филимонов торжественно присягал перед старыми казачьими знаменами верно служить Кубани, а сам, добравшись до власти, подло нарушил эту присягу...

Из предыдущего описания событий на Кубани мы уже видели, благодаря каким причинам Кубанское Пра-

вительство принуждено было в ночь на 1-е марта 1918 года (все даты, повторяем, по старому стилю) оставить Екатеринодар; видели мы также, в каком ужасном положении был кубанский отряд 11 марта. Исторической судьбе было угодно, чтобы в тот же день, 11 марта, к Кубанскому отряду прибыл раз'езд Добровольческой армии. Это обстоятельство имело весьма большое значение для последующих событий не только на Кубани. Встретились два центра государственной и национальной идеи: один — стремился к возрождению единой и неделимой России, другой — к освобождению своего народа; один — защищал диктаторский образ правления, другой — демократический; один — нес реставрацию старого социального строя; другой — забирал земли у частных владельцев и проводил радикальное рабочее законодательство... Сходство между ними заключалось в весьма тяжелом положении обоих центров в тот момент, — в общей для них угрозе полного уничтожения большевиками.

Организация русского добровольческого движения для спасения России от большевиков не удалась на Дону, несмотря на поддержку добровольцев со стороны донских властей, несмотря на то, что сам Донской Атаман Каледин об'единил одно время свои действия, как Донского Атамана, с генералами Алексеевым и Корниловым. На Дону на удалось собрать сколько-нибудь значительные силы из русских патриотов, готовых умирать за Россию. По этому поводу генерал Деникин пишет следующее:

„Важнейшие центры — Петроград, Москва, Киев, Одесса, Минеральные Воды, Владикавказ, Тифлис — были забиты офицерами... Большая группа офицеров, преимущественно гвардейских, в Минеральных Водах не откликнулась вовсе на призыв командированного туда генерала Эрдели... Напор большевиков (на Ростов и Новочеркасск) сдерживали несколько сот офицеров и детей — юнкеров, гимназистов, кадет, а панели кафе Росто-

ва и Новочеркасска были полны молодыми здоровыми офицерами, не поступающими в армию. После взятия Ростова большевиками, советский комендант Калюжный жаловался в совете рабочих депутатов на страшное обременение работой: тысячи офицеров явились к нему в управление с заявлениями, „что они не были в добровольческой армии“... Так же было и в Новочеркасске. Донское офицерство, насчитывавшее несколько тысяч, до самого падения Новочеркасска вовсе уклонялось от борьбы: в донские партизанские отряды записывались десятки, в Добровольческую Армию единицы“ (Деникин, т. II, стр. 167).

Весьма характерным для русского офицерства было отношение к Добровольческой армии и к советской власти старого полководца, генерала Брусилова, находившегося в начале 1918 г. в Москве. Сначала он как-будто соглашался помогать генералу Алексееву в деле организации добровольцев, но потом, „пользуясь остатками своего авторитета“, пишет Деникин, „запретил выезд офицерства из Москвы на Дон.“ Такое свое поведение генерал Брусилов об'яснял так:

„Я подчиняюсь воле народа — он вправе иметь правительство, какое желает. Я могу быть не согласен с отдельными положениями, тактикой советской власти; но, признавая здоровую жизненную основу, охотно отдаю свои силы на благо горячо любимой мною родины“ (Там же, стр. 198).

Мы уже видели, как русские офицеры в Петрограде помогли закреплению там большевицкой власти, видели также, что русские войска против Казачества вели русские офицеры. Этих фактов забывать не следует.

Добровольческая армия в период своей организации на Дону 27 декабря 1917 г. обнародовала воззвание, в котором, между прочим, говорилось:

„... Новая армия (Добровольческая) должна стать на страже гражданской свободы, в условиях которой хозяин земли русской — ее народ —

выявит через посредство избранного Учредительного Собрания державную свою волю. Перед Волей этой должны преклониться все классы, партии и отдельные группы населения. Ей одной будет служить создаваемая армия, и все участвующие в ее образовании будут беспрекословно подчиняться законной власти, поставленной этим Учредительным Собранием... Рука об руку с доблестным казачеством, по первому призыву его Круга, его Правительства и Войскового Атамана, в союзе с областями и народами России, восставшими против немецко-большевицкого ига, — все русские люди, собравшиеся на Юге со всех концов нашей родины, будут защищать до последней капли крови самостоятельность областей, давших им приют..." (Там же, стр. 198—199).

Как видно из этого воззвания, Добровольческая армия бралась защищать Учредительное Собрание, всецело и беспрекословно подчинялась воле народа, собиралась защищать до последней капли крови самостоятельность областей, давших приют русским людям... Эти призывы почти совершенно тождественны тем, под которыми полгода позже организовался на Волге фронт Учредительного Собрания. Таким языком говорили русские люди, когда в тяжелую минуту попадали на нерусские земли и хотели население этих земель использовать для русских целей...

Несмотря на эти призывы, несмотря на то, что во главе Добровольческой армии стояли известные всей России генералы, в эту армию записалось, сравнительно, очень и очень немного добровольцев. Перечислив названия добровольческих частей, генерал Деникин следующими словами оценивает численность Д. армии:

„Все эти полки, батальоны, дивизионы были по существу только кадрами, и общая численность всей армии вряд ли превосходила 3—4 тысячи человек, временами, во время ростовских

боев, падая до совершенно ничтожных размеров“ (Там же, стр. 200).

После того, как небольшая Добровольческая армия при отступлении с Дона попала на Кубань, кубанские казаки начали поступать в армию: станица Незамаевская выставила отряд человек в 150, в районе ст. Кореновской присоединился большой отряд ст. Брюховецкой. Словом, добровольческие руководители воспользовались работой Рады и Кубанского Правительства, положивших столько энергии для поднятия Казачества. В момент встречи Добр. армии с Кубанской кубанские казаки составляли значительную долю Добр. армии.

Обе эти армии, по сути, были двумя небольшими отрядами, потопавшими в большевицком море. Добровольческая армия прошла долгий и тяжелый путь с Дона на Кубань в зимнее время, стремясь соединиться с кубанскими войсками. А Кубанская армия, получив в станице Пензенской сведения о приближении Корнилова с севера к Екатеринодару, поспешила подойти с юга к этому городу.

Добровольческая армия еще в Ростове заявила, что

„первая непосредственная цель Добр. Армии — противустоять вооруженному нападению (большевиков) на Юг и Юго-Восток России.“

Как мы видели, эта Армия хотела действовать „в союзе с областями и народами России... Защищать до последней капли крови самостоятельность областей, давших приют русским людям“. С своей стороны, председатель Кубанского Правительства Л. Л. Быч, председатель Рады Н. С. Рябовол и Войсковой Атаман перед самым выходом из Екатеринодара распубликовали обращение „к населению“, в котором заявляли, что они не отказываются от России, но желают видеть ее устроенной на федеративных началах.

Носители идеи русской государственности принуждены были укрыться в Казачьих Землях и трехмесячный период своей горячей работы на Дону закончили тем, что принуждены были уходить далеко на юг.

Кубанская власть, являясь, по сути, носительницей идеи освободительного движения своего Края, тоже принуждена была уходить на юг с отрядом, в большинстве своем состоявшим из кубанских казаков.

Добровольческая армия имела прекрасных боевых генералов, среди них сибирского казака Корнилова, проведшего ее с Дона на Кубань, причем добровольцы 4 раза перешли железную дорогу, переправились через много степных рек, потом через Кубань, Лабу, Белую, Пшиш и Псекупс, выиграв при этом несколько весьма серьезных сражений (под Лежанкой, Кореновкой, Филипповским), а Кубанская армия, благодаря предательству со стороны Кубанского Атамана Филимонова, поставившего во главе ее Покровского, благодаря бездарности начальника штаба, полковника В. Науменко, беспомощно металась на небольшом пространстве земли и не могла 10 марта прорваться даже через одну реку Псекупс...

Слабость добровольческих руководителей заключалась в том, что они не встретили поддержки со стороны русских людей, сила их заключалась в том, что все они служили одной и той же идее.

Слабость Кубанского правительственного центра заключалась в том, что он, собственно, не был единым центром, а было их там два: русский кубанский центр и кубанский кубанский центр. Кубанская Рада в государственном строительстве одобряла то, что предлагали самостийники, но в Кубанские Атаманы избрала русского человека, поверив в его честность, в то, что он будет верен присяге. Кубанские самостийники вели большую работу по организации Края, по поднятию его населения для вооруженной защиты, но это население, сговорившись на Конституции, на составе Законодательной Рады и Правительства, не захотело сразу восстать на защиту Края и Правительство повисло в воздухе, имея над собой выбранного Радой Войскового Атамана, служившего в первую очередь единой-неделимой. Создалось трагическое положение не только для само-

го населения, но и для казачьей интеллигенции, вышедшей из самой толщи народной. Сила самостийного кубанского центра (большинство Законодательной Рады и части Куб. Правительства) заключалась в твердой вере в то, что население Кубани восстанет против большевиков и приступит с оружием в руках к освободительной борьбе. Только благодаря твердой вере в казачье население своего Края, Кубанская Рада и Правительство пошли в поход из Екатеринодара, дабы сохранить, с таким трудом созданный, центр государственной жизни Кубани.

При всех этих условиях сама жизнь поставила вопрос, а что же дальше? Что делать теперь, когда в таких тяжелых условиях встретились два отряда — Кубанский и Добровольческий? Многое из того, о чем мы теперь знаем, как о достоверных фактах, тогда совсем не было известно. Скажем, молниеносное повышение Покровского и назначение его на пост командующего Куб. армией об'яснялось требованием офицеров с главного (тихорецкого) направления, группа которых действительно приезжала 14 февраля в Екатеринодар и настаивала на назначении Покровского, угрожая, в противном случае, оставить фронт; это назначение официально об'яснялось также и отказом старших кубанских офицеров принять пост командующего Куб. армией; не было также известно о протестах со стороны части кубанского офицерства против назначения Покровского на пост командующего армией. О молодом начальнике штаба, полковнике Науменко, тогда еще думали в Раде, что он преисполнен любовью к возрождающейся Кубани; действительная роль этого человека стала известной только в 1919 году, что и принудило Законодательную Раду удалить его с поста военного министра Кубани...

Если в Раде не знали и не подозревали тогда о многих обстоятельствах, губивших Кубань или подготовлявших ее гибель, то тем более ничего не знало всего этого население Кубани... Выступление одного из

членов Рады после выборов Филимонова в Атаманы и крик этого депутата, что эти выборы означают „могилу Казачества“ и его истерический плач, об'ясняли тогда не правильным политическим чутьем, а задетым самолюбием, что не прошел кандидат Ейского отдела, генерал Кияшко...

Многое стало известно только позже и даже только за границей, при чем в виду упорного молчания тогдашних руководителей политической жизни Кубани (в 1917—1920 г. г.), многое остается неизвестным и до сих пор...

После боя 11 марта кубанские войска продвинулись в ст. Калужскую и там остановились. Войска Корнилова заняли аул Шенджий, верстах в 15 от Калужской. 14-го марта, произведенный в генералы Покровский, в качестве командующего Кубанской армией, и начальник его штаба, полковник Науменко, направились в Шенджий на свидание с командованием Доброармии, с целью обсуждения вопроса о дальнейших действиях встретившихся войск. При всех, теперь только известных, условиях совершенно естественным было требование, выставленное добровольческими генералами, о полном подчинении Кубанской армии генералу Корнилову. Генерал Эрдели, вместе с Покровским и Филимоновым, блестяще выполнил задание добровольческих генералов: „подготовить почву для включения Кубанского отряда в состав Добровольческой армии“ (Деникин, т. II, стр. 269). Русские деятели разыгрывали только последний акт. Это свидание генерал Деникин описывает так:

> „В комнату Корнилова, где, кроме хозяина, собрались генералы Алексеев, Эрдели, Романовский и я, вошел молодой человек (Покровский) в черкесске с генеральскими погонами... повидимому несколько смущенный своим новым чином, аудиторией и предстоящим разговором. Он произнес краткое приветствие от имени кубанской власти и отряда, Корнилов ответил просто и

сдержано. Познакомились с составом и состоянием отряда, его деятельностью и перешли к самому вопросу о соединении. Корнилов поставил его с исчерпывающей ясностью: полное подчинение командующему и влитие кубанских войск в состав Добровольческой армии. Покровский скромно, но настойчиво оппонировал: кубанские власти желают иметь свою собственную армию, что соответствует „конституции края"; кубанские добровольцы сроднились со своими частями, привыкли к своим начальникам, и всякие перемены могут вызвать брожение в войсках. Он предлагал сохранение самостоятельного „кубанского отряда" и оперативное подчинение его генералу Корнилову.

Алексеев вспылил.

— Полно-те, полковник — извините, не знаю, как вас и величать. Войска тут не при чем — мы знаем хорошо, как относятся они к этому вопросу. Просто вам не хочется поступиться своим самолюбием.

Корнилов сказал внушительно и резко:

— Одна армия и один командующий. Иного положения я не допускаю. Так и передайте своему правительству" (Деникин, т. II, стр. 273).

По поводу результатов этого свидания быв. Кубанский атаман Филимонов сообщает следующее:

„Решено было оставить суждение об этих вопросах (соединении армий) до встречи с представителями Кубани, а пока Покровский поступал в распоряжение Корнилова с сохранением функций командующего армией" („Белое Дело", т. II, ст. Филимонова).

Так состоялось фактическое подчинение Кубанских вооруженных сил группе русских генералов благодаря работе кубанских полковников — Филимонова, Науменко и других. Русские генералы тогда еще не чувствовали себя настолько сильными, чтобы немедленно ра-

зогнать Кубанскую Законодательную Раду и Правительство. Филимонов, конечно, радостно шел бы и на это, если бы только разгон совершился не его непосредственным распоряжением. Об отношении Филимонова к Раде и Правительству в начале 1918 г. ген. Деникин говорит следующее:

„Атаман Филимонов то клялся в конституционной верности, то поносил Раду и Правительство в дружеских беседах с Эрдели и Покровским“ (Деникин, т. II, стр. 269).

17 марта 1918 года в станице Ново-Дмитриевской между представителями Кубани и Добровольческой армии было подписано следующее соглашение:

„Протокол совещания
17 марта 1918 года, в станице
Ново-Дмитриевской.

На совещании присутствовали:

Командующий Добровольческой Армией, генерал от инфантерии Корнилов; генерал от инфантерии Алексеев; помощник Командующего Добровольческой Армией, генерал-лейтенант Деникин; ген. Романовский; генерал от инфантерии Эрдели; генерал-лейтенант Гулыга; Войсковой Атаман Кубанского казачьего Войска, полковник А. П. Филимонов; председатель Кубанской Законодательной Рады, Н. С. Рябовол; товарищ председателя Кубанской Законодательной Рады, Султан-Шахим-Гирей; председатель Кубанского Краевого Правительства, Л. Л. Быч; генерал-майор Покровский:

Постановили:

1. В виду прибытия Добровольческой армии в Кубанскую область и осуществления ею тех же задач, которые поставлены кубанскому правительственному отряду, для об'единения всех сил и средств признается необходимым переход кубанского правительственного отряда в полное подчинение генералу Корнилову, которому пре-

доставляется право реорганизовать отряд, как это будет признано необходимым.

2. Законодательная Рада, Войсковое Правительство и Кубанский Атаман продолжают свою деятельность, всемерно содействуя военным мероприятиям командующего армией.

3. Командующий войсками Кубанского Края с его начальником штаба отзываются в состав Правительства для дальнейшего формирования постоянной Кубанской армии.

Подлинное подписали: генерал Корнилов, генерал Алексеев, генерал Деникин, Войсковой Атаман полковник Филимонов, генерал Эрдели, генерал-майор Романовский, генерал-майор Покровский, председатель Кубанского Правительства Быч, председатель Кубанской Законодательной Рады Н. Рябовол, товарищ председателя Законодательной Рады Султан Шахим-Гирей".

Выработка и подписание этого соглашения между группой русских генералов и представителями выборной кубанской власти происходили под беспрерывный гул орудий и клекот пулеметов, так как в это время велся горячий бой с наступающими весьма упорно на станицу Ново-Дмитриевскую большевицкими войсками. Пули барабанили о крышу дома, где сидели договаривающиеся и, наконец, большевики ворвались в станицу, но потом были выбиты из станицы и отступили. И состав совещания, и самый текст протокола-соглашения, полного неясностей и противоречий, и условия, при которых все это происходило, являются весьма и весьма характерными, как для русского единонеделимческого, так и для кубанского освободительного движения.

В Ново-Дмитриевскую пришла русская сила, ища лучших условий для достижения своих единонеделимческих, противобольшевицких целей, эту силу увеличивали силы кубанских единонеделимцев — Филимоновых, Науменок, Гулыг и т. д.; сюда же принуждена была уйти из Екатеринодара и Кубанская Зак. Рада и Правитель-

ство, ослабляемые не только политикой Филимоновых, но и обыкновенными русскими людьми, которые, хотя и в меньшинстве, входили в состав Рады и Правительства; кубанское самостийническое течение не смогло и не сумело организовать военную опору для достижения своих целей: вольно-казачье движение, возглавляемое Кондратом Бардижем, рассыпалось и сам Бардиж, оторвавшись добровольно от кубанского правительственного центра и уйдя с сыновьями в горы, был пойман большевиками и убит в Туапсе; набор чисто украинского отряда „Сичи" дал слабые результаты — в поход ушло около 100 человек; кубанские войсковые части старого состава не поддержали правительства и были распущены или сами разошлись по домам; распоряжение Куб. Правительства о присылке в Екатеринодар всего по 5-ти казаков от каждой тысячи казачьего населения тоже не увенчалось успехом (нам известно, что только станица Незамаевская прислала в Уманскую 11 февраля своих 50 человек; об исполнении этого приказа другими станицами нам ничего не известно). В результате всего этого Кубань была залита волною большевизма и в день заключения договора, 17 марта 1918 года большевицкие войска, тоже руководимые русскими единонеделимцами, громили и русский противобольшевицкий центр — добровольческих генералов, и кубанский центр — Правительство и Раду. Среди наступающих на станицу большевиков были и казаки соседних станиц...

Таким образом, слабые силы кубанского освободительного движения оказались между двух огней: с одной стороны, русские красные силы, поддерживаемые и кубанскими красными силами, с другой стороны, русские белые силы, поддерживаемые кубанскими белыми единонеделимцами. Рядовое кубанское казачество добровольно присоединялось тогда к Корнилову и увеличивало его силы, присоединялось оно, как мы видели, и к большевикам. Из кубанских казаков вышло не мало организаторов большевицких сил,

среди этих казаков весьма видное место занимает казак станицы Елизаветинской Полуян, бывший потом даже секретарем Центр. Исполнительного Комитета Российской Федеративной Республики. Весьма видное место среди большевиков занимал кубанский казак Сорокин, бывший членом Общеказачьего фронтового С'езда в Киеве, кажется даже членом Куб. Рады, а потом главнокомандующим большевицкими вооруженными силами на Кубани и на Северном Кавказе во время всеобщего восстания кубанских казаков против московской большевицкой власти и боев за освобождение Кубани во второй половине 1918 года... В то время, как кубанским белым единонеделимцам помогали активно общерусские единонеделимцы, а кубанским красным единонеделимцам помогали общерусские красные единонеделимцы, кубанские самостийники не встретили серьезной поддержки со стороны самостийников других народов. Власть Украины принуждена была уйти из Киева в Житомир с 2-3-х тысячным отрядом и возвратилась в Киев только при помощи немецких войск. На Украине и в Казачьих Землях в первый период борьбы свои национальные силы оказались настолько слабыми, что большевицкая Россия сравнительно легко их побеждала, выгоняя Правительства вновь созданных республик из Киева, Новочеркасска и Екатеринодара. Общие причины (отсутствие национального самосознания в населении, отсутствие вождей) порождали общие следствия (победу красной России).

Об'единенные Кубано-Добровольческие войска были разделены на 3 бригады: 1-ая генерала Маркова, 2-ая генерала Богаевского (будущего Донского Атамана) и конная — генерала Эрдели. В ближайшие дни они разбили большевицкие заслоны у станиц Смоленской, Северской и Афипской и у станицы Елизаветинской (в 24-х верстах к западу от Екатеринодара) переправились на правый, высокий, берег Кубани и повели энергичное наступление на Екатеринодар.

Мобилизация казаков, об'явленная Кубанским пра-

вительством в станице Елизаветинской, прошла блестяще и новые сотни кубанцев пополнили ряды бойцов. Об'явлена была также мобилизация в станицах Марьянской и Ново-Мышастовской.

Как известно, четырехдневные весьма упорные и тяжелые бои под Екатеринодаром окончились смертью Корнилова и отступлением противобольшевицких сил от столицы Кубани. Со стороны наступающих были проявлены чудеса храбрости и самопожертвования, а со стороны большевиков — уменье оказывать успешное сопротивление наступающему дисциплинированному противнику. Нужно признать, что исход жестокого боя в значительной мере определился отсутствием запасов снарядов и патронов у наступающих на Екатеринодар.

Во время известного отступления от Екатеринодара Кубанский Атаман Филимонов, Председатель Правительства Быч и председатель Рады Рябовол выступали на станичных сходах больших станиц с горячими призывами к борьбе за свободу и независимость Кубанского Края; тут же об'являлись мобилизации казаков. Этим путем пополнялись ряды армии. Кроме того, Кубанское Правительство приняло на себя оплату квитанций за реквизированных лошадей и снаряжение для армии и выдало генералу Алексееву один миллион рублей. Вообще говоря, Кубанское Правительство выполняло принятое на себя обязательство поддержки армии, предполагая, очевидно, что и руководители последней тоже выполнят взятые на себя обязательства, тем более, что они сами, как мы видели, еще на Дону торжественно заявили, что будут идти в союзе с народами России и Добровольческая армия до последней капли крови будет защищать самостоятельность Областей...

В станице Успенской были получены сведения о боях под Армавиром между большевиками и храбрыми казаками станицы Прочноокопской, о бывшем недавно восстании казаков ст. Кавказской, подавленном большевиками, и о начавшемся движении на Дону. Наконец,

в ст. Успенскую прибыл целый отряд от казаков восставших донских станиц. Руководствуясь полученными от этого отряда сведениями, Кубано-Добровольческие силы направились на Дон, куда и прибыли 20 апреля 1918 года.

Май—декабрь 1918 г.

Немедленно по прибытии на Дон Кубанское Правительство послало к Донскому командованию члена Правительства А. А. Намитока и члена Рады П. Макаренко для установления связи и получения необходимых информаций. После возвращения их из командировки, Кубанское Правительство и Законадательная Рада устроили несколько совещаний для выяснения общей обстановки и для установления плана дальнейшей деятельности в целях скорейшего освобождения Кубани от большевицкой власти, возрождения и укрепления кубанской государственности.

К этому времени вся территория Украины и часть территории Дона были заняты немецкими и австрийскими войсками. На Дону немцы занимали Таганрог, Ростов и Батайск.

Восставшие Донские казаки освободили от большевиков часть своей территории с г. Новочеркасском — столицею Дона. Все же большая часть Дона, весь Северный Кавказ (Кубань, Ставропольская и Черноморская губ. и Терек), Поволжье, Туркестан, Сибирь и вся Великороссия находились под властью большевиков.

Кубанская Законодательная Рада, обсудив в своем заседании 2 (15) мая 1918 года политическое и военное положение Кубанского Края, как его представило ей Куб. Правительство, вынесла следующее постановление:

„Кубанская Законодательная Рада находит:

1. что первейшей и основной задачей Кубанского Правительства должно по прежнему являться очищение Кубанского Края от большевицких банд и прочих анархических элементов и восстановление на ее территории твердого государст-

венного порядка. Для достижения этой цели необходимо продолжение героической деятельности Добровольческой Армии, действующей в полном согласии с Кубанским Правительством. Принимая во внимание то обстоятельство, что восстановление и оздоровление государства Российского невозможно без предварительного установления порядка на юге, Рада выражает пожелание, чтобы Добровольческая Армия, совместно с кубанскими войсками, в первую очередь, приступила к освобождению от советской власти Кубанского Края.

2. По вопросу об отношении к Австро-Венгрии и Германии, в связи с занятием Ростова на Дону германскими войсками, Рада считает, что в настоящее время вооруженная борьба с центральными державами представляется нецелесообразной, но, вместе с тем, находит, что во имя свободы и независимости Кубанского Края необходимо принять меры для предотвращения возможного продвижения Германской Армии в пределы краевой территории без согласия на то Кубанского Правительства.

3. Для успешной борьбы с анархией и установления общих отношений с Украиной и Германией необходимо полное единение Кубанского Края с Доном и другими южными областями.

4. Для заключения союзных отношений с Доном, выяснения целей германского движения и определения отношений с Украиной — Рада находит необходимым отправить в Новочеркасск, Ростов на Дону и Киев делегации, снабдив их соответствующими полномочиями".

Из этого постановления Куб. Законодательной Рады ясно видно стремление Кубани к независимому государственному существованию. Несмотря на то, что тогда вся территория Кубани находилась под властью большевиков, владевших огромной территорией 4/5

бывшей Российской Империи, несмотря на то, что продвижение на Кубань войск могущественной тогда Германии сразу освободило бы родной Край от большевицкой власти, Куб. Зак. Рада не пригласила немецкие войска для освобождения Кубани; Рада думала не только об освобождении Кубани, но и о создании таких условий, которые бы навсегда обеспечили бы свободу и независимость Кубанского Края, она думала „о полном единении Кубани с Доном и другими южными областями“.

Добровольческая армия рассматривалась, естественно, только как союзная военная сила, которая должна действовать в полном согласии с Кубанским правительством.

Немедленно Кубанским правительством и Радой были посланы три делегации: 1) к Донскому Атаману и Правительству, 2) к немцам в Ростов и 3) к Гетману Украины в Киев. В состав последней делегации входили следующие лица: председатель Рады, Н. С. Рябовол, товарищ председателя Султан-Шахим-Гирей и члены Рады: К. А. Бескровный, Г. В. Омельченко, Д. Е. Скобцов и П. М. Каплин.

Делегации, посланной к немцам, германское командование ответило, что „оно признает суверенитет (государственную независимость) Кубанского Края и что никакой „оккупации“ Кубани делать не предполагает и хочет вступить в добрые отношения с ее населением“.

Кубанская делегация на Дону заключила с Всевеликим Войском Донским следующее соглашение:

> „9 и 24 мая 1918 г. состоялось под председательством Войскового Атамана Всевеликого Войска Донского, генерал-майора Краснова, соединенное заседание Правительства Войска Донского и полномочной делегации Правительства и Законодательной Рады Кубанского Края.
>
> Обсудив создавшееся положение в связи с полным развалом Государства Российского и небывалой хозяйственной и экономической разру-

хой, вызванной хозяйничанием в стране анархо-большевицких элементов, а также принимая во внимание появление на территории Дона германо-австрийских войск и ставя своей задачей в ближайшее время восстановить на территориях Дона и Кубани твердый государственный порядок для обеспечения на будущее время политической и экономической свободы и независимости народов, неселяющих Донскую и Кубанскую Области, Правительство Всевеликого Войска Донского и полномочная делегация Правительства и Законодательной Рады Кубанского Края пришли к следующему соглашению:

1. Правительства Дона и Кубани признают полную внутренюю автономность каждой из договаривающихся сторон;

2. Правительства Дона и Кубани признают существующую в настоящее время между этими землями границу, а при переговорах с соседними государственными образованиями обязуются оказывать взаимную поддержку в вопросах, касающихся включения в состав территорий договаривающихся сторон городов, земель, присоединение которых являлось бы безусловно необходимым по соображениям экономическим или военно-стратегическим;

3. Правительства Дона и Кубани признают, что в настоящее время основной задачей этих Правительств является борьба с большевизмом и анархией во всех ее проявлениях на территориях Кубани и Дона, а в дальнейшем в пределах всего Северного Кавказа, причем в этой борьбе Правительства Дона и Кубани обязуются оказывать друг другу самую действительную и возможно полную поддержку всеми силами и средствами;

4. Для скорейшего и планомерного осуществления наложенной в пункте 3 задачи, Прави-

тельства договаривающихся Войск учреждают совместные советы, которым предоставляется разработка плана борьбы с большевизмом и анархией на территории Дона, Кубани и смежных с ними областей и губерний, а также общее руководство военными операциями в смысле определения общих и даже частных заданий для отдельных армий, во внутренние распорядки коих совет не вмешивается;

5. Дабы ныне разрозненные части России смогли являть собою более могучую политическую силу и в виду невыясненности политического положения в центральных и северных частях бывшего Государства Российского, Правительства Дона и Кубани считают, что ближайшей задачей необходимо признать также создание на юге России прочного государственного образования на федеративных началах, в состав коего должны войти Дон и Кубань, как полноправные члены федерации".

Соглашение это подписали:

Атаман Всевеликого Войска Донского генерал-майор Краснов.

Атаман Кубанского Войска А. Филимонов.

Председатель Совета Управляющих отделами Правительства Всевеликого Войска Донского генерал-майор Богаевский.

Председатель Кубанского Краевого Правительства Быч.

Это соглашение, подписанное полномочными представителями обоих государств, ясно говорит о той высокой цели, которую преследовали оба правительства: восстановление на территориях Дона и Кубани твердого государственного порядка для обеспечения на будущие времена политической и экономической свободы и независимости народов, населяющих Донскую и Кубанскую Области. Особое место занимает п. 5 соглашения, говорящий о необходимости создания прочного

государственного образования на федеративных началах. Совершенно также естественным было установление общих органов для разработки планов борьбы с большевизмом и для руководства военными операциями. Этим договором ясно определялись общие задачи для Дона и Кубани и путь их достижения.

Но разве этого хотело командование Добровольческой армии? Разве укрепление самостоятельности Дона и Кубани и их тесное, основанное на договорах, союзное сотрудничество входило в ее цели? Разве, намеченная еще на Кубани решениями народных представителей и возобновленная Кубанской Законодательной Радой по приходе на Дон, политика могла удовлетворить русских и кубанских противников идеи истинного народоправства и стремления Казачества к самостоятельности? Конечно, нет! И они немедленно начали свой организованный поход против намеченного плана государственного строительства. Многие причины заставляли единонеделимцев торопиться.

Донские казаки почти поголовно восстали против большевицкой власти. Уже Круг Спасения Дона, 4-го мая 1918 г., утвердил „Основные Законы Всевеликого Войска Донского", принял донской флаг, герб и гимн, донские войска успешно дрались с большевиками и очищали родную территорию. Дон налаживал государственные отношения с Украиной, находился в деловых отношениях с иностранной силой, не по воле Дона появившейся на донской территории, — с немцами.

С Кубани поступали достоверные сведения о повсеместных восстаниях казаков. Иногда эти восстания принимали широкие размеры. Так, например, в районе города Ейска подняли восстание сразу 11 станиц, восстала станица Уманская, вспыхнули восстания в Кавказском, Лабинском и Таманском отделах. Восставшие станицы Таманского полуострова, освободившись от большевицкой власти при помощи немцев, прислали своих представителей к Кубанскому Правительству, а их начальник штаба, полковник Бедаков, прибыл в Но-

вочеркасск. И хотя восстания на Кубани жестоко подавлялись советской властью, но они свидетельствовали о том, что у кубанских казаков окончательно прошел период примиренческого настроения и что казаки вступали в решительную борьбу с захватчиками власти. Достаточно было, чтобы общепризнанный организационный центр взял в свои руки руководство этим народным движением, обеспечил снабжение оружием восстающих казаков и успех освобождения Кубани был вполне обеспечен, тем более, что Кубань со стороны большевицкого московского центра была прикрыта восставшим Доном. Успешное освобождение Дона, производимое силами донских казаков, было ярким и убедительным примером для кубанских казаков.

Кубанское Правительство уже вступило в соглашение с Доном. Посланная в Киев Кубанская делегация встретила со стороны Правительства Украины самый радушный, самый сердечный прием. Потомки славного Запорожья снова встретились с Гетманом Украины в старославном Киеве, старая Тмутаракань прислала послов в столицу Украины!

Кубанцы просили: дать оружие для борьбы с новыми оккупантами и при переговорах Правительства Украины с Советской Россией не признавать за московским правительством права на владение Кубанью.

Правительство Украины распорядилось о немедленном отпуске вооружения для Кубани, а также согласилось при переговорах с большевиками настаивать на невключении Кубани в состав советского государства. И с немецким командованием наметились деловые отношения: Кубань хотела, чтобы немцы не препятствовали провозить оружие с Украины, а немцы нуждались в кубанском хлебе.

Таким образом, повсеместные восстания казаков на Кубани, установившиеся союзные отношения с Доном, дружественные отношения с Правительством Украины и деловые отношения с немецким командованием в полной мере обеспечивали для Кубанского Правитель-

ства успех в подготовляемом освобождении Кубани. Проведение же в жизнь п. 4 соглашения Кубани с Доном, говорящего об учреждении совместных для Дона и Кубани военных советов для разработки плана борьбы с большевизмом и для общего руководства военными операциями, сразу привело бы к успешным действиям союзных армий Дона и Кубани.

Решительное и скорое использование всех благоприятных для дела освобождения условий и обстоятельств лежало на обязанности не только Кубанского Правительства, но, естественно, и на обязанности Кубанского Войскового Атамана Филимонова, а также на всех сынах Кубани и, в первую очередь, на Кубанских офицерах и казаках, собранных в кубанском отряде на Дону.

Конституция Кубани, принятая Атаманом присяга, заключенное с Доном и подписанное Атаманом Филимоновым соглашение, страдания Кубани под большевиками, стоны, доносящиеся оттуда, должны были принудить Атамана или, не промедляя ни одного дня, взяться за работу, или уйти со своего поста и не мешать другим делать то дело, о котором так много говорилось на Раде и в станицах Кубани.

Однако, ясно для каждого, что осуществление намеченного реального плана борьбы с большевиками отводило для добровольческого командования и для собранных им русских добровольцев ту скромную роль, которая в действительности им принадлежала — при добром желании это командование могло быть союзником донского и кубанского правительств, ведущих на своих территориях борьбу с большевизмом, или со своими русскими добровольцами могло выйти на север от освобожденного Дона или на северо-восток, за Волгу, для борьбы с русским большевизмом. Само собою разумеется, что ни Правительство Дона, ни Правительство Кубани не отказали бы добровольцам в помощи оружием и в наборе добровольцев среди русских людей, бежавших из России в Казачьи Земли.

Донской Атаман Краснов, немедленно после своего избрания, издал приказ о том, чтобы все донские казаки были из'яты из рядов Добровольческой Армии, прибывшей на Дон. Донцы исполнили распоряжение своего Атамана. По этому поводу Деникин пишет, что уход донцов

> „Расстроил сильно некоторые наши (добровольческие) части, особенно партизанский и конный полки. Мне пришлось поблагодарить донцов и отпустить их, чтобы не обострять положения и не создавать картины развала... В краткий период кризиса (май месяц 1918 г.), пережитого Добровольческой армией, отдельные лица, иногда небольшие части, дезертировали из армии на службу на Дон, встречая там радушный прием“ (Деникин, т. II, стр. 272—273).

При личном свидании Атамана Краснова с Деникиным, 15 мая 1918 г., Донской Атаман самым категорическим образом настаивал на продвижении добровольцев на север. Деникин уже заграницей признает, что уход только одних донцов из рядов добровольцев „расстроил сильно некоторые наши части, особенно партизанский и конный полки“, не менее $^2/_3$ остальных войск, именуемых Добровольческой армией, составляли кубанские казаки. Деникину просто не с чем было идти на север. Если бы Кубанский Атаман сделал бы такое же распоряжение, какое в мае месяце 1918 г. сделал Донской Атаман относительно донцов, находившихся в Добр. армии, Кубано-Добровольческий вопрос был бы безболезненно разрешен раз и навсегда. Те несколько тысяч кубанцев, собравшихся тогда на Дону, скоро выросли бы в сильную Кубанскую армию, которая вооружаясь за счет большевиков и за счет оружия, привозимого с Украины, освободила бы Родной Край и помогла бы освободиться терцам, а Кубанская и Терская армии помогли бы Дону (и себе) в борьбе с большевиками, наступающими с севера.

Что же делали в это время русские и кубанские

единонеделимцы? Ген. Деникин поручил ген. Покровскому организацию полков из казаков восточных станиц Ейского отдела, находящихся близко расположения Добровольческой армии. Роль Покровского на Кубани в первый период борьбы нами была уже выяснена. После об'единения кубанских и добровольческих войск в один отряд, Законодательная Рада не один раз настаивала на отрешении Покровского от должности командующего Кубанской армией. Теперь, назначение Покровского на роль организатора станиц Ейского отдела ясно указывало на то, что Деникин и Филимонов упорно продолжали вести старую политику втягивания кубанцев в русские единонеделимческие сети.

Атаман Филимонов принужден был подписать в Новочеркасске вышеприведенный договор Кубани с Доном. Это он сделал для того, чтобы не показать открыто своих действительных намерений — служения русским генералам.

Что сделал Атаман Филимонов для проведения в жизнь подписанного и им договора с Доном? Ни в его деятельности во время пребывания Кубанцев на Дону ни позже мы не находим ни малейших указаний на то, чтобы Атаман Филимонов сделал что-либо для осуществления этого договора. Таким образом, он обманывал донцов, обманывал Кубанское Правительство и Раду и предавал дело освобождения угнетенного большевиками родного Войска. Больше того, в деятельности Кубанского Атамана после подписания договора с Доном мы видим шаги, направленные к полной ликвидации всей большой работы, проделанной Кубанским Правительством и Законодательной Радой.

24 мая 1918 г. Филимонов, как глава Кубанского казачьего Войска, подписал договор с Доном, 26 мая, вместе с председателем Кубанского Правительства Л. Л. Бычем подписал назначение члена Рады П. Л. Макаренко представителем Кубани на Дону, а 30 того же мая месяца, возвратившись в место расположения Кубанских войск, собрал в ст. Мечетинской кубанских

офицеров и выступил перед ними с самыми недобросовестными и клеветническими обвинениями по адресу Кубанского Правительства и Законодательной Рады, призывая кубанское офицерство помочь ему „расправиться“ с этими органами власти. Со стороны незначительной части собравшихся офицеров раздались открытые угрозы в адрес Правительства и Рады: „Давно бы их нужно перебить, переколоть“ и т. д. Однако, среди большинства офицеров предательские призывы Филимонова поддержки не встретили.

Выступление кубанских и добровольческих офицеров против Рады и Правительства, без сомнения, дало бы повод рядовому казачеству, в глубине души ненавидящему „картузников“, оружием очистить чрезвычайно тяжелую политическую атмосферу. Деникин и Филимонов не осмелились тогда попробовать осуществить задуманный план ликвидации неугодного Кубанского Правительства и Рады. Об этом пишет генерал Деникин в III томе своих „Очерков Русской Смуты“ следующее:

> „В ту же ночь (с 30 на 31) я послал письмо полковнику Филимонову, предложив ему не осложнять и без того серьезный кризис Добровольческой армии... Впоследствии полковник Филимонов в кругу лиц, враждебных революционной демократии, не раз говорил: я хотел еще в Мечетке покончить с Правительством и Радой, да Деникин не позволил.“

Мы уже видели, какую преступную роль сыграл Атаман Филимонов в первый период борьбы на Кубани, поставив во главе кубанских войск капитана Покровского. Во время Кубанского похода Филимонов не удовлетворил требование Зак. Рады об отрешении Покровского от должности командующего уже несуществующей Кубанской армии.

Если вспомнить, как униженно и раболепно Атаман Филимонов благодарил 11 марта полусонного, полупьяного Покровского, которого ненавидело большинство

кубанского офицерства, и сравнить смелость и дерзость того же Филимонова, проявленные им в открытых призывах кубанских офицеров расправиться с Правительством и Радой, можно себе представить всю бездну моральной низости и подлости, до которых доходил первый выборный Атаман Кубани, проводя в жизнь желания русских генералов.

Само собою разумеется, что ни о каком перевороте в то время не могло быть и речи. Всякая попытка вооруженного нападения на членов правительства и Рады со стороны Филимонова-Покровского была бы подавлена кубанскими казаками в корне. Хорошо это знали и Деникин и Филимонов. Но им нужно было внести рознь и борьбу в самую кубанскую среду, им нужно было среди кубанского офицерства и рядового казачества посеять недоверие к Кубанской Раде и Правительству, которые приступили к осуществлению большого и реального плана освобождения Кубани и создания из Казачьих Войск самостоятельного государства, построенного на федеративных началах.

Всю свою энергию Филимонов направил на удержание кубанских казаков в руках русских генералов. Филимонов не был одинок, ему усиленно помогали и некоторые старшие кубанские офицеры, такие, как полковник Науменко, полковник Чумаченко, генерал Звягинцев и другие, усматривавшие в работе Правительства и Рады большое препятствие к построению единой и неделимой России.

Как в первый период борьбы на Кубани, так и во второй ее период, к глубокому сожалению, среди кубанских офицеров было еще много тех, кто поддерживал явно предательскую политику Филимонова, направленную к тому, чтобы огромную военную силу кубанского казачества передать в руки единонеделимческих русских генералов, втянуть Кубань в борьбу между красной и белой Россией...

Политический, хозяйственный и социальный режим, вводимый на Кубани Радой, не только не соответство-

вал взглядам некоторого кубанского офицерства, но прямо нарушал его интересы, так как эти офицеры не хотели поступиться ни своей землей, ни своей „карьерой“. Эти офицеры не только не хотели сражаться за кубанскую самостоятельную государственную жизнь, а в возрождении, в восстановлении единой, неделимой и монархической России видели защиту своих прав, как хозяйственных, так и экономических...

Иначе было на Дону. Донское казачество восстало против большевиков и организовало свою самостоятельную Донскую армию, весьма успешно бившую большевиков, под руководством своих донских офицеров и генералов. Донской атаман Краснов никогда не хвалился своим демократизмом или защитой революционеров, как это делал Филимонов, но Атаман Краснов сумел стать во главе Донской Республики и строить ее самостоятельность. Опираясь на донские силы, он указывал Добровольческой армии ее надлежащее место. Мы далеки от мысли защищать и обелять Краснова в содеянных им ошибках, мы можем теперь выразить только сожаление, что ген. Краснов сошел с того пути, на котором он (как позже оказалось, неискренно) стоял в 1918 году. Добровольческое командование оказалось, однако, „дальновидным“: оно подсунуло донцам донского Филимонова — генерала Богаевского, занявшего при Атамане Краснове пост председателя Донского Правительства. Богаевский являлся главным осведомителем Добровольческой армии о всех начинаниях Дона, а позже Богаевский стал Донским Атаманом и стал делать на Дону то, что на Кубани делал Филимонов...

В начале мая 1918 г. Донское командование уже имело 17 тысяч бойцов при 21 орудии и 58 пулеметах, а в июне донцы имели под ружьем до 40.000 бойцов при 57 орудиях и 179 пулеметах; в июле было уже сорганизовано 50.000 бойцов при 92 орудиях и 272 пулеметах.

Эта огромная донская казачья сила разгромила более 70 тысяч действовавших на Дону большевицких

войск при 200 орудиях и 400 пулеметах. Если бы в это время Кубанский Атаман не ползал у ног русских генералов, а взялся за организацию Кубанской армии, если бы из рядов кубанских офицеров, бывших на Дону, выделилась группа кубанских патриотов, мечтавших не о России, а о свободной Кубани, то восстающая масса кубанского казачества быстро превратилась бы в стройные боевые полки, сметающие перед собой красных московских пришельцев...

Об'единение донцов, кубанцев и терцев к осени 1918 г. дало бы прекрасную армию, а прибывшие потом в Казачьи Земли союзники нашли бы тут не Добровольческую русскую армию, какой она, по сути не была, а нашли бы тут Казачью армию, борющуюся за свои Земли и свою свободу...

Если фины, эстонцы, латыши, литовцы и другие народы отстояли свои земли и теперь большевики на землях этих народов не могут производить свои кровавые эксперименты, то с тем большим успехом это могли бы сделать казаки, если бы они не связались с русским добровольческим движением. Большой грех лежит на всех казаках, которые отдали казачьи силы в распоряжение русских генералов.

Сам Деникин признает:

„что красная армия строилась исключительно умом и опытом „старых царских генералов". Участие в этой работе комиссаров Троцкого и Подвойского, товарищей Абрамова, Антонова, Сталина и многих других было в начале чисто фиктивным, они играли лишь роль надзирателей.

Одни (русские генералы) дали разум, другие (русские коммунисты) внесли волю.

Все органы Центрального Военного Управления возглавлялись генералами-специалистами — особенно хорошо был представлен Генеральный Штаб — работавшими под неослабленным надзором коммунистов.

Почти все фронты и большинство красных армий имели во главе старших начальников старой армии (Северный фронт против Архангельска — генерал Парский, Восточный — на Волге — полковник Каменев, Южный — против Дона — генерал Сытин и т. д.) (Деникин, т. III, стр. 144)".

Таким образом, на завоевание восставших против сов. России народов и земель русский народ вели старые русские генералы! И надо раз и навсегда отбросить сказку о том, что Дон, Кубань, Терек, Украину, Кавказ и т. д. завоевали разбойники-коммунисты, а не русский народ. Следует вспомнить и момент наступления России против Польши в 1920 г., когда на призыв знаменитого русского генерала Брусилова „из подполья вылезло 100 тысяч русских офицеров" и стало в ряды русской, называемой ныне красной армии, шедшей войною „на Варшаву". И эти русские генералы и множество русских рядовых офицеров не постеснялись стать в ряды большевиков, лишь бы помогать им, русским большевикам, строить великую неделимую Россию!

Русские красные генералы отличаются от русских белых генералов только выбором пути, по которому они шли и идут к одной цели — единой и неделимой России. Одни генералы (большинство) пошли с большевиками, а другие (меньшинство) избрали путь „Белого движения". Одни поют Интернационал, бьют и расстреливают врагов единой неделимой Красной России, другие — поют „Боже, Царя храни!" или „Коль славен"... и... тоже били и расстреливали стремившихся к освобождению от той или иной единой-неделимой.

Отсюда становятся понятными и те бедствия, в которые поверг Кубань Атаман Филимонов, назначив Покровского командующим кубанскими войсками; отсюда понятно молчаливое сотрудничество с ним полковника Науменка и других кубанских офицеров; понятна и ненависть некоторых генералов к Раде. Филимонов унижался и подличал перед Покровским, ибо Покровский представлял на Кубани интересы русских генералов.

Филимонов дерзко и предательски нападал на Раду и Правительство, ибо они явно мешали осуществлению единонеделимческих намерений. Филимонов не слушался воли народной Рады, от которой получил власть, но в то же время слушался простой записки Деникина. Филимовов публично, перед Войсковым собором, перед крестом и евангелием, перед казачьими Войсковыми знаменами, перед всей Радой, перед кубанскими войсками клялся, что будет защищать установления, достоинство и честь Кубани, а потом в кругу своих не раз говорил: „Я еще в Мечетке хотел покончить с Правительством и Радой". Подхалимство, низкопоклонство и услужение перед русскими „неделимцами" и сознательное и низкое предательство интересов Кубани, имевшей несчастье вручить ему атаманскую булаву...

Таким образом, в самой Кубанской среде создалось невыносимое и гибельное для дела освобождения Казачества положение: Филимонов открыто выступал против Рады и Правительства, а последние, видя предательскую роль Филимонова, не отважились пойти на решительные действия для отстранения этого предателя Кубани. Почему? Филимонов был избран в Атаманы Кубани на Войсковой Раде осенью 1917 г., на той же Раде была избрана и Законодательная Рада. Потом перевыборы Зак. Рады были произведены на совместных заседаниях Войсковой Рады и С'езда иногородних Кубани в декабре месяце того же года, но в том же месяце Филимонов поставил вопрос о доверии и такое доверие ему было дано Радой. Законодательная Рада не имела права устранить законным порядком выбранного Войсковой Радой Атамана; она могла бы это сделать только путем нарушения Конституции Кубани, путем переворота. На этот путь Законодательная Рада не стала, может быть потому, что часть членов Рады безусловно поддерживала политику Атамана Филимонова. В самом Кубанском Правительстве были горячие и решительные сторонники политики Филимонова, ибо они боялись,

чтобы Кубань не попала под власть самостийников. Этой группой сторонников Филимонова руководили члены Куб. Правительства Ф. С. Сушков и Д. Е. Скобцов и члены Рады: сотник Филимонов, П. Каплин и другие. Атаман Филимонов не делал ни одного серьезного шага, не посоветывавшись с ними, и, наоборот, члены этой группы свои выступления в Раде и Правительстве согласовывали со взглядами Филимонова.

Кроме того, в самой Раде и в Правительстве были и нейтральные люди.

Вследствие такой ситуации, переворот могли провести или „русские казаки“ во главе с Филимоновым, опираясь на добровольческое командование и часть кубанских офицеров, ненавидевших Раду, или большинство Рады и часть Правительства, опираясь на казаков и близких им офицеров. Филимонов, как мы видели, пробовал устроить переворот 30 мая 1918 г., но струсил довести дело до конца.

Необходимо отметить, что действительно самостийническая часть Законодательной Рады, находившаяся при войсках, была чрезвычайно ослаблена от'ездом делегации на Украину и на Дон. (Председатель Правительства Л. Л. Быч тоже находился на Дону в мае и июне месяцах).

Необходимо отметить, что возможное устранение Филимонова сопровождалось бы безусловным и полным разрывом с Добровольческой армией. Это хорошо понимали и в армии. Поэтому насильственное удаление Филимонова и его группы безусловно привело бы к столкновению между добровольческими войсками и кубанскими казаками, ставшими бы на сторону кубанских самостийников. Это столкновение произошло бы на донской территории в непосредственной близости сильных большевицких отрядов, сосредоточенных на фронте Батайск - Кущовская и делавших непрерывные усилия для ликвидации Кубано-Добровольческого отряда.

И для кубанцев, защищавших самостоятельность Кубани, и для кубанцев, боровшихся за Россию и всеми мерами поддерживавших добровольческое командование, создалось тяжелое, почти безвыходное положение. Ни те, ни другие не пошли тогда на решение спора путем вооруженного переворота. Вследствие этого союзные, но упорно враждующие между собою, преследующие совершенно различные цели, и связанные только угрозой со стороны большевицких войск, Кубано-Добровольческие силы двинулись с Дона на Кубань, успешно освобождая ее от большевицких войск, но, вместе с тем, крепко затягивая русско-кубанский узел...

При тех реальных обстоятельствах борьбы, которые существовали в 1918 г., освобождение Кубани от большевицких войск могло произойти только при условии всеобщего восстания кубанских казаков. Только при этом условии каждый шаг вперед по освобожденной территории Кубани означал увеличение вооруженных сил, на которые могло опереться Кубанское Правительство. Хорошо зная настроение всего коренного населения Кубани — казаков, горцев и иногородних, Кубанская Рада и Кубанское Правительство, в своем большинстве, нисколько не могли сомневаться в том, какая из двух, борющихся внутри Кубано-Добровольческой армии, сил, — русская или кубанская — усилится в период освобождения Кубани от большевицкой власти. Ясно было, что на Кубани будет доминировать казачье самостийническое течение. Надо было только поспешить освободить Кубань, надо было только создать условия, необходимые для того, чтобы воля кубанского населения могла нормальным путем, через вновь собранную Краевую Раду, выявиться. Поэтому Законодательная Рада и Кубанское Правительство, не становясь на весьма рискованный при тех условиях путь вооруженного разрыва кубанцев с русскими, кубанскими и пришлыми, повели свою работу в направлении скорейшего похода на Кубань...

К глубокому сожалению, до сих пор никто еще не опубликовал хотя бы общей оценки военных подвигов кубанцев, выявленных ими в тяжелой борьбе Кубани с большевицкими армиями; никто не оценил тех великих потерь людьми и имуществом, которые понесла Кубань за это время; никто не указал на великое значение для всех народов, борющихся за свое освобождение, блестящих побед кубанских вооруженных сил в этот период борьбы. Упорно молчат бывшие начальники кубанских войсковых частей, молчат и бывшие военные министры Кубани. Русские военные и гражданские деятели не только замалчивают великое значение Кубани в борьбе с большевиками, но огромные усилия и успехи кубанских войск записывают в актив русских людей. (Добрармии).

Сделав выше общую характеристику первого периода борьбы на Кубани, мы должны так же поступить и относительно дальнейших, действительно героических, периодов кровавой борьбы.

К началу июня месяца 1918 г., в непосредственной близости к Кубано-Добровольческому отряду, находившемуся в южной части Дона, в тупом углу слияния реки Маныча и Дона, было сосредоточено большевиками около 70—80 тысяч войск: в районе Азов-Батайск-Кущовка-Сосыка были расположены войска Сорокина в количестве 30—35 тысяч бойцов при 80 орудиях; по линии железной дороги от Маныча до Тихорецкой было до 25—30 тысяч под командой Кальнина; и между Манычем и Доном в Сальском округе до 10—12 тысяч. Всеми этими войсками командовал генерального штаба генерал-майор Снесарев, находившийся в Царицыне.

Кроме Кубанского отряда, вышедшего из Екатеринодара в ночь под 1-ое марта 1918 г. и об'единенного 14—17 марта с Добровольческим в районе станиц Калужская-Новодмитриевская; кроме новых пополнений кубанцами во время похода от Екатеринодара до ст. Успенской и потом на Дон, к Кубано-Добровольческому

отряду присоединились: на Дону уже русский отряд полковника Дроздовского, бригада кубанских казаков, набранная в восточных станицах Ейского отдела, 3-го июня к кубанско-добровольческому отряду прорвался полк мобилизованных большевиками кубанцев, 5-го июня из Кавказского отдела Кубани прорвалось новых 11 сотен кубанских казаков (Деникин, т. III, стр. 141).

К 10-му июня 1918 г. Кубано-Добровольческая армия насчитывала около восьми с половиною — девяти тысяч человек при 21 орудии. 10-го июня эта армия выступила в поход на Кубань, 11—12 июня разгромила большевиков под Торговой, 15 июня — разбила их под Великокняжеской, 20-го под Песчанокопской, 23-го под Белой Глиной и Новопокровской и 1-го июля взяла Тихорецкую.

Чтобы об'ективно оценить значение участия кубанцев в этих весьма успешных операциях об'единенных войск, присмотримся внимательно к составу армии в начале этого так наз. 2-го Кубанского похода. Согласно данным, помещенным в книге Деникина „Очерки русской смуты", т. III, стр. 148, в этот момент об'единенные войска состояли из следующих частей:

1-ая дивизия (генерал Марков):

1-ый Офицерский пехотный полк (находился в Новочеркасске),
1-ый Кубанский стрелковый полк,
1-ый конный полк (находился в Новочеркасске),
1-ая отдельная легкая батарея (3 орудия),
1-ая инженерная рота.

2-ая дивизия (генерал Боровский):

Корниловский ударный полк,
Партизанский пехотный полк,
Улагаевский пластунский батальон,
4-ый Сводно-кубанский полк (конный),
2-ая отдельная легкая батарея (3 орудия),
2-ая инженерная рота.

3-я дивизия (полковник Дроздовский):

2-ой Офицерский полк,

2-ой Конный полк (часть его оставалась в Донской армии),

3-я отдельная легкая батарея (6 орудий),

Конно-горная батарея (2 мортиры),

Мортирная батарея,

3-я инженерная рота (сформирована во 2-м куб. походе).

1-ая конная дивизия (генерал Эрдели):

1-ый Кубанский казачий полк,

1-ый Черкесский конный полк,

1-ый Кавказский казачий полк,

1-ый Черноморский казачий полк.

1-ая Кубанская казачья бригада (ген. Покровский):

2-ой Кубанский казачий полк,

Взвод артиллерии.

Кроме того: Кубанский пластунский батальон, одна гаубица и броне-автомобили — „Верный", Корниловец" и „Доброволец".

1-ый Офицерский пехотный полк и 1-ый Конный полк находились в Новочеркасске и в походе на Торговую, Великокняжескую, Песчанокопскую и Белую Глину участия не принимали. Таким образом, 1-ая дивизия пошла в поход под командой ген. Маркова в составе 1-го Кубанского стрелкового полка, состоявшего из кубанцев, 1-ой отд. легкой батареи и 1-ой инж. роты.

2-ая дивизия (ген. Боровского) состояла из Корниловского и Партизанского пех. полков, в составе которых в весьма значительном числе были кубанские казаки. В эту же дивизию входили чисто кубанские части — Улагаевский пластунский батальон и 4-й Сводно-Кубанский конный полк. В этой дивизии безусловное большинство составляли кубанские казаки.

3-я дивизия (полк. Дроздовского) была добровольческая, хотя потом пополнялась кубанскими казаками.

1-ая Конная дивизия (ген. Эрдели), 1-я Куб. казачья бригада и Куб. пластунский батальон состояли исключительно из кубанских казаков.

10-го июля 1-ая Конная дивизия (кубанская) после

упорного боя овладела большим селом Лежанкой (более 40 тыс. жителей), 11-го — Богородицким, 12-го с бою захватила Николаевское, станцию Крученскую и, оставив прикрытие со стороны Тихорецкой, двинулась к Торговой. „Казаки и черкесы“, говорит Деникин, „прошли за 3 дня 140 верст с несколькими боями, уставшие лошади еле двигались. Тем не менее, Эрдели к вечеру подошел к Торговой, успев перехватить большевикам юго-восточные пути отступления, и в происшедшей затем конной атаке казаки многих изрубили, более 600 взяли в плен“. Следовательно, кубанцы 1-ой Коннной дивизии при взятии Торговой блестяще выполнили весьма трудную задачу — разгромили большевицкие войска под с. Лежанкой, Богородицким, Николаевским, Крученской и отрезали Торговую от главных большевицких сил, сосредоточенных в районе Тихорецкой, и от Ставропольской губернии и, в конце концов, на-голову разбили большевиков к юго-востоку от Торговой.

Кубанцы 1-й дивизии под командой ген. Маркова, вместе с донскими казаками отряда полковника Быкадорова, 11-го июня очистили от большевицких войск район между рекой Юлой и Манычем и в тот же день приступили к операции против Шаблиевки — станции к северо-востоку от Торговой, на линии железной дороги Царицын-Тихорецкая. „Станция оказалась занятой сильным отрядом (большевиков) с артиллерией и бронепоездами... Весь день 12-го продолжался тяжелый и упорный бой, вызвавший серьезные потери, и только к вечеру, очевидно в связи с общей обстановкой, большевики начали отступать“ (Деникин, т. III, стр. 160). Следовательно, кубанцы, вместе с донцами, при взятии узловой станции Торговой выполнили другое весьма важное задание — обошли Торговую с севера и северо-востока.

2-ая дивизия под командой ген. Боровского (большинство кубанцы) разбила большевиков у Крученой балки. „По всему полю, насколько видно было глазу, текли в полном беспорядке толпы людей, повозок, ар-

тиллерии — спасавшихся от Боровского“, говорит Деникин (там же).

Не следует забывать, конечно, ни героизма, ни жертвенности и добровольцев в этой операции, положившей начало успешному походу на Кубань, но не следует замалчивать и того обстоятельства, что на долю кубанцев в боях за Торговую выпала наиболее ответственная задача — обойти Торговую с юга и юго-востока, с севера и с северо-востока, словом окружить Торговую и ударить на нее в центре (Боровский и Дроздовский). И эту задачу кубанцы выполнили блестяще, хотя и понесли серьезные потери. Не следует также забывать и большого значения участия донских казаков в этой операции.

При этом необходимо иметь в виду и еще одно чрезвычайно важное обстоятельство: всю операцию об'единенных кубано-добровольческо-донских сил 10-12 июня против Торговой прикрывали с запада тоже исключительно кубанцы и донцы, ведя тяжелые бои с наступавшими частями армии Сорокина, занимавшей фронт Батайск-Кущевка и, как мы видели, насчитывавшей 30-35 тысяч человек. По этому поводу Деникин пишет следующее:

> „На 42-верстном фронте, от Кагальницкой до Егорлыкской, войск было немного: у Покровского (Кагальницкая и Мечетинская) — полк кубанцев, 2 орудия и 6 сотен донских ополчений — в общем не более 1½ тысячи человек; у подполковника Постовского (Егорлыкская), до прибытия Корниловского полка (25 июня из Новочеркасска), ополчение станицы — до 1000 человек с 2-3 орудиями“. (Деникин, т. III).

И эти небольшие силы кубанцев и донцов выдерживали кровавый натиск превосходных сил большевиков, наступавших двумя отрядами силою около 10 тысяч человек, с многочисленной артиллерией и пулеметами, на станицы Егорлыкскую и Кагальницкую. Донцы и Кубанцы дрались весьма упорно и, понеся боль-

шие потери, с успехом выполнили задачу. Только 25-го июня на помощь кубанцам и донцам, проездом из Новочеркасска к главным силам Кубано-Добровольческой армии, пришли Марковский и 1-й Конный полки и помогли разбить большевиков, но уже 26 Марковский полк продолжал на подводах свой путь к главным силам, оставляя кубанцам и донцам тяжелую задачу сдерживать напор лучших частей армии Сорокина.

Пусть каждый об'ективный, даже русский, человек вдумается во всю операцию Деникина против Торговой, и он поймет, какое огромное, выдающееся значение имело участие во всех этих боях Кубанских и донских казаков: они окружают Торговую, сдерживают натиск большевиков со стороны Тихорецкой (армия Кальнина), отражают почти беспрерывные атаки армии Сорокина на фронте Кагальницкая-Мечетинская. Это обстоятельство не мешало, однако, и не мешает русским людям кричать об успехах русской Добровольческой армии...

Тоже самое можно сказать и об операции против Великокняжеской 13-15 июня.

После того, как Кубано-Добровольческие силы после взятия Великокняжеской повернули на юго-запад в направлении Тихорецкой, донцы только своими силами (казаков и калмык) продолжали успешно очищать Сальский округ и скоро захватили в свои руки почти всю линию железной дороги Великокняжеская-Царицын. Донская армия своим, почти беспрерывным, наступлением на самый Царицын с юго-востока, с запада и северо-запада в течении всего лета и осени 1918 года прикрывала кубано-добровольческие операции против большевиков на территории Кубани, Черноморской и Ставропольской губерний. И хотя донские казаки, принужденные вести бои на 800-т верстном фронте от Павловска, Воронежской губ., до Царицына, на Волге, с лучшими войсками 70-ти миллионной большевицкой России, и не могли взять Царицына (отчасти вследствие

отсутствия тяжелой артиллерии, отчасти благодаря 5-ти месячному сопротивлению „хохлацкой“ слободы Мартыновки, отчасти благодаря неправильным распоряжениям донского командования), но они, славные, доблестные донские войска, сковали в городе Царицыне и его узле несколько десятков тысяч лучших большевицких войск, руководимых теперешним диктатором России Сталиным и др.

Кубанцы, терцы и горцы пусть не забывают никогда, что все их успешные операции в 1918 г. по очищению Кубани, Ставропольской и Черноморской губерний и Терской области, в значительной степени были обеспечены тем, что донцы удержали натиск России с севера... Неумно и абсолютно не об'ективно поступает Деникин, когда пробует высмеивать Донскую армию за то, что она не взяла Царицын в 1918 г.

Ниже мы увидим, с каким огромным напряжением всех Кубано-Добровольческих сил против Ставрополя (и только после полного окружения его) удалось 2-го ноября вырвать этот город из рук сравнительно небольшой, потрепанной в предыдущих походах и боях Таманской армии, состоявшей, главным образом, из кубанских иногородних. Мы также увидим, как неуспешна была первая атака Царицына уже в 1919 силами целой Кавказской (по существу Кубанской) армии, благодаря отсутствию предусмотрительности и не умению оценивать боевую обстановку, проявленными ген. Врангелем, понесшей при неуспешной атаке ненужные кровавые потери.

После взятия Торговой, Великокняжеской, Песчанокопской и Белой Глины, Кубано-Добровольческие войска приступили к операции против Тихорецкой, этого весьма важного железно-дорожного узла. Коротко и в самых общих чертах отметим значение участия кубанцев в этой операции.

Если в мае и в начале июня месяца к Кубано-Добровольческой армии пробивались с территории Кубани целые отряды Кубанцев, то теперь, по мере прибли-

жения наступающих освободительных войск к той или другой кубанской станице, восставало поголовно все казачье население и вливалось в армию. Кубанское Правительство и Войсковой Атаман в июне месяце издали приказ о призыве в армию 10 призывных возрастов казаков, а остальная казачья масса составляла местные ополчения, несла гарнизонную службу в станицах и, весьма часто, выполняла серьезные боевые задания.

Генерал Деникин, как бывший командующий об'единенными войсками, хорошо, конечно, осведомлен о значении этого народного освободительного движения, но он, однобоко описывая события, замалчивает и массовое казачье восстание и отменную доблесть кубанских войск и их огромные потери. Согласно его описаниям, честь освобождения Кубани принадлежит русской Добровольческой армии.

Подробно описав всю операцию, закончившуюся взятием Тихорецкой, расхвалив доблесть добровольцев, только потом он говорит о том, что армия за три недели, с 10-го июня до 1-го июля, пройдя с боями 262 версты, значительно пополнилась и увеличилась с $8^1/_2$ тысяч до 20-ти тысяч (Деникин, т. III). Вместе с тем, он говорит, что армия за этот период боев потеряла убитыми и ранеными „более четверти состава армии". Если первоначальный состав армии Деникин определяет в $8^1/_2$-9 тысяч человек, то, значит, армия потеряла 2-3 тысячи человек и в ней, если бы не было пополнений, должно было бы остаться 6-$6^1/_2$ тысяч. Откуда же взялось за три недели новых, по крайней мере, 14 тысяч бойцов? Отвечая на этот вопрос, Деникин говорит о 4-х источниках пополнений, а именно:

„1. Шел непрерывный приток с Украины и Новороссии, отчасти из Центральной России добровольцев, главным образом офицеров; освобождаемые кубанские станицы — по приказанию и добровольно — становились в ряды армии или вооруженными отрядами охраняли ее сообщения;

поступали на пополнение частей, теперь уже в большем числе, пленные красноармейцы, и во всех районах действия армии привлекалась по мобилизации местная молодежь, первоначально два возрастных класса. Дроздовский даже сделал опыт формирования отдельной части из пленных и мобилизованных. Его „1-й Солдатский полк„ принимал доблестное участие под Тихорецкой... Пополнив значительно свои ряды, Добровольческая армия к началу июля усилилась следующими войсковыми частями: одним пехотным полком („Солдатский"), четырмя пластунскими батальонами, тремя кубанскими конными полками, пятью батареями" (Деникин, т. III.).

Только в сноске под текстом Деникин добавляет:

„Кроме чисто кубанских конных и пластунских частей, кубанские казаки входили в состав пехотных добровольческих полков. Бригада Покровского развернута в Кубанскую дивизию и сформирована отдельная бригада (Глазенапа)" (там же).

Словом, кубанцы — это один из 4-х источников пополнения.

Переходя к перечислению вновь организованных войковых частей, Деникин отмечает, что только у Марковского полка, бывшего более месяца на отдыхе в г. Новочеркасске, был сформирован третий батальон из офицеров, прибывших с Украины и Новороссии (Деникин, т. III, стр. 169), да во время похода, в июне месяце, был сформирован один пехотный полк „Солдатский".

Мы уже выше отмечали на основании данных самого Деникина, что кроме технических частей, добровольцы имели 1-й Офицерский полк (Марковский), Корниловский ударный полк, 2-й Офицерский стрелковый полк и два конных полка. Деникин сам, хотя и мелким шрифтом и в сноске под текстом, все же признает, что кубанцы входили в состав добровольческих

полков. Об этом свидетельствует и фотография „Похороны ген. Маркова в Новочеркасске“, помещенная в III томе книги Деникина „Очерки русской смуты“, на которой запечатлен Марковский полк, отдающий последнюю почесть ген. Маркову. На этой фотографии ясно видны шеренги кубанских казаков.

За время похода в июне месяце добровольческие части увеличились Солдатским полком, состоявшим из мобилизованных и военно-пленных. Куда же девался „непрерывный приток с Украины и Новороссии, отчасти из Центральной России добровольцев, главным образом, офицеров“, о существовании которого повествует Деникин, ставя этот способ пополнения на первое место и продолжая называть армию Добровольческой?

Куда девалась мобилизованная молодежь?

Мы должны констатировать тот печальный для русских людей факт, что этого потока, да еще и непрерывного, к глубокому сожалению, ни зимою, ни весною, ни летом 1918 г. просто не существовало. Если бы донцы и кубанцы не шли в Добр. армию, когда она в первый раз в феврале и в марте месяцах 1918 г. продвигалась на Кубань, ища соединения с Кубанскими войсками, то она не привела бы и тех 2-2½ тысяч бойцов, которыми она вообще располагала в момент соединения с кубанским правительственным отрядом 14-17 марта 1918 г. Если бы Кубанское Правительство не мобилизовало казаков по пути следования армии от Екатеринодара на Дон, то на территорию Донского Войска не пришло бы 5-6 тысяч человек об'единенных войск. Сам Деникин признает, что распоряжение Донского Атамана об из'ятии донских казаков из Добр. армии, по ее приходе на Дон, „расстроило сильно некоторые наши части, особенно Партизанский и Конные полки“. Само собою разумеется, что русские генералы умело выдавали этих донцов за русских добровольцев.

Совершенно понятно желание Деникина об'яснить рост рядов бойцов в армии при походе на Кубань „не-

прерывным притоком“ ибо надо же за любую цену доказать, что Кубань освободили русские добровольцы, надо же как-то оправдать желание русских людей распоряжаться Кубанью!

Об'ективная правда заключается в том, что за счет новых добровольцев, поступивших в армию в мае и июне месяцах, можно было организовать только один 3-й батальон Марковского полка. Чрезвычайно слабый приток добровольцев принуждал командование пополнять добровольческие части кубанскими казаками. Так было все время войны.

Совсем иначе обстояло дело с кубанскими казачьими частями. Кроме вышедших во 2-й Кубанский поход чисто кубанских частей: 1-го Кубанского стрелкового полка, Улагаевского батальона, 4-го Сводно-куб. конного полка, 1-го Куб. казачьего полка, 1-го Черкесского, 1-го Кавказского полка, 1-го Черноморского полка, 2-го Куб. каз. полка, 3-го Куб. каз. полка, и Пластунского батальона — к началу июля были вновь организованы 4 Куб. пластунских батальона, 3 Куб. конных полка и 5 батарей, кубанцами же пополнялись неказачьи части армии. Из 20-ти тысячного состава Кубано-Добровольческой армии кубанцы составляли не менее 16-17 тысяч бойцов, находящихся в непосредственном распоряжении Деникина. Кроме того во всех станицах восточной половины Кавказского и Ейского отделов были организованы тысячные гарнизоны, несшие весьма ответственную не только гарнизонную, но чисто боевую службу. Так, станицы Кавказского отдела прикрывали армию со стороны Ставропольской губернии и линии железной дороги Ставрополь-Екатеринодар, еще находившейся в руках большевицких войск, а станицы Ейского отдела прикрывали Кубано-Добровольческую армию со стороны 25-30-ти тысячной армии Сорокина, все еще занимавшей фронт Азов-Батайск-Кущовка-Сосыка.

Необходимо также отметить, что между южным берегом реки Дона и северной границей Кубани, фронт

Гуляй-Борисовка-Ольгинская, после ухода кубанцев бригады Покровского, занимали исключительно донские казаки. Они же охраняли и пути сообщения Кубано-Добровольческой армии с Новочеркасском и сотнями казачьих подвод обслуживали, как перевозку войск (Марковского полка из Новочеркасска, бригады Покровского), так и перевозку вооружения, поступавшего с Украины.

Далее необходимо отметить, что не только „продвижение армии вызывало под'ем казачества", как пишет Деникин, ибо в это время буквально вся Кубань была наполнена повстанческими казачьими и горскими отрядами. Иногда повстанцы об'единялись в значительные отряды, успешно воюющие с большевиками. Были такие отряды в Лабинском, Майкопском и Баталпашинском отделах Кубани. Особенно значительный отряд казаков был организован полковником Шкуро из казаков Баталпашинского и Лабинского отделов. В середине июля этот отряд захватил было Кисловодск, потом направился на город Ставрополь и 8-го июля занял этот город. Этот отряд состоял из 4-х казачьих полков и был переименован во 2-ю Кубанскую дивизию. Поддержанный другими кубанскими казачьими частями, этот отряд разбил под Ставрополем 10-ти тысячный отряд Красной армии, при 6-ти орудиях, наступавший на Ставрополь с востока и юго-востока.

Для характеристики настроений и боеспособности русских офицеров в описываемый период борьбы следует отметить следующий факт: в июле месяце в Ставрополе был сформирован из ставропольских офицеров „3-й Офицерский полк Добровольческой армии", но этот полк, как свидетельтствует Деникин, „оказался не боеспособен и вскоре был расформирован" (т. III, стр. 188).

В это же время (в июне мес. 1918 г.) подняли восстание терские казаки, освободили от большевицких войск линию железной дороги Моздок-Прохладная и

пять месяцев успешно боролись против большевицких войск.

Если бы кто внимательно изучил и об'ективно описал освободительный порыв, хотя бы только казаков Дона, Кубани и Терека за весенние и летние месяцы 1918 г., он принужден бы был с удивлением констатировать, что в это время широкие просторы земель от северных границ Дона до вершин Кавказских гор, от Азовского до Каспийского моря были покрыты почти исключительно казачьими войсками.

А в это самое время русские большевики при помощи русских генералов и рядовых офицеров организовали русскую красную армию, которая, по свидетельству Деникина, возросла к ноябрю месяцу 1918 г. до 500 тысяч человек, а к 1 января 1918 года до 800 тысяч человек. Возрождалась регулярная русская армия усилиями русских людей. Разрешая свои внутренние классовые и социальные вопросы, уничтожая класс помещиков и капиталистов, ведя внутреннюю борьбу за власть, все русские люди об'единялись в одном в желании снова завоевать восставших против русского красного владычества.

Коснувшись коротко казачьих настроений в период наступления Кубано-Добровольческих сил с Дона на Кубань, мы должны остановиться и на характеристике настроений русской общественности Северного Кавказа. Мы уже видели, как общероссийские и местные революционные партии — с.-р., с.-д. и большевики подкапывали основы возрожденной казачьей государственности, как они мобилизовали и русский народ (Керенский — два военных округа) и русский фронт (2-й С'езд Кавказской армии в декабре 1917 г.) против Дона, Кубани и Терека и вообще против казачества, как они натравливали неказаков против казаков. Это было до захвата большевиками власти в Казачьих Землях.

Что же делали русские на Северном Кавказе в то время, когда казаки, степные народы и горцы с таким

упорством и с такими громадными жертвами людьми и имуществом, вели вооруженную борьбу за свое освобождение?

Мы уже упомянули о печальной истории организации в г. Ставрополе 3-го Офицерского полка из офицеров — его скоро расформировали в виду его полной небоеспособности. Еще в январе месяце 1918 г. русский генеральский центр на Дону посылал на Минеральные Воды ген. Эрдели для призыва в Добровольческую армию русских офицеров собравшихся там в количестве нескольких тысяч. Как свидетельствует ген. Деникин, ген. Эрдели потерпел там полное фиаско — русские офицеры отказались поддержать русских генералов в их желании бороться за власть в России. Тогда ген. Эрдели, возвратившийся ни с чем в Новочеркасск, был послан к Кубанскому Атаману Филимонову" для связи и подготовки включения Кубанского отряда в Добровольческую армию".

Что же делали эти тысячи русских офицеров во время открытой вооруженной борьбы Казачества с большевицкой русской властью на своих землях? Пусть на этот вопрос отвечает сам общепризнанный руководитель белого русского движения, генерал Деникин. В „Очерках русской смуты" (том IV, страницы 101-102) читаем следующее:

> „Политика и практика советской власти на Кавказе неизбежно должна была привести к восстанию наиболее угнетенных элементов, какими являлось русское офицерство вообще и терское казачество.
>
> По Кавказу и особенно на Минераловодской группе сосредоточилось много тысяч офицеров (на одной группе не менее десятка тысяч)... По распоряжению советской власти, в мае месяце состоялся офицерский митинг в Пятигорске, с участием не менее тысячи человек, который после долгих прений вынес резолюцию: „принимая во внимание крайне тяжелое положение Родины,

необходимо создать для борьбы с внешним врагом народную армию, построенную на самой суровой дисциплине, принятой в одной из лучших республиканских армий, при этом все боеспособные офицеры обязаны вступить в таковую, не сводя личных счетов и не пред'являя никаких личных требований, что касается поступления офицеров в Красную Гвардию, то это предоставляется доброй воле каждого"... Эта резолюция, повидимому, удовлетворила совет комиссаров, который в начале июня обратился к выделенной митингом комиссии с предложением рекомендовать ему генерала в качестве командующего войсками Терской области. Предназначен был ген. Мадритов, который сформировал себе штаб, переехал во Владикавказ в распоряжение совета комиссаров... В июне месяце захватил Кисловодск партизан Шкуро, и оставил его, а из Петербурга вернулся на Кавказ жестокий Пятигорский сатрап Анжиевский... Офицерство беспомощно подставляло свои головы под удары большевицких палачей или распылялось по станицам и аулам; очень немногие ушли со Шкуро и в последовавшей летом и осенью 1918 г. вооруженной борьбе из двух, по крайней мере, десятков тысяч офицеров, приняли участие лишь отдельные лица, небольшой отряд в 300-500 человек полковника Литвинова и два, три более мелких.

Общерусского белого центра на Кавказе так и не сложилось"...

Так характеризует Деникин отношение к борьбе с большевиками более чем 20-ти тысячной массы русских офицеров, собравшихся только в Терской области. Казаки боролись, казаки умирали, а русское офицерство в массе своей создавало русскую армию под руководством комиссаров. Это, однако, не мешает Деникину уже за границей фантазировать о том, как в Доб-

ровольческую армию „шел непрерывный приток... добровольцев, главным образом, офицеров".

А в результате этого „непрерывного потока" Деникин смог организовать третий батальон Марковского полка, Солдатский полк из пленных и мобилизованных, да 3-й Офицерский полк в Ставрополе, распущенный распоряжением самого Деникина вследствие полной небоеспособности этого полка. Конечно, если бы Деникину удалось сцементировать этот полк и сделать его боеспособным путем влития в него казаков, то полк был бы сохранен. Но кубанские казаки не шли в этот полк, а заставить их идти туда Деникин тогда еще не мог...

Если бы мы хотели об'ективно оценить боевые силы кубанских казаков и горцев, выставленные Кубанью во вторую половину июня месяца 1918 г., мы должны были бы взять вместе следующие слагаемые:

1. количество кубанцев, которые были в составе смешанных частей Добровольческой армии;

2. те 17 чисто кубанских полков и батальонов, которые к 1-му июля 1918 г. были в непосредственном распоряжении главнокомандующего Деникина;

3. дивизию Шкуро. наступавшую на Ставрополь;

4. кубанцев противобольшевицкого фронта на Таманском полуострове;

5. гарнизоны и ополчения кубанских станиц, непосредственно боровшихся с большевицкими войскакми, и

6. повстанческие отряды, действовавшие в Лабинском, Баталпашинском, Майкопском и Таманском отделах и притягивавшие на себя значительные силы большевиков.

Большевицкое командование и большевицкая власть были окружены огнем казачьих восстаний. Это в конец дезорганизовало власть, большевики принуждены были бросать свои силы во все стороны для подавления восстаний. Как они сами не один раз писали, „из

каждой казачьей хаты выглядывали измена и открытое предательство революции".

При таких общих условиях существования большевицкой власти на Кубани и на всем Северном Кавказе Кубано-Добровольческие силы наступали на Тихорецкую. Операция против этого железнодорожного узла началась 19-го июня. Войска наступали тремя колоннами: в центре, по линии железной дороги Тихорецкая-Царицын, дивизия Дроздовского, справа — через село Богородицкое — дивизия Боровского, в которой, как мы видели, большинство составляли кубанцы, и слева, прикрывая наступающие войска со стороны Ставропольской губернии, наступала кубанская дивизия Эрдели. 19-го Боровский взял Богородицкое и ночью ворвался в Песчанокопское. 20-го июня, расстреляв послед ние патроны и снаряды, колонна Боровского залегла в виду Песчанокопского.

Дроздовский взял селение Николаевское и Поливанское.

Эрдели выбил большевиков из Сандаты и Ивановского, а 3-й Куб. полк захватил орудие и пулеметы и гнал большевиков до Красной Поляны. Ночью кубанцы Эрдели заняли Рассыпное. 21 июня Песчанокопское село и станция были взяты.

Впереди — большое село Белая Глина с 10-ти тысячным большевицким гарнизоном. Кубанцы Эрдели, с боями обойдя слева большевиков, 23 июня заняли станицу Новопокровскую и возле нее станцию Ея, отрезав Белую Глину от главных большевицких сил, находившихся в Тихорецкой. В этот день со стороны Тихорецкой большевики два раза переходили в энергичное наступление против войск Эрдели, но были отбиты контр атаками. Кубанцы Кутепова (1-ая дивизия, вышедшая в поход под командой ген. Маркова, потом убитого под Шаблиевкой) к рассвету ворвались в Белую Глину с юга, Боровский с севера. Дроздовцы, понеся большие потери у хутора Христенко, благодаря неуменью руководить боем, проявленному командиром

пехоты, полковником Жебраком, задания не выполнили и задержались у выше названного хутора. Боровский с боя занял станцию и с севера вступил в село Белая Глина.

После взятия 23 июня Белой Глины, большевики перешли в решительное наступление 24 июня со стороны Тихорецкой. Целый день значительными силами они атаковывали Кубанскую дивизию, занимавшую станицу Новопокровскую и станцию Ея, но контр атаками каждый раз отбрасовались, неся большие потери. Собрав кулак в 4-5 тысяч при 12 орудиях и двух бронепоездах большевики снова, 25 июня, атаковали кубанцев". Развивали артиллерийский огонь давно уже неслыханного напряжения", говорит Деникин (том III, 171 стр.). Конная группа Эрдели разбила эту группу большевиков и преследовала ее до самой ст. Терновской. Эта победа, одержанная кубанцами, очистила путь войскам на Тихорецкую, находящуюся верстах в 10 от Терновской. В это время дивизия Дроздовского отдыхала в Белой Глине.

При непосредственных операциях против Тихорецкой войска были пущены в бой тремя колоннами. Дивизии Боровского было поручено разбить большевицкие войска у с. Медвежьего, Ставропольской губ., потом у станицы Успенской, далее — у ст. Ильинской и обойти Тихорецкую с юга, перерезав линию железной дороги Тихорецкая-Кавказская. С 27 до 30 июня эта дивизия прошла 115 верст, разгромив более 6-ти тысяч красноармейцев. При этом кубанские конные полки и пластуны проявили небывалый порыв и храбрость. 30 июня дивизия Боровского подходила уже к Тихорецкой с юго-востока и юга. Ряды ее значительно пополнились казаками станиц Успенской и Ильинской. Кроме того, прикрытие всей Тихорецкой операции с юга (железная дорога Кавказская-Ставрополь) и с юго-востока (Ставропольская губ.) была поручена казакам тех же станиц — Ильинской и Успенской, что они и выполнили с успехом.

Кубанская конница, разбившая большевицкие войскр у ст. Новопокровской 25 июня и преследовавшая их до станицы Терновской, 29 и 30 июня передала ст. Новопокровскую дивизии Дроздовского. До сих пор дивизия Эрдели, начиная с наступления Кубано-Добровольческой армии на Торговую, и во время боев у Великокняжеской, Песчанокопской и Белой Глины, обыкновенно наступала к югу от железной дороги Тихорецкая-Царицын, или перерезала эту дорогу и принимала на себя все удары большевицких войск со стороны Тихорецкой, где находились главные большевицкие силы. У Торговой и у Белой Глины эта дивизия являлась как бы железной заслонкой, прикрывавшей Кубано-Добровольческие, тогда еще численно слабые силы со стороны главных сил 25 тысячной армии Кальнина, находившегося со своим штабом в Тихорецкой. При последней операции против этого большевицкого гнезда дивизия Эрдели получила задание обойти Тихорецкую с севера, разорвать сообщение между армией Кальнина и армией Сорокина по железной дороге Тихорецкая-Ростов, прикрыть с севера всю Кубано-Добровольческую операцию против Тихорецкой, далее, обойдя Тихорецкую с запада, перерезать железную дорогу Тихорецкая-Екатеринодар, прерывая, таким образом, пути сообщения между Тихорецкой и тогдашним политическим центром всего северного Кавказа — Екатеринодаром (в это время существовала Северо-Кавказская советская Республика с центром в Екатеринодаре).

Тихорецкая операция Кубано-Добровольческой армии, в случае своего успеха, отрезала армию Сорокина с юга, угрожая полным ее окружением. Поэтому, естественно, было ожидать наступления этой армии на юг, дабы не утерять путей сообщения армии по железной дороге с армией Кальнина и с Екатеринодаром. На дивизию Эрдели падала весьма и весьма серьезная задача. Кубанская бригада Покровского была передвинута из ст. Мечетинской на юг и расположена в районе кубанских станиц Незамаевская-Екатериновская с

целью недопущения обхода с севера и северо-востока Кубанско-Добровольческих войск, действовавших против Тихорецкой. В этом районе бригада Покровского за 1-2 дня пополнилась мобилизованными кубанцами соседних станиц и развернулась в дивизию.

Также вновь организованная бригада кубанских казаков, под командой полковника Глазенапа, как сообщает Деникин, „охраняла наш правый фланг... и поддерживала порядок в северной части Ставропольской губ.“ (том III, 172).

Таким образом, кубанцы дивизии Боровского, поддержанные Корниловским полком, пройдя с боями часть Ставропольской губ. и станицы Успенскую и Ильинскую, перерезав железную дорогу Тихорецкая-Кавказская, ударили на самую Тихорецкую с юга и юго-востока, поручив казакам вышеназванных двух станиц охрану всей операции с юго-востока и юга; кубанцы бригады Глазенапа прикрыли Тихорецкую операцию с востока и северо-востока, перерезав железную дорогу Тихорецкая-Царицын; кубанцы дивизий Эрдели и Покровского прикрывали наступление на Тихорецкую с севера и северо-запада, перерезая жел. дор. Тихорецкая-Ростов; далее, дивизия же Эрдели должна была перерезать жел. дор. Тихорецкая-Екатеринодар, довершив полное окружение Тихорецкой группы большевиков, насчитывавших здесь 10-12 тысяч человек.

Кубанские войска выполнили свою задачу блестяще. Для всякого разумного человека, даже врага Казачества, понятно, какое значение для Тихорецкой операции имел этот кольцеобразный охват станции, расположенной в степях Кубани.

Что происходило в это время в центре операций, где наступали дивизия Дроздовского, пополненная казаками и солдатами, и дивизия Кутепова, где кубанцы составляли большинство бойцов?

Деникин пишет об этом следующее:

„Станица Терновская и станция Порошинская (обе, примерно, в 10 верстах к востоку от Тихо-

рецкой), занятые красноармейской дивизией, отрядом коммунистов и тысячью местных большевиков-иногородних с одним бронепоездом, были взяты почти одним маневром... Большевики быстро отступили перед нами к Тихорецкой... Впоследствии пленные передавали, что впечатление „конца“ всецело овладело штабом Кальнина...“

Это и понятно, ибо из 4-х железнодорожных линий, расходящихся из Тихорецкой, к полудню 1-го июля кубанцы перерезали уже две — на Ростов, и на Кавказскую третью — на Царицын — занимали Кубано-Добр. войска еще со времени взятия Торговой 12 июня. Оставалась свободной только ж. д. линия на Екатеринодар.

Далее Деникин повествует:

„Пополудни наступление продолжалось. Дивизия Дроздовского (к этому времени состав ее усилился „Солдатским полком“ из мобилизованных и пленных и Кубанским пластунским батальоном, прим. автора) с посаженной вновь на повозки пехотой, шла вдоль полотна, отгоняя своей артиллерией бронепоезда большевиков. Около 5-ти часов закончилось ее развертывание верстах в 6-ти от Тихорецкой... Мы увидели какое-то подозрительное движение и суету у южного выхода из станции. Там метались люди, повозки, скакали конные ..“

Оказалось, что кубанцы дивизии Боровского, наступая с юго-востока вдоль полотна железной дороги Кавказская—Тихорецкая, ворвались на самую станцию Тихорецкую.

„Кубанский конный полк его дивизии“, пишет Деникин, „пошел по тылам, внося повсюду сильнейшую панику; корниловцы стремились к станции. Через четверть часа мы с Романовским и несколькими офицерами штаба встретили Боровского на станции... А на позиции (к востоку и северо-востоку от станции) шел еще горячий бой... Только против левого крыла дивизии Дро-

здовского противник побежал, не приняв атаки. На правом фланге Солдатский полк бросился в окопы и в ожесточенной штыковой схватке уложил много большевиков. Остатки их бежали на север и северо-восток, преследуемые ротами Солдатского полка и кубанцами Боровского. Там они нашли конец... встретив войска Кутепова“ (Ден., III, 174—175).

Как видим из описаний самого Деникина, на долю Добровольческой части дивизии Дроздовского при взятии Тихорецкой выпала не весьма трудная задача — Терновская и Порошинская взяты „почти одним маневром“, большевицкие войска против левого фланга этой дивизии бежали, „не приняв атаки, так как в тылу их“ Кубанский конный полк... пошел по тылам, внося повсюду сильнейшую панику“... Из этой дивизии, действительно, отличился Солдатский полк, но он состоял не из добровольцев, а из пленных и мобилизованных местных жителей.

Кроме дивизий Боровского и Дроздовского, непосредственно под Тихорецкой действовала смешанная кубано-добровольческая дивизия Кутепова в составе 1-го офицерского Марковского полка, 1-го Кубанского полка и 1-го конного полка. Кутепов занял без боя станицу Тихорецкую (в 7-ми верстах к северо-востоку от станции Тихорецкой), к 4 часам дня 1-го июля перерезал железную дорогу Тихорецкая-Ростов, в 20-ти верстах к северу от станции Тихорецкой уже перерезанную дивизией Эрдели. Дивизия Кутепова к вечеру 1-го июля приняла на себя удары большевиков, выбитых из станции Тихорецкой кубанцами Боровского и Солдатским полком, разбитых перед станцией, на полпути между станицей и станцией Тихорецкой. Упорный бой с отступающими большевиками продолжался до поздней ночи. Отличились здесь Марковский, Кубанский и 2-ой Конный полки.

Кубанская дивизия Эрдели „пройдя с боем в этот день около 60-ти верст, обойдя Леушковскую с севера,

к ночи подошла к Новорождественской и железной дороге (Тихорецкая—Екатеринодар), довершив окружение Тихорецкого узла".

Взятие нашими войсками Тихорецкого железнодорожного узла имело громадное моральное и стратегическое значение: оно показывало, что кубанские казаки не только окончательно вышли на путь вооруженной защиты своего Края от большевицких русских войск, но в этой борьбе уже одержали весьма серьезные успехи над многочисленным противником, разгромив окончательно 30-ти тысячную армию Кальнина; из Тихорецкой открывалась возможность действий по трем направлениям: в сторону армии Сорокина, все еще занимавшей район от Азова и Батайска до Сосыки; в направлении станции Кавказской и в направлении Екатеринодара; кроме того, в Тихорецкой были захвачены орудия, броневые поезда, броневые автомобили, масса подвижного состава и т. д.

Восставшие против большевицкой власти кубанцы, при помощи храбрых, но численно незначительных сил добровольцев, после взятия Тихорецкой безостановочно продолжали дело освобождения родного Края. Немедленно после взятия Тихорецкой Деникин поручил двум кубанским дивизиям — Эрдели и Покровского — и смешанной дивизии Кутепова разбить армию Сорокина. Уже 3-его июля началось наступление этих дивизий к северу от Тихорецкой с целью овладения Кущевским железнодорожным узлом.

После целого ряда упорных боев Сорокин очистил все Задонье и постепенно уходил на юг по линии Черноморско-Кубанской железной дороги, бросая свои обозы, склады и груженные поезда. Следует отметить здесь такой факт. После взятия нашими войсками узловой станции Кущевской (стык Черноморско-Кубанской и Владикавказской железных дорог), разбитые и сильно расстроенные войска Сорокина поспешно отступали

на юг. Для их преследования Деникин назначил кубанские дивизии Эрдели и Покровского. Последний, вместо того, чтобы бросить все силы для преследования и уничтожения отступающего противника, направился не на юг, а на запад, дошел до города Ейска и здесь занялся кутежом. Вследствие этого его дивизия не только не преследовала отступающего противника, но дала ему возможность сосредоточиться в районе Тимошовской на весьма выгодных позициях, прикрывшись с севера рекою Бейсуг и Бейсугскими лиманами. По этому поводу генерал Деникин говорит следующее:

„Покровский, не учтя обстановку, подчиняясь своей слабости к толпе и овациям, уделил более, чем нужно, сил и внимания этому второстепенному (Ейскому) направлению и сам лично свернул с главного пути, чтобы посетить освобожденный город... Несколько дней было потеряно, связь с дивизией временно нарушена.“

Роль Покровского на Кубани в первый период борьбы хорошо известна: это он „пропил“ Выселки; это он с Филимоновым деморализовали Кубанскую армию; это он собирался расстреливать кубанских доблестных офицеров, видевших его военную бездарность и осуждавших его беспрерывные попойки; это он пьяный спал в шалаше во время рокового боя 11 марта, когда гибель угрожала целому отряду... При помощи кубанских единонеделимцев во главе с Атаманом Филимоновым опутывая своими сетями Кубань, добровольческое командование предназначило этого молодого, бездарного, но чрезвычайно честолюбивого и жестокого человека осуществить организацию военных сил Черномории, почему и назначило его командиром дивизии, состоявшей из черноморских казаков, и направило эту дивизию по самой западной части Черномории, чтобы казаки этих станиц в особе генерала Покровского видели своего освободителя от большевицкого ига. Покровский правильно понял свою роль — всюду напыщенно принимал хлеб-соль, выступал с речами, переполненными похва-

лой Добовольческой армии и „матушке России“, устраивал торжественные обеды с тостами и речами, подсылал на станичные сборы своих верных с целью добиться от станиц постановлений о принятии генерала Покровского в почетные казаки. И, вместе с тем, беспощадно вешал и расстреливал не только большевиков, но часто и людей ни в чем невинных, дабы, как он сам часто говорил, „отрезать казакам пути отступления“. Нет ничего удивительного в том, что Покровский бросил преследование разбитой армии Сорокина и направился в город Ейск, находящийся в 70—80 верстах к северо-западу от главного направления, чтобы и в этом, пока единственном освобожденном кубанском городе, выступить публично в роли победоносного вождя кубанцев.

Население не знало действительных причин побед под Торговой, Великокняжеской, Песчанокопской, Белой Глиной, Тихорецкой, Кущевской и т. д. Если ему говорилось и читалось в приказах Деникина, что эти успехи принадлежат русской Добровольческой армии, оно, на первых порах, верило этому. Иго большевицкое было настолько ужасно и ненавистно, что население радо бы приветствовало кого угодно, лишь бы он избавил от большевицкого кошмара, от большевицкого, неслыханного никогда на Кубани, террора. Добровольческое командование успешно пользовалось этим обстоятельством и ловко популяризировало имя „русских избавителей“. Население также не знало и того, что большинство русских генералов в Великороссии покорно запряглись в русскую красную колесницу и организовали русские силы для нового завоевания Дона, Кубани, Терека и т. д.

Покровский нарушил приказ Деникина, уйдя с главного направления; Покровский дал возможность Сорокину сосредоточиться у Тимошовской, чтобы через несколько дней устроить страшное побоище 1-ой и 3-й дивизий (Казановича и Дроздовского) под Кореновкой и Выселками 14—17 июля. Деникин не только не пре-

дал его суду за пьянство в Ейске, а по отцовски, снисходительно об'ясняет поведение Покровского „слабостью к толпе и овациям“, ибо Покровский играл на Кубани подлую роль вербовщика кубанских казаков в добровольческие единонеделимческие сети. И ему все прощалось! С тою же целью популяризации Покровский в начале августа придет потом с Тимошовско-Крымского направления в освобожденный Екатеринодар, временно бросив преследование противника, в полном хаотическом беспорядке отступающего по линии железной дороги Тимошовская—Крымская; еще позже его пошлют брать Новороссийск, еще позже — Майкоп. Покровский всюду пройдет триумфальную дорогу блестящего „победителя“, пьянствуя и устилая дорогу не только виновными, но чаще многочисленными невинными жертвами. Деникин не хотел своими собственными руками душить людей, для этой роли ему нужны были Покровские.

В то время, когда, после взятия Тихорецкой, дивизии Эрдели, Покровского и Кутепова были пущены на север против армии Сорокина, 2-ая дивизия под командой Боровского (в нее входил Корниловский полк смешанного состава, остальные части состояли из кубанских казаков) была направлена на юг от Тихорецкой, по железной дороге Тихорецкая—Кавказская. Эта дивизия, при помощи нового кубанского отряда, состоящего из мобилизованных казаков станицы Дмитриевской, под командой полковника Селезнева, 5-го июля атаковала главные силы противника у ст. Кавказской и захватила этот железнодорожный узел (отсюда расходятся дороги на Екатеринодар, на Ставрополь, на Армавир и на Тихорецкую). 13-го июля кубанские пластуны Боровского взяли станцию Кубанскую, к югу от Кавказской, а Корниловцы — станицы Григориполисскую и Прочноокопскую, 14-го июля обе колонны после ожесточенного уличного боя взяли Армавир. По всех, близких и дальних, станицах мобилизованные казаки становились в армию, которая, благодаря этому, с каждым днем росла в своей силе.

Следует упомянуть здесь и о том, что 8-го июля казаки Баталпашинского и восточной части Лабинского отделов заняли, как говорили мы уже выше, город Ставрополь. Предгория Кавказских гор, отделы Баталпашинский, Лабинский, Майкопский и Таманский были переполнены повстанцами.

В самом Екатеринодаре даже рабочие начали проявлять открытое недовольство советской властью. Впереди недовольных шел Союз печатников, потребовавший от большевицкой власти свободы печати и для поддержания своего требования организовал во второй половине июня месяца знаменитую политическую забастовку. Эта забастовка началась 21 июня и окончилась только 11 июля. Стремясь ликвидировать забастовку, Центр. Исполнительный Комитет Кубано-Черноморской республики собрал на 26 июня всех печатников, стоящих на платформе советской власти. Но на это собрание явилось только 7 человек. По поводу этой забастовки Г. Ладоха пишет следующее:

> „Забастовка печатников поставила область в тяжелое положение. В момент, когда велась ожесточенная борьба и нужда в печатном слове была наиболее обязательной, вследствие забастовки газеты не могли выходить... Масса срочных и нужных заказов не печатались. Рабочее население было поставлено в тяжелое положение благодаря тому, что прекратилось печатание денег и тем задерживалась выплата жалованья...“ (Г. Ладоха: Очерки гражданской борьбы на Кубани. Краснодар, 1923, стр. 102—103).

Эта забастовка указывала не только на падение престижа советской власти в глазах рабочих столицы Кубани, но свидетельствовала и о том, что даже рабочие вступили с нею в открытую, хотя и не вооруженную, борьбу. Это обстоятельство до крайности ослабляло положение советской власти в самом политическом центре Кубани — Екатеринодаре.

Одновременно с операциями на север от Тихорец-

кой против армии Сорокина и на юг — против Кавказской и Армавира, генерал Деникин направил против Екатеринодара, по линии железной дороги, две дивизии — 1-ую ген. Казановича (бывшую под командой Маркова, потом Кутепова) и 3-ю генерала Дроздовского. К 14-ому июля эти дивизии были сосредоточены у ст. Пластуновской, в 90 верстах от Тихорецкой, где находился штаб Деникина, и в 37 верстах от Екатеринодара. Правее, у станиц Новокорсунской и Переяславской, находилась дивизия Эрдели, а еще правее — дивизия Покровского. Далеко влево была занята узловая станция Кавказская и все окружающие станицы освобождены от большевиков; еще далеко левее — город Ставрополь тоже находился в руках кубанских казаков. Таким образом, к 14-му июля были очищены большие просторы степей от Ейска до Ставрополя и от Дона до реки Бейсуга и даже до реки Кирпилей. Перед самым Екатеринодаром у большевиков почти не было войск. Только правее дивизий, стоявших в 27 верстах от Екатеринодара что-то происходило в отрядах, отступавшей сюда армии Сорокина.

14-го июля ген. Деникин приказал 1-ой и 3-ей дивизиям наступать на Екатеринодар. Поручая именно этим дивизиям взять Екатеринодар, без сомнения, главное командование преследовало политические цели. К этому времени все высшие должности в кубанских частях были заняты русскими людьми. Дивизиями командовали Покровский, Эрдели, Казанович, Боровский. Даже дивизия, сорганизованная полк. Шкуро и самостоятельно взявшая Ставрополь, была поручена не ее организатору, политический облик которого тогда не был еще ясен для добровольческого командования, а полковнику Улагаю, преданность которого русскому делу уже была проверена за время первого похода. Освобожденные кубанские станицы всюду встречали совершенно новые для них имена старших военноначальников. Кубанские старшие офицеры, под руководством которых десятилетиями воспитывались кубанские

казаки, под командой которых кубанцы значительно преумножили за время войны 1914—1917 г. г. свою старую славу доблестных, непобедимых бойцов, эти кубанские офицеры были где-то в тени, куда отошли добровольно или их отстранили, как элемент ненадежный для руководителей Добровольческой армии... Казачье население давало только по мобилизации 10 призывных возрастов, давало в армию наиболее здоровую и сильную часть; население видело, как в станицы возвращались раненые казаки, как много казаков находило смерть в боях с большевиками; все население кормило армию... ... Но всюду только и слышали о победах добровольцев, о бесконечной доброте и доблести русских людей, пришедших освобождать не свою Россию, а далекую для них Кубань... И главное командование решило укрепить эту славу тем, что Екатеринодар займут дивизии Дроздовского и Казановича. Деникин пишет:

> „14 июля я с Романовским (начальник штаба Деникина) был в центральной группе, в ст. Пластуновской, установил окончательно детали наступления и напутствовал каждую дивизию пожеланием, чтобы она „первою вошла в Екатеринодар". Этот прием боевого соревнования как нельзя более соответствовал общему настроению — все рвались к Екатеринодару". (Деникин, т. III, стр. 191—196).

Какие же последствия имело это наступление, долженствовавшее принести лавровый венок военным талантам Деникина?

Сам он пишет об этом следующее:

> „Поздно ночью (14 июля) я вернулся в Тихорецкую. Штаб армии на другой день должен был перейти в Кореновскую.
>
> Но утром 15-го связь с центральными колоннами была порвана. По железно-дорожному телефону мы получили донесение, что станица Кореновская была атакована крупными силами про-

тивника и взята им; гарнизон наш частью уничтожен, частью попал в плен. Большевицкие войска с занятием Кореновской оказались в тылу центральной группы, раз'единили ее от конницы Эрдели и штаба армии и создали непосредственную угрозу Тихорецкому узлу, для обороны которого оставались лишь 1—2 формирующихся батальона, 1—2 сотни и мой конвой.

Положение создалось грозное". (Там же).

Отрезанные две дивизии, Дроздовского и Казановича, вместо наступления на Екатеринодар, решили пробиваться к Тихорецкой, к штабу. Первые удары этих дивизий на Кореновскую были отбиты большевиками с большими потерями для наступающих.

„Напрасны были многократные атаки наших дивизий, выезды „на картечь" батарей, личный пример начальников: Дроздовского, под непрерывным огнем ободрявшегося свои войска; Казановича, выезжавшего в цепи противника на броневике в горячие минуты боя, Тимановского, водившего лично в атаку батальон марковцев для спасения положения. Дивизии наши понесли тяжелые потери, были смяты и к вечеру отошли, преследуемые противником, за реку Кирпили, говорит Деникин. (Там же).

„На поле боя оставили раненых и выбившихся из сил и их постигла страшная смерть.

Части стали подсчитывать свои поредевшие ряды и почти израсходованные боевые припасы, приводились в порядок...

С утра 17-го были сделаны попытки наступления марковским полком, но безуспешно. Противник в свою очередь перешел в наступление по всему фронту. С особенной силой большевики обрушились на правый фланг Дроздовцев (Солдатский полк) и на Марковцев. Во многих местах окопы наши были захвачены и в них шел же-

стокий штыковой бой... В эго время, когда силы добровольцев были уже на исходе, возле Платнировской спустился летчик штаба армии. Он сообщил так страстно желанную весть о приближении помощи". (Там же).

Такими простыми, просто эпическими словами Деникин рассказывает о действительной трагедии добровольцев. Прежде он с гордостью и пафосом говорил о победах под Торговой, Великокняжеской, Песчанокопской, Белой Глиной и Тихорецкой. Мы видели, кому, главным образом, принадлежала честь этих побед. Кубанцы, обыкновенно, охватывали железным кольцом противника, сжимали его, отрезали от главных сил и этим бесконечно облегчали работу Дроздовцев, двигавшихся по линии железной дороги. Даже большевицкий военный историк (Г. Ладоха) признает, что победа под Тихорецкой об'ясняется тем, что „противник (казаки) глубоко обошел фланги кавалерийскими частями" и принудил защитников Тихорецкой отойти к самой станиции.

Добровольцы дрались храбро, но они, вследствие своей крайней малочисленности, просто не могли вести самостоятельно сколько-нибудь серьезные операции. Донские казаки могли своими силами очистить огромную территорию Дона и разбить самостоятельно лучшие московские войска. Терцы могли самостоятельно 5-ть месяцев держать на Тереке противобольшевицкий фронт. Кубанцы могли самостоятельно взять Ставрополь и удерживать его против 10-ти тысячной большевицкой армии, действовавшей против этого города; кубанцы могли производить смелые маневры в степях Ставрополя и Кубани, всюду громя скопища противника; кубанцы могли сорвать с южного Дона 30-ти тысячную армию Сорокина, разбить ее под Кисляковкой и Кущевкой и принудить к поспешному, беспорядочному отступлению; в июне месяце кубанцы и донцы, незначительными силами, как мы видели, не допустили прорыва этой армии Сорокина у Мечетинской и Егор-

лыкской в тыл Кубано-Добровольческим силам, оперировавшим у Торговой и Великокняжеской...

В половине июля Деникин благословляет две дивизии для наступления на Екатеринодар, а в это время сильно потрепанная, морально и физически терроризованная армия Сорокина, немного оправившись, разбивает под Кореновкой 15—17 июля целых две дивизии — Казановича и Дроздовского, значительно пополненные теми же доблестными кубанскими казаками...

Как мы видели, Деникин уже за границей повествует о „непрерывном притоке с Украины и Новороссии, отчасти из центральной России добровольцев, главным образом, офицеров“, о пополнении частей пленными и мобилизованными, о „несравненных качествах добровольцев“ и т. д. Но потом оказывается, что резервов, если не считать кубанских казаков, у Деникина не было никаких; стоит только этим добровольцам столкнуться под Кореновкой с армией кубанского фельдшера Сорокина, как после двухдневных боев „силы добровольцев были уже на исходе“.

В наступлении на Екатеринодар Деникин и его штаб выявили полное непонимание боевой обстановки и полную бездарность в руководстве войсками. Ведь в это время на фланге у наступающих на Екатеринодар висела, как сам Деникин признает, армия Сорокина. Не имея резервов в районе Тихорецкой, имея, собственно, оголенную линию железной дороги, связывавшую наступающие на Екатеринодар дивизии с штабом армии, находящимся в Тихорецкой, Деникин бросает на Екатеринодар свои две дивизии, в погоне первым захватить столицу Кубани. А в результате эти дивизии подвергаются почти полному разгрому со стороны противника. Деникин сам признает, что 1-ая и 3-я дивизии в этих боях потеряли 25—30 процентов своего состава. Свою преступную в отношении этих дивизий и всех войск тактику, Деникин хочет позже прикрыть такими лицемерными словами:

„Не один день потом в Тихорецкой прово-

> жал я в могилу прах своих старых соратников, со скорбью в душе и с больной неотвязчивой думой: — Уходят, уходят... один за другим... Проклятая русская действительность"... (Там же).

При других обстоятельствах за такое ведение военных операций Деникин подлежал бы немедленному отрешению от должности, если не больше.

Напрасно Деникин пробует восхвалять Сорокина за эту операцию:

> „Во всяком случае весь план (большевицкой операции под Кореновкой) свидетельствует о большой смелости и искусстве. Не знаю чьих — Сорокина или его штаба. Но если вообще идейное руководство в стратегии и тактике за время северо-кавказской войны принадлежит самому Сорокину, то в лице фельдшера-самородка советская Россия потеряла крупного военноначальника". (Там же).

Так русский генерал, офицер генерального штаба, претендент на русского диктатора, склоняет свою главу перед могилой кубанского казака-большевика и скорбит о потере Россией крупного военноначальника.

Кто же спас 1-ую и 3-ю дивизии от полного уничтожения? Кто спас армию вообще? Ведь, поражение под Кореновкой могло привести к полной катастрофе. Сам Деникин признает, что положение было грозное!

Перед наступлением 1-й дивизии на Екатеринодар из ее состава был взят 1-ый Кубанский казачий полк с гаубичной батареей и переброшен в Ставрополь на помощь казакам Шкуро. 15-го июля, после занятия большевицкими войсками Кореновской, Деникин „приказал немедленно отозвать из Ставрополя" этот Кубанский полк с батареей... Послал Покровскому приказание — минуя всякие препятствия и чего бы это ни стоило атаковать Тимошовский узел и выйти в тыл Сорокину; Эрдели — ударить на Кореновскую с севера. В центральную колону штаб послал на аэроплане

сообщение „о направленной помощи"... (Деникин, т. III, стр. 191—196).

> „17-го июля по полудни над Кореновкой появились высокие взрывы шрапнелей. Это 1-й Кубанский полк с батареей и бронепоездом атаковал Кореновскую группу противника с тыла. Вскоре на всем поле между Кореновкой и Платнировской добровольцы (дивизий Дроздовского и Казановича) увидели ясную и знакомую картину „конца", когда поле сразу оживает и по нем мечутся во все стороны повозки, всадники и пешие люди... 1-ый Кубанский полк ворвался в Кореновскую... связь с Тихорецкой была восстановлена", говорит Деникин. (Там же).

После ликвидации Кореновского прорыва кубанскими казаками, бои с армией Сорокина продолжались еще 9 дней. Усилиями и жертвами кубанских казаков дивизий Эрдели, Покровского, усилиями 1-го Куб. полка и дивизии Казановича, при весьма активной поддержке казаков всех окружающих станиц, армия Сорокина была смята, отброшена и в беспорядке отступала к Екатеринодару. 27 июля кубанцы Эрдели захватили ст. Медведовскую на Черноморско-Куб. железной дороге, в 50-ти верстах к северу от Екатеринодара, а кубанский Уманский полк блестящей атакой захватил ст. Пластуновскую лежащую в 27 верстах к северо-востоку от Екатеринодара; 28 июля Эрдели занял Ново-Титаровскую и Динскую — в 20-ти верстах от Екатеринодара. К 29-му июля вновь пополненная кубанскими казаками дивизия Казановича сосредоточилась в районе Динской. 28-го июля кубанский пластунский батальон ворвался в ст. Усть-Лабинскую совместно с корниловскими ротами. 31-го июля и 1-го августа кубанские конные и пешие части вели блестящие атаки у Пашковской, у Екатеринодара, у Ново-Величковской и у Тимошовки и принудили противника уходить за Кубань. 1-го августа поздно вечером кубанская конница Эрдели ворвалась в Екатеринодар. В тот же день

кубанские казаки захватили Тимошевский железнодорожный узел. 2-го августа Кубанское Правительство. Законодательная Рада, Атаман и штаб армии вошли в Екатеринодар.

С момента вынужденного оставления Кубанским Правительством и Радою Екатеринодара в ночь под 1-ое марта до момента возвращения их туда 2-го августа 1918 года, всего за пять месяцев, произошли весьма значительные перемены, как на самой Кубани, так и на всей территории бывшей России. Для внимательного наблюдателя было абсолютно ясно, что в Великороссии крепко засела новая, большевицкая власть, что под контролем и руководством этой власти русский народ, при помощи офицеров старой, царской армии организует новую русскую армию, что эта армия уже ведет более или менее успешные бои против фронта Учредительного Собрания на Волге, против чехословацкого корпуса, против Дона и т. д. На самом Северном Кавказе большевики сумели организовать армии Кальнина, Сорокина и многочисленные другие группы войск, что эти армии комплектуются, в значительной степени, местным неказачьим населением... В настроении самого Казачества Дона, Кубани и Терека произошли настолько резкие изменения, что казачье противобольшевицкое течение с руководящих верхов перешло в самую толщу Казачества и превратилось в поголовное вооруженное восстание всего Казачества против русской советской власти... Однако, благодаря весьма многим причинам, не удалось тогда создать единого руководящего центра для всего казачьего противобольшевицкого народного движения на Юго-Востоке. Вследствие этого казачьи силы были раздроблены. Донской Атаман Краснов, став во главе могущественного Донского Войска, организовал не только освобождение Дона, но строил планы и для освобождения Москвы, при чем хотел быть главою всех вооруженных сил, долженствующих выгнать большевицкую власть из центра России... Приближенный к Дон-

скому Атаману Родионов, на казачьи деньги издавал в Новочеркасске газету „Часовой“, в которой прославлялась единая, неделимая Россия и монархический образ правления в ней. Эту печатную проповедь монархизма, несущуюся из Новочеркасска, большевики использовали очень умело для усиления своих частей и для разложения частей донских, указывая и крестьянам, и казакам на то, что в казачьем центре руководящую роль играют русские монархисты-единонеделимцы, стремящиеся водворить старые, дореволюционные, помещичье-царские порядки. На эту преступную пропаганду указывали рядовые донские казаки на Большом Войсковом Круге в августе-сентябре 1918 г. и требовали немедленного ее прекращения.

Еще хуже обстояло дело на Кубани. Благодаря стечению весьма многих неблагоприятных для успеха борьбы обстоятельств, предательству со стороны выборного Атамана Филимонова и его единомышленников, а также благодаря ошибкам и несогласиям в среде кубанских самостийников, кубанские вооруженные силы попали в руки русских единонеделимческих генералов. Выше подробно было об'яснено, как это произошло.

С приходом в Екатеринодар безусловно усилился авторитет правительственного центра, но, вместе с тем, усилился авторитет и значение добровольческого русского центра, вокруг которого со всей России стали ли собираться русские единонеделимцы. В этом же центре находили моральную и материальную поддержку и кубанские единонеделимцы. Если внимательно прочитать то, что написано и распубликовано руководителями и организаторами русского добровольческого движения и бывшим Донским Атаманом Красновым, перед нами предстанет ясная картина борьбы между Деникиным-Алексеевым, с одной стороны, и генералом Красновым, с другой, за руководство в противобольшевицком русском освободительном движении. Против единого русского большевицкого центра только на юге бывшей России боролись два русских центра: один на

Дону, во главе с Красновым, другой на Кубани, во главе с Деникиным-Филимоновым.

После упорной закулисной и явной борьбы между Атаманом Красновым и донскими кадетами во главе с В. А. Харламовым, в конце концов, на Большом Войсковом Круге в августе-сентябре месяцах 1918 года глава донских монархистов, генерал Краснов, был снова избран Донским Атаманом с почти диктаторскими полномочиями, а глава русских донских кадетов, В. А. Харламов, был избран председателем Донского Большого Войскового Круга. Таким образом, два русских течения на Дону, монархическое-единонеделимческое и кадетско-единонеделимческое, имели своих представителей на самых высоких должностях в Войске Донском, уже несколько месяцев ведушем борьбу с русскими большевицкими армиями. Казаки очистили Дон и не хотели, естественно, идти воевать с Россией на русской земле, за те или иные внутренние русские порядки. А выборные руководители Казачества не удовлетворились этим и повели политику так, чтобы, в конце концов, втянуть казаков в войну России белой с Россией красной.

Необходимо отметить и тот факт, что на посту председателя Донского Правительства был в то время генерал А. П. Богаевский, участник 1-го похода Добровольческой армии, всей душой преданный тому делу, которому служила эта армия. Кандидатура этого генерала уже в августе и сентябре месяцах 1918 г. выдвигалась даже на высокий пост Донского Атамана. Был ли бы он избран тогда в Атаманы, не известно, но известно то, что в момент выборов было применено открытое вмешательство немцев, не желавших видеть на высоком посту донского Атамана явного и твердого сторонника добровольческого командования.

Донские казаки очистили всю Донскую территорию, они приняли Донскую Конституцию, текст своей присяги, они утвердили донской герб и флаг, словом, они возрождали и с оружием в руках защищали былую

свою свободу и независимость. Они совсем не хотели впутываться в русские дела, но среди них за 200 лет русского владычества над Доном выросла и воспиталась донская по крови, но глубоко русская по духу и стремлениям интеллигенция. Дабы не отрываться от народной массы, эта русская из казаков интеллигенция шла на Донской Круг, в параграфах тех или иных законов формулировала даже волю народную; вследствие этого народ выбирал ее на высокие посты в Войске, и она занимала эти посты, торжественно клялась соблюдать принятые на себя перед Донским Войском обязательства, но сама думала свою соответственную думушку служения другой Родине, служения другому Отечеству, потихоньку, пряча лукавое лицо от взора донских казаков, оглядывалась по сторонам, ища себе единомышленников и союзников... И многие донские руководители нашли этих союзников в Добровольческой армии и в русских людях, организовавшихся вокруг нее. Донское офицерство помогало рядовому казачеству организовать Донскую армию и вооруженной рукой освободить к августу месяцу всю Донскую территорию, но у донских казаков не нашлось среди своей интеллигенции донских политиков, которые хотели бы и умели бы влить живое содержание в Донскую Конституцию, которые опираясь на прекрасную Донскую армию, построили Донское самостоятельное государство. Для донских казаков и их интеллигенции уже в первой половине 1918 г. было ясно, что не останавливаясь перед кровавыми жертвами, надо за всякую цену сбросить большевицкое иго, но русской интеллигенции из казаков не было еще тогда ясным, что большевицкое иго является, по сути, русским игом, что освобождение Дона заключается не в том, чтобы на место одной русской зависимости поставить другую, а в том, чтобы сбросить всякую зависимость Дона от России. Самостоятельный Дон мог легко войти с Россией в такие же соглашения, какие он заключил в 1918 г. с Украиной, с Кубанью...

Еще сложнее, как мы видели, было положение на Кубани. Если Добровольческая армия только собиралась посадить своего сторонника и единомышленника на пост Донского Атамана, то на Кубани, в лице Филимонова, она уже имела верного исполнителя своих желаний. Если добровольческое командование только принимало меры для подчинения себе донских вооруженных сил, то на Кубани кубанские войска уже были в распоряжении этого командования. Положение русских людей на Кубани, в значительной мере, осложнялось тем, что наряду с явно русским течением среди казачьей интеллигенции существовало сильное самостийное течение. Наряду с русским атаманом здесь были весьма активные самостийники, которые не только не собирались строить какую-бы то ни было Россию, но освобождение Кубани от ее владычества считали единственным выходом. Это самостийное движение имело глубокие корни в населении. Но у этого течения не хватало силы, а, может быть, просто смелолости взять в свои руки организацию государственной жизни Кубани, организацию самостоятельной Кубанской армии для защиты своих идеалов.

2-го августа 1918 года, как мы видели, в Екатеринодар пришли две силы: русская во главе с командованием Добр. армии, Атаманом Филимоновым, старшим кубанским офицерством и казачья — руководимая меньшинством Кубанского Правительства и большинством небольшой Кубанской Законодательной Рады.

Из предыдущего разбора военных операций, за время с 10 июня до 2-го августа 1918 г., видно, насколько слабыми собственно добровольческими силами обладало тогда добровольческое командование. Целая армия состояла почти исключительно из кубанцев-казаков и горцев. Добровольческое командоване не имело еще силы для производства переворота в свою пользу. Деникин по своему об'ясняет, почему, по его мнению, добровольческое командование не стало тогда на путь переворота:

„Я утверждаю убежденно: тот, кто захотел бы устранить тогда насильственно кубанскую власть, вынужден был бы применять в крае систему чисто большевицкого террора против самостийников“ (т. III).

Так оправдывается Деникин перед бросаемыми ему русскими людьми упреками в том, что он тогда уже не сделал вооруженного переворота на Кубани и не облегчил будущей работы строителей России.

Кубанское самостийническое течение, проиграв борьбу за Кубанскую Республику в начале 1918 г. и вынужденное оставить столицу Кубани в ночь под 1-ое марта, возвратилось в Екатеринодар, связанное русскими силами. Это течение не встретило необходимой поддержки в национальных освободительных движениях соседних областей — ни на Кавказе, ни на Дону, ни в Крыму, ни в Украине... Последняя тоже переживала сама трагедию.

Среди руководящих политических кругов Украины в 1917 г. не нашлось достаточно сильной группы деятелей, которые уже тогда ясно и открыто поставили бы вопрос об организации совершенно самостоятельного украинского государства. Украинская политическая мысль должна была пройти долгий путь 4-х Универсалов, от провозглашения культурной автономии, через федерацию „С'езда народов“ в сентябре месяце, через ноябрьско-декабрьскую попытку организации общероссийской федеративной власти до провозглашения 22 января 1918 г. полной самостоятельности и подписания Брест-Литовского договора с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией. На все это было затрачено почти целый год (от 1-го марта 1917 г.). Население Украины не оказало необходимой поддержки своим вождям: во время наступленія большевицких войск на Киев в январе месяце 1918 г. под командой Антонова и Муравьева, в столице Украины было столько воинских частей, что они, при желании воевать за Украину, могли просто разметать большевицкие

войска, пришедшие на Украину, и не только выгнать красных русских завоевателей с украинской земли, но и продиктовать мир в самой Москве. Однако, 30-ти тысячная масса украинских войск держала нейтралитет, а украинская молодежь и сравнительно немногочисленные украинские патриоты и герои гибли под Крутами, на улицах Киева... В результате захвата Киева большевиками, отступление украинского Правительства в Житомир, возвращение его в Киев с немецкими войсками, установление власти Гетмана Скоропадского.

Широкая власть Донского Атамана Краснова на Дону, власть Гетмана Скоропадского на Украине давали пример кубанским противникам демократического устройства. Поэтому выступление Атамана Филимонова против Кубанской Рады и Правительства в ст. Мечетинской 30 мая и последующие выступления Шкуро и Покровского тоже против Рады и Правительства могут быть пояснены не только желанием прибрать кубанских казаков в руки единонеделимцев, но и желанием уничтожить на Кубани демократический образ правления. Кубанские „русские казаки“ охотно бы воспользовались вооруженной поддержкой главного командования, но это командование само для своих целей не имело достаточно вооруженной силы. Свергнуть Кубанскую Раду и Правительство это значит вступить в открытый конфликт с кубанскими казаками, составлявшими не менее 90% всей армии, находящейся под командованием Деникина.

Ясно было для каждого, что кубанские казаки восстали не ради борьбы за единую, неделимую Россию, а для борьбы за свободу и независимость своего Края. Было также ясно, что русское большевицкое правительство, при помощи царских генералов и офицеров, приступив с весны 1918 г. к организации регулярной русской арми, создавало такую военную силу, сокрушить которую на исконной русской территории, вблизи Москвы, не смогут казаки вместе с незначителными силами русских добровольцев. Руководители и организаторы

белого движения, генералы Алексеев, Деникин, Лукомский, Эрдели, Драгомиров и другие имели хорошую военную подготовку, но таковую же имели и организаторы красной русской армии генералы Брусилов, Парский, Бонч-Бруевич, Сытин, Каменев, Снессерев и многие другие. Несмотря на это, генерал Деникин сейчас же после взятия Екатеринодара писал в письме на имя Атамана Филимонова следующее:

„Трудами и кровью Добровольческой армии освобождена почти вся Кубань... Добровольческая армия не кончила свой крестный путь... Отданная на поругание советской власти Россия, ждет избавления. Армия не сомневается, что казаки в ее рядах пойдут на новые подвиги в деле освобождения отчизны... (Деникин, т. III, стр. 199—200).

Выполняя постановления и директивы Кубанской Рады, принятые в декабре 1917 г., Кубанское Правительство почти достигло поставленной цели — освобождения Кубани от большевицкого ига. Руководствуясь теми же постановлениями, а также постановлениями Кубанской Законодательной Рады, это Правительство должно было: 1. вести дальнейшую борьбу с большевицкими армиями, занимавшими еще восточную часть Кубани, Ставропольскую губернию и Терскую область, а также державшими крепко в своих руках Царицын на Волге, и угрожавшими оттуда новым московским завоеванием Кубани, 2. устраивать внутреннюю жизнь Кубанского Края, 3. недопустить, чтобы Кубань, освободившись от русской большевицкой власти, попала под русскую белую власть.

При этих условиях Кубанское Правительство приступило к подготовке созыва Чрезвычайной Краевой Рады. Особенно больным был вопрос о Кубанской армии, организация которой вызывалась насущными, жизненными интересами Кубани. Договор, заключенный Кубанским Правительством с Добровольческим командованием 17 марта в ст. Ново-Дмитриевской, как известно, предусматривал организацию самостоятельной Ку-

банской армии. Требование об осуществлении этого договора было поставлено Кубанским Правительством на его заседании с командованием Добр. армии 12-го августа, через 10 дней после занятия Екатеринодара. Не только председатель Куб. Правительства Л. Л. Быч, но и военный министр Кубани, полковник Савицкий, категорически настаивали на немедленном осуществлении вышеупомянутого договора и на выделении кубанцев в самостоятельную армию. Однако генерал Деникин, опираясь на закулисное соглашение с кубанским Атаманом Филимоновым, демонстративно покинул совместное заседание (Деникин, т. III стр. 208).

18-го августа председатель Куб. Правительства обратился к командованию с письменным протестом против 1. вмешательства проходящих добровольческих отрядов во внутреннюю жизнь станиц и городов, 2. против реквизиций, производимых армией в особенности большевицких складов, запасов и имуществ, которые Кубанское Правительство считало своим призом, 3. против сбора продовольствия и отвода квартир непосредственным распоряжением органов армии, помимо кубанских учреждений.

19-го сентября 1918 года вопрос об организации Кубанской армии стал предметом обсуждения на бурном совещании членов Кубанской Законодательной Рады. Рада требовала немедленного осуществления договора с добровольческим командованием об организации армии.

> „Там, однако, пишет Деникин, у нас (генералов) оказался союзник: Атаман Филимонов защищал позицию командования и Добровольческую армию, в весьма резких выражениях обвинял Правительство (Кубани), требовал устранения им повода к разрыву и призывал к полному единению с (Добровольческой) армией...
>
> „Стоя близко к Добровольческой армии, имея частые сношения с командующим армией“, заявил войсковой атаман Филимонов, — „я не заме-

чал никогда желания последнего мешать работе правительства или стремления к захвату власти; напротив, я слышал от ген. Деникина жалобы на недоброжелательное будто бы отношение Правительства к Добровольческой армии“ (Там же).

Словом, превратившись в послушного агента командования Добр. армии, кубанский Атаман Филимонов явно говорил неправду, нападал на Кубанское Правительство, лишь бы отстоять оставление кубанских полков в распоряжении русских людей. Как мы уже говорили выше, Кубанский Войсковой Атаман, как и Кубанская Законодательная Рада, были избраны Кубанской Краевой (большой) Радой. Атаман не был ответствен перед Законодательной Радой, последняя не могла его удалить законным способом. И наоборот, Атаман не мог распустить Зак. Раду. Атаман был верховным руководителем Кубанских вооруженных сил, его слово в вопросе об организации Кубанской армии имело решающее значение. Как мы видели, Атаман Филимонов высказывался не только против организации отдельной Кубанской армии, но и требовал от Кубанского Правительства полной поддержки добровольческого командования. Такое положение вещей внутри самой Кубани только радовало русских людей и давало им большие надежды.

Если кубанские самостийники не имели успеха в организации Кубанской армии, благодаря открытому противодействию со стороны выборного Кубанского Атамана, то в организации гражданской жизни Края они достигли значительных успехов. По прибытии в Екатеринодар Кубанское Правительство издало целый ряд распоряжений для урегулирования государственной жизни Края, подчинило себе все гражданские установления в Куб. Крае, суды, железные дороги; установило контроль товарообмена Кубани с соседними государствами; в виду наплыва на Кубань „множества различных русских партийных течений и организаций, которые выявляют почти открытое противодействие

правительственной власти", Кубанское Правительство принуждено было издать распоряжение о воспрещении всякого рода собраний, закрывать газеты за статьи, вызывающие недоверие к краевой власти и затрагивающие высших представителей соседних новообразований; в конце сентября мес. Куб. Пр-во воспретило в'езд на Кубань „русских беженцев" без разрешения Кубанского Правительства.

Теперь уже Добровольческое командование устно и письменно протестовало против этих распоряжений Куб. П-ва. Всячески сопротивляясь организации отдельной Кубанской армии, это командование добивалось об'единения под своим руководством дела снабжения, финансовой системы, судебных установлений и т. д.

Вся эта упорная борьба между двумя центрами, русско-кубанским и самостийническо-кубанским, происходила во время ожесточенных боев с большевицкими армиями на Лабе, Урупе, в районе Армавира и Невинномысской, в районе Ставрополя. В этих боях проявлялось с обеих сторон много упорства и героизма, доходило много раз до штыковых ударов. С большевицкой стороны особенно отличалась Таманская армия, состоявшая, главным образом, из иногородних западной части Кубани.

В этих почти беспрерывных боях мобилизованные и добровольно ставшие в ряды армии десятки тысяч кубанских казаков, успешно разбивая большевицкие армии, истекали кровью. В это время добровольческие и кубанские русские генералы старались опутать Кубань единонеделимческими путами.

Верховный руководитель Добр. армии, генерал Алексеев, в своем письме к великому князю Николаю Николаевичу, 15 сентября 1918 г., откровенно писал, как он смотрит на казаков вообще. В этом письме имеются такие слова:

> „... Поставленные в сильную зависимость от казачьих территорий, на которых мы работаем, мы не можем проявлять торопливости в за-

явлении политических лозунгов, ибо это послужило бы во вред делу. Местное население далеко не готово к восприятию идеи монархии. Болезненный микроб федерации еще бродит среди населения. Вот почему с бесконечною осторожностью и уменьем нужно подходить к постановке каждого нового вопроса... Нельзя сказать, что в настоящую минуту казачье население стало вполне прочным и надежным орудием борьбы с большевизмом...“ (Деникин, т. III, стр. 256).

Таким образом, верховный руководитель Добр. армии смотрел на Казачество только как на орудие борьбы за единую, неделимую монархическую Россию. Другой выдающийся руководитель политики Добр. армии, проф. В. Н. Соколов, следующим образом оценивал положение русских людей, группировавшихся вокруг главного командования:

„В рядах Добр. армии насчитывалось, как говорили, до 70% кубанских казаков... Трагедия наша и заключалась в том, что наша военная опора — кубанское казачество находилось под демагогическим влиянием черноморских украинофилов... Наша военная ставка была на казачью силу“... (Соколов: Правление ген. Деникина, стр. 45 и 57).

Согласно свидетельству генерала Врангеля, в начале сентября месяца 1918 г. принявшего командование кубанской дивизией после ген. Эрдели, в это время (сентябрь 1918 г.) вся „конница Добр. армии, за исключением двух конных полков, приданных пехотным дивизиям, состояла исключительно из казаков кубанцев и черкесов“ (Белое дело, т. V, стр. 70).

Состав армии в сентябре месяце Деникин определяет в 10 общероссийских пехотных и два конных полка, в 8 кубанских пластунских батальонов и 16 конных кубанских полков. Зная малочисленность неказачьих формирований, но не желая открыто признать этот факт, Деникин, как будто мимоходом, бросает фразу:

„Казаки входили в большом числе в состав пехотных полков, в особенности 1-го Кубанского, Стрелкового и Партизанского“ (т. III)... В действительности, и в сентябре месяце кубанские казаки составляли подавляющее большинство во всех добровольческих „русских“ полках.

При таком составе армии русские генералы и вообще русские люди все время хотели диктовать Кубани свои условия. После захвата в свои руки кубанских военных сил, добровольческое командование и поддерживавшие его русские люди, казаки и неказаки, стремились подчинить себе Кубань и в гражданском управлении. В том же сентябре месяце 1918 г. они наскоро составили проект „Временного положения об управлении областями, занимаемыми Добр. армией“, устанавливающим, между прочим, следующие положения:

§ 1. Вся полнота государственной власти в областях, занимаемых Добр. армией, принадлежит верховному руководителю Д. армии...

...§ 24. Кубанская область пользуется правами автономии...

§ 25. К предметам ведения Куб. Обл. власти... принадлежит:

1) местная полиция,
2) надзор за печатью,
3) санитарное и медицинское дело,
4) дела местного самоуправления,
5) тюремное дело
и т. д.

Словом, русские люди милостиво соглашались ввести на Кубани земское самоуправление.

Для проведения в жизнь этого проекта русским людям надо было найти поддержку среди кубанцев. Как мы видели, Добровольческую армию всецело и слепо поддерживал выборный Кубанский Атаман Филимонов и часть кубанского (старшего) офицерства. Кроме того, русские единонеделимцы нашли весьма серьезную, пока закулисную, поддержку и среди части членов Куб. За-

конодательной Рады и членов Кубанского Правительства. Многое еще покрыто мраком неизвестности, но многое уже стало известным об этой закулисной работе русских людей на Кубани. Профессор К. Н. Соколов в книге „Правление Деникина“ немного приоткрывает темную завесу над этими тайными переговорами и соглашениями русской части Кубани с общероссами. Он говорит:

„В. А. Степанову и мне было поручено выяснить настроение „противной“ стороны и для этого снестись с теми из кубанцев, у которых имелось основание предполагать сочувствие нам или, по крайней мере, понимание наших „об'единительных“ планов, и которые могли бы своим авторитетом в Кубанском стане помочь проведению их в жизнь П. М. Каплин принял на себя функции посредника, и у него на квартире состоялись две встречи „уполномоченных сторон“. От Добровольческой Армии были мы с В. А. Степановым, от кубанцев — Ф. С. Сушков, Д. Е. Скобцов, Д. А. Филимонов, А. И. Литовкин и хозяин дома...

... Ф. С. Сушков и Д. Е. Скобцов входили в состав правительства Л. Л. Быча; первый управлял ведомством народного просвещения, второй — ведомством земледелия. Д. А. Филимонов, А. И. Литовкин и П. М. Каплин были членами Краевой Рады... только Д. А. Филимонов высказался решительно против диктатуры. Прочие наши собеседники оказались настроенными более терпимо. Они выразили готовность согласиться с преобладанием добровольческого командования, как носителя обще-государственной идеи, и с соответствующим распределением предметов ведения между ним и краевой властью... при этом они не скрыли от нас, что так уступчиво настроены они — линейцы, и что со стороны их „черноморских“ коллег наши проекты встретят совсем иное от-

ношение. Впрочем, они обещали нам свое содействие и выразили надежду, что при правильном ведении дальнейших переговоров успех вполне вероятен...“

Все эти сторонники Добровольческой армии боялись выступить открыто, публично; они за кулисами, потихоньку, но настойчиво сновали паутину, чтобы население Кубани сделать послушным орудием русской политики, чтобы огромные военные силы восставшего кубанского казачества использовать для возрождения распадающейся на национальные части бывшей неделимой России. Великороссия уже открыто шла вместе с Лениным ради построения неделимой России, а другие организовались вокруг Деникина, Колчака и других генералов ради возрождения той же неделимой России. Препятствием для немедленного осуществления русских планов было то, что русские единонеделимцы были поставлены, как писал генерал Алексеев, „в сильную зависимость от казачьих территорий“, что „местное население далеко не готово к восприятию монархии“ и что „болезненный микроб федерации еще бродит среди населения“...

Видя свое бессилие вооруженной рукой навязать Кубани свою волю, видя, что при помощи только кубанских единонеделимцев, атамана, старших офицеров, членов правительства и Рады, не удастся легальным путем навязать Кубани русскую диктатуру, добровольческое командование в борьбе с кубанской самостийностью, обыкновенно, прибегало к поддержке единонеделимцев соседних областей. В сентябре и октябре месяцах 1918 г. командование не раз обращалось за помощью к донским кадетам — председателю Донского Большого Войскового Круга В. А. Харламову, М. С. Воронкову, В. Ф. Зееперу и другим.

В октябре месяце названные лица взяли на себя роль посредников-сватов при переговорах Добр. армии с Кубанским Правительством. Деникин об этом рассказывает следующее:

„К переговорам в качестве „трех лиц“ были привлечены донские к.-д. — председатель Донского Круга Харламов, Зеелер и Воронков. 16-го октября под председательством ген. Драгомирова состоялось предварительное заседание членов „Особого Совещания“ с донскими деятелями“ (Деникин, т. IV, стр. 43).

26-го октября состоялось совещание с кубанцами. На совещании присутствовали от Добр. армии ген. Лукомский (председатель), А. А. Нератов, ген. Романовский и В. А. Степанов; от Кубанского Правительства: Л. Л. Быч, А. А. Намитоков, полковник Савицкий (воен. министр) и Д. Е. Скобцов, от Атамана Куб. войска полковник Успенский, особо приглашенные: В. А. Харламов, М. С. Воронков и В. Ф. Зеелер. На этом совещании было установлено, что „Положение об управлении областями, занимаемыми Добр. армией“, устанавливающее военную диктатуру Деникина, было разработано не главным командованием, а членами партии народной свободы (к.-д.).

Председатель Куб. Правительства Быч, член правительства по делам юстиции Намитоков и военный министр Савицкий ясно и недвусмысленно отвергли предложенный добровольцами и „посредниками“ проект диктатуры. Они заявили, что к переговорам об об'единении должны быть приглашены Украина, Грузия, Горцы Кавказа и, далее, Белоруссия, а потом и Сибирь, что власть должна быть организована путем сложения местных властей; что все, что говорится на совещании, кубанцы обязаны передать Кубанской Раде и что Рада с установлением диктатуры не согласится. „Основная наша мысль та“, говорили эти кубанцы, „что проект должен быть выработан на совещании представителей договаривающихся земель, на котором каждое государственное образование будет иметь по одному голосу“, что дело об'единения нельзя начинать путем завоевания Украины, Дона и т. д., что надо образовать союзный Совет, а Совет организует Правительство, обле-

ченное большими полномочиями, тот же союзный Совет назначит главнокомандующего и определит организацию самой армии на началах воинской дисциплины. (Протокол совещания 26-X-1918).

На это генерал Лукомский ответил:

„Я от лица Добр. армии заявляю, что мы считаем совершенно недопустимым, чтобы союзный совет избирал главнокомандующего. Мы считаем, что в области военной и дипломатической вся полнота власти должна принадлежать главнокомандующему“.

Знаменательна позиция председателя Донского Круга Харламова. Дон, как известно, к тому времени (октябрь 1918 г.) закончил построение своей возрожденной государственной самостоятельности — имел свою армию, законными представителями народа утвержденную конституцию, свой государственный герб и гимн, имел выборного Президента-Атамана, свое Правительство и Законодательную Палату (Войсковой Круг), имел уже свое дипломатическое представительство, территория Дона была обильно полита кровью его освободителей-казаков, на границах Дона была расположена армия Донская, успешно отражавшая попытки русских войск проникнуть на Донскую территорию.

А в это время председатель Донского Круга Харламов добровольно согласился быть помощником у небольшой группы русских генералов, стремящихся навязать свою диктатуру казакам, Украине и, в конце концов, всей бывшей России. Председатель Донского Круга Харламов приехал „уговаривать“ кубанцев принять русскую диктатуру, согласиться вести казаков на завоевание огромной России, которая уже разбила на Волге фронт Учредительного Собрания, которая руками комиссаров и русских генералов и офицеров организовала русскую армию и бросала ее против казаков.

Харламов на этом совещании заявил:

„Добровольческая армия взяла на себя задачу государственного строительства. Установление

власти путем сложения местных властей — путь очень сложный, длительный, а жизнь требует быстрого решения... Мне кажется, что Дон пойдет на предоставление полной власти в области военных и дипломатических вопросов Добровольческой армии, а в разделе 6, трактующем о местной автономии, придется внести поправки" (Протокол совещания).

Видя, что председатель Донского Круга Харламов так решительно и безоговорочно поддерживает диктатуру командования Добровольческой армии и соглашается уже передать в его распоряжение возродившийся Дон, с которым Кубанское Правительство подписало 24-го мая 1918 г. вышеприведенное соглашение о совместных действиях против большевиков, об установлении общего для Дона и Кубани военного совета для выработки плана совместных действий и для проведения этого плана в жизнь и т. д., председатель Куб. Правительства Быч спросил В. А. Харламова: „А право об'явления войны и мира кому должно принадлежать?" На это Харламов ответил: „Это вопрос академический, так как война уже есть".

Под председательством Харламова Донской Войсковой Круг утвердил следующий текст присяги для всех донских граждан:

„Обещаюсь честью Донского казака перед всемогущим Богом и перед Святым Его Евангелием и Честным Крестом, чтобы помнить престол Иоанна Предтечи и христианскую веру и свою атаманскую и молодецкую славу не потерять, но быть верным и неизменно преданным Всевеликому Войску Донскому, своему Отечеству.

Обещаюсь служить ему до последней капли крови, всеми силами способствуя славе и процветанию Войска Донского, обязуюсь повиноваться Большому Войсковому Кругу и избранному Им Донскому Атаману. Возложенный на меня долг

службы буду выполнять с полным напряжением сил, имея в помыслах только пользу Войска Донского и не щадя жизни ради блага Отечества.

Обещаюсь повиноватсься всем поставленным надо мной начальникам, чиня им полное послушание во всех случаях, когда этого требует мой долг Донского казака и Войска. Обещаюсь быть честным, добросовестным, храбрым казаком и не нарушать своего обещания из за корысти, родства, дружбы или вражды.

В заключение данного мною обещания осеняю себя крестным знамением, целую Святое Евангелие и Честный Крест и нижеподписуюсь".

Все донские казаки — Атаман, Правительство, члены Круга и все остальные Всевеликого Войска Донского граждане — принимали эту присягу и клялись „не нарушать своего обещания из за корысти, родства, дружбы или вражды"... Донские казаки складывали свои головы на фронте, защищая Донскую вольность, а председатель Круга Харламов, угодливо и покорно, тайно действуя за спинами избравших его казаков, и Донскую армию клал к ногам претендента в русские диктаторы. Видя перед собою услужливую фигуру кубанского атамана Филимонова и его кубанских единомышленников и пособников, видя перед собою низкопоклонную фигуру председателя Донского Круга Харламова, что могли думать о казаках, о казачьих республиках, о казачьих выборных властях, бежавшие из России русские генералы, помещики, купцы и т. д.

История каждого народа клеймит, обыкновенно, имена предателей и изменников. Тот предатель — передал противнику план мобилизационный, другой — план обороны, третий — войска противника провел неведомыми тропами в тыл своим войскам, тот — открыл тайный вход в крепость и т. д. Размеры вреда государству от деятельности изменников и предателей в значительной степени определяются тем положением, которое предатель занимает в государственном ме-

ханизме гражданского управления или в армии. Чем выше сидит изменник, тем бельше он знает и тем стршнее его предательская роль! Слабость, безволие, неуменье вести порученное дело, а, тем более, предательство со стороны правителей много раз подрывали усилия, сводили к нулю все великие жертвы даже у больших народов, долгое время живших государственной жизнью. Тем легче было наносить вред возрождающейся, молодой казачьей государственности. Отдавая Казачьи Республики, казачьи армии в руки белых русских генералов, казачьи единонеделимцы втягивали казаков в войну с той самой русской силой, которую организовали и бросали на казаков другие, красные единонеделимцы.

Русские генералы, сидевшие в Москве и работавшие у большевиков, черпали силы для организуемой ими русской красной армии из огромного 70-ти миллионного резервуара истинно русских людей, со времени Андрея Боголюбского, со времени Ивана Калиты, со времени Василия III и др. Иванов и Василиев московских, со времени самодержцев петроградских, воспитываемых в беспрекословном, рабском повиновении самодержавной власти.

Русские белые генералы, проработав целый год на казачьих землях, проиграли свою ставку на патриотизм русских людей. Генерал Брусилов просто запретил русским офицерам идти на юг, к Корнилову-Алексееву-Деникину, а русские офицеры, в количестве многих десятков тысяч собравшиеся на Дону, на Кубани и на Тереке, тоже не дали Деникину серьезной поддержки. Мобилизация Деникиным неказачьего населения в Ставропольской и Черноморской губерниях и на Кубани дала самые плачевные результаты. Разница между московскими и южными единонеделимцами была только в том, что московские просто об'явили казаков изменниками революции, контр-революционерами и посылали против казаков русские армии, а единонеделимцы южные, не брезгая никакими способами, ползали ужами между казаками, соблазняя их вкусным русским яблочком, заманывали казаков на московскую дорогу, стремились опу-

тать их крепко своими сетями, чтобы только заставить казаков идти на Москву, разбивая перед собой многочисленные русские красные армии.

На что собственно надеялись казачьи единонеделимцы, когда тянули казаков на московскую дорогу?

Если бы Филимоновы, Сушковы, Скобцовы, Харламовы, Степановы и иже с ними шли добровольцами в армию Деникина, кто и что мог бы иметь против этого! Это их частное дело. Но ведь они сами туда не шли, предпочитая занимать высокие должности в теплом и сытном тылу, а впутывали целые казачьи Края в борьбу во всероссийском масштабе, для казаков вредную, приведшую, в конце концов, их к гибели и к эмиграции.

Кубанские самостийники предлагали другой путь для защиты родных замель — это путь сговора Кубани прежде всего с Доном и Тереком, а потом и с другими народами, боровшимися за свое освобождение. Эту мысль кубанцы проводили в договоре с Доном, заключенном 24 мая 1918 г., эту же точку зрения они осуществляли и при установлении взаимоотношений Кубани с Украиной. Посылая на Украину Кубанскую чрезвычайную комиссию (в конце сентября 1918 г.), Кубанское правительство снабдило ее следуюшей грамотой на имя Гетмана Украины:

„Ваша Світлосте! Керуючись свідомістью спільности політичних, культурних і економічних інтересів України та Кубані і щиро бажаючи скріпити дружні видносини між обома рідними країнами, ми, військовий отаман Кубанського Козацького Війська і Кубанське Краєве Правительство визнали за необхідне вислати до Вашої Світлости надзвичайну місію на чолі з полковником В. М. Ткачовим і в складі члена Законодавчої Ради П. Л. Макаренка і полковника Евтушенка, котрим доручаємо вітати Вашу Світлость і Правительство Держави Української і, як що на те буде згода Вашої Світлости, поставити перед Правительство України питання про заключення

в найближчий час між обома країнами порозуміння. Насушні інтереси обох Країн, як видно, вимагають як-найтіснішого зближення між ними і Кубанське Правительство має тверду надію, що з давніх давен звязані між собою кровними узами і повні яскравих прикладів боротьби за незалежність, Україна й Кубань знову дадуть зразок могучого братнього союза“ (Дорошенко: історія України, т. II, стор. 198—199).

Эту грамоту подписал не только председатель Кубанского Правительства Быч, но и Войсковой Атаман Филимонов. Как видим, в этой грамоте говорится о желательности самого тесного сближения между Украиной и Кубанью и об установлении братского союза между ними. Нужно сказать, что Кубанская Чрезвычайная Миссия, прибыв в Киев в начале октября, встретила там, как и первая Кубанская Делегация, самый сердечный, действительно братский прием. В помощь Миссии Кубанское Правительство послало целый ряд советников и экспертов по делам торговым, финансовым, железнодорожным, почтово-телеграфным, кооперативным и т. д. Правительство Украины распорядилось о немедленной выдаче для Кубани новых транспортов вооружения. После кратких подготовительных работ между Правительством Украины и Правительством Кубани были выработаны и подписаны следующие соглашения:

1 ноября: Почтово-телеграфное,

1 ноября: о банковских и ссудосберегательных касс операциях,

3 ноября: железнодорожная канвенция,

3 ноября: о торговых, консульских и мореходных сношениях.

Если между Кубанским Правительством и Добровольческой армией почти на каждой версте совместного пути происходили беспрерывные недоразумения, угрозы кровавым переворотом и т. д., если с Добровольческой армией, в конце концов, Кубань никогда не имела ни по одному вопросу добровольно принятого

соглашения, то между Украиной и Кубанью в течение коротких двухнедельных переговоров были выработаны и подписаны соглашения по жизненным вопросам. Причем со стороны Кубани эти соглашания подписали такие люди, как полковник Ткачов — знаменитый кубанский авиатор, ныне генерал, В. П. Родионов, Н. Сырейщиков, которые украинцами себя не считали, но в установлении добрососедских отношений между Кубанью и Украиной видели обеспечение насущных интересов Кубани. Весьма характерно и поведение Кубанского Атамана: 19 сентября на заседании членов Рады он весьма рьяно и решительно выступал за сохранение кубанских войск в полном распоряжении Деникина, стремившегося к уничтожению самостоятельного украинского государства, а 26 того же сентября месяца подписал грамоту Гетману Украины и в этой грамоте говорил об общности политических, культурных и экономических интересов Украины и Кубани, говорил о том, что с древних времен Украина и Кубань связаны между собою кровными узами и полны ярких примеров борьбы за независимость, и высказывал надежду, что Украина и Кубань дадут пример могучего, братского союза. Так могли поступать только беспринципные политические хамелеоны, только государственные люди, не брезгающие никакими средствами ради достижения своих целей.

В ответ на присылку Кубанской миссии в Киев, Правительство Украины прислало на Кубань свою Чрезвычайную миссию во главе с полковником Ф. Боржинским; был также назначен на Кубань и постоянный консул Украины.

Переговоры Дона с Украиной, на первых порах, весьма тормозились вопросом о Таганрогском округе. В конце концов, 7 августа 1918 г. между Украиной и Доном было подписано соглашение о границах и о взаимном признании суверенности и независимости (Донская Летопись, т. III). Потом между Доном и Украиной были подписаны следующие соглашения:

5-го сентября: „Договор о совместном регулировании вопросов, касающихся Донецкого Бассейна“,

5-го сентября: О перевозке пассажиров, угля и грузов и т. д.,

7-го сентября: О передаче подвижного состава железных дорог и т. д.

Бывший министр иностранных дел Украинской Державы, проф. Д. Дорошенко, в написанной им „Істории Украины“ такими словами оценивает взаимоотношения Украины и Дона:

> „Між Україною й Доном справді установились приязні добросусідські відносини. Українське правительство й далі передавало за гроші і у кредит запаси зброї й амуніції донцям, миж обома державами почався жвавий товарообмін. Дипломатичним представником України на Дону був спочатку (тимчасово) М. А. Славинський, а потім генерал К. Середин“.

Таким образом между Украиной, Доном и Кубанью в самое короткое время были установлены вполне доброжелательные отношения, основанные на взаимном признании суверенности и на договорах по различным жизненным вопросам. Укрепление этих отношений между ними, безусловно, наносило удар всем единонеделимцам. Самый факт существования этих государств приводил в неистовство русских единонеделимцев, как тех, что сидели в красной Москве, так и тех, что организовали „белое“ движение. И замечательно сходство между этими двумя, казалось бы различными, русскими лагерями: и красные и белые русские люди всячески старались подрывать внутреннее единство и крепость новых государств, старались вызвать внутреннюю борьбу в этих республиках, и, в конце концов, и красные и белые русские люди, если только имели силу, шли войною против них.

Кубань и Дон писали грамоты на Украину, подписывали между собою и с Украиной, как суверенные, независимые государства, договоры, искали военного

сотрудничества, а в это время Кубанский Атаман Филимонов, члены Кубанского Правительства и Рады — Ф. Сушков, Д. Скобцов, Н. Каплин и др. — председатель Донского Войскового Круга Харламов, закулисно вошли в соглашение с командованием Добровольческой армии с целью борьбы за единую и неделимую Россию. Рядовое донское и кубанское казачество и офицерство обильно орошало своею кровью широкие казачьи степи, защищая родные Края от большевиков, а верхи казачьи, казачьи выборные правители разделились: одни прилагали весь свой разум, все свои силы и все свое уменье для честного и активного проведения в жизнь постановлений Донского Круга и Кубанской Рады, а другие, как настоящие тати и ночные грабители, действуя тайком за спинами казаков, предавали эти казачьи республики в руки бежавших в Казачьи Замли от своего народа русских генералов.

Просто ужас охватывает душу даже теперь, через 14 лет после описываемых событий, когда вдумываешься в прошлое и анализируешь причины порабощения Казачества новой русской большевицкой властью. Казачьи края залиты кровью, десятки тысяч расстреляно кровавой московской рукой, сотни тысяч сослано на голодные работы для обогащения московской кассы, миллионы вымирают от недоедания и голода в родной земле! А почему все это произошло? Почему Финляндия, Эстония, Латвия, Литва свободны? Ведь эти четыре государства, вместе взятые, не выставили против большевиков таких огромных военных сил, какие дали казаки только Дона, Кубани и Терека в 1918—1919 г. г! Ведь народы финский, эстонский, латышский и литовский в борьбе с Россией в 1918—1919 г. г. не пролили столько крови, сколько пролили казаки! Ведь эти народы не были тогда мобилизованы почти поголовно, как это было в это время на Дону, на Кубани, на Тереке. Трудно нам говорить о доблести войск этих народов но ведь героизм и беззаветная храбрость казаков известны всему миру. Ведь и у латышей и у финов и т. д.

были свои большевики, как были они и у казаков. Ведь латыши спасли большевицкую власть в Москве летом 1918 года, когда против большевиков с оружием в руках выступали левые с.-р. Да и теперь среди большевиков в Москве имеются и латыши, и финны, и эстонцы, и поляки, иногда они занимают высокие посты.

Разница между казачьей освободительной войной и войной вышеназванных народов за свою независимость, заключается, между прочим, в том, что у финов, эстонцев, латышей и литовцев изменники народа просто переходили в стан врагов национального освобождения и государственной независимости. Все равно, вследствие каких мотивов это они делали, в силу ли своих убеждений или в силу продажности и личной корысти. Если же эти изменники национального освобождения оставались среди рядов борцов, ради более успешной работы на пользу Москвы, то их национальная финская, эстонская и т. д. власть ловила, сажала в тюрьмы или просто расстреливала. У казаков было не так. Казаки принимали Конституции своих государств, присягали на верность казачьим республикам, а потом каждый брался за свое дело: один шел на фронт, переносил все тяжести войны, жизнью рисковал, защищая свою землю, свое государство, исполняя просягу; а другой, правдами и неправдами, добирался до высокого поста в казачьем государстве и потихоньку путал паутину предательства и измены Казачеству. Никто не принуждал Филимонова или Харламова оставаться на высоком посту в казачьем государстве, если служба их, обусловленная присягой, расходилась с их политическими убеждениями. В каждый момент они могли уйти, заявив или не заявляя о действительных мотивах ухода, они могли поступить в добровольческую армию и идти на фронт или занимать у добровольцев ту или иную должность в тылу, как это делали многие русские люди, и ничего зазорного в том не было. Могли они, конечно, и просто отойти в сторону от политической работы и быть честными священниками, судьями, учителями, кооператора-

ми и т. д., словом, вести аполитичную работу, необходимую для обслуживания духовных или хозяйственных нужд населения.

К глубокому сожалению, у многих казачьих руководителей не хватило простой, элементарной до крайности, честности и порядочности, чтобы оставить высокие посты, если пребывание на них расходилось с их убеждениями. Наоборот, у некоторых казачьих политиков хватало непорядочности, бесчестности и элементарной подлости, чтобы принимать присягу на верность служения возрожденной казачьей государственности и в своей практической деятельности предавать казачьи республики, губить казачье дело.

Что может быть проще, яснее и природнее, напр., предложений, сделанных в свое время председателем Кубанского Правительства Бычом и членами Правительства полковником Савицким и А. Намитоком на совещании с представителями Добровольческой армии и донскими высокими „посредниками“: 1. к переговорам об об'единении пригласить представителей Украины, Грузии, Горцев Кавказа, Белорусии и т. д.; 2. организовать союзное государство и общую власть в нем путем сложения местных властей, 3. эта власть должна быть действительно государственной властью, т. е. только ей принадлежит право об'явления войны и мира, право сношения с иностранными государствами и заключение с ними тех или иных договоров и соглашений, издание общесоюзных законов, этой же власти, чтобы принадлежало право и обязанность организовать защиту своего государства от внешнего нападения, назначение главнокомандующего в действующей против неприятеля армии или армиях и т. д.

В этой постановке вопроса ничего, собственно, нового не было. Ведь тот же Харламов и тот же Филимонов в 1917 г. участвовали в организации Юго-Восточного союза Дона, Кубани, Терека, Астрахани, Горцев Кавказа и Вольных народов степей; ведь, Харламов был даже председателем правительства этого Со-

юза; ведь, Филимонов, как Кубанский Атаман, подписывал 24 мая 1918 г. соглашение с Доном; ведь он, как Атаман, подписал грамоту к Гетману Украины и послал туда Кубанскую Миссию, между прочим, и с целью соглашения между Украиной и Кубанью; ведь, именно в то время, когда в Екатеринодаре заседало совещание представителей Добрармии, Куб. Правительства, Кубанского Атамана и донских „посредников“ во главе с Харламовым, Кубанская Миссия подготовляла в Киеве вышеупомянутые соглашения Кубани с Украиной, исполняя данные ей Кубанским Атаманом и Правительством важные поручения, ведь суверенный Дон уже имел, как мы видели, целый ряд соглашений с Украиной, подписанных выборным Донским Атаманом или уполномоченными им для подписи лицами...

Все это было, все это знали и Кубанский Атаман, и все члены Кубанского Правительства, и председатель Донского Войскового Круга. Но часть кубанских и донских ответственных деятелей имели свои, тогда еще секретные, совещения и соглашения с добровольческим командованием, дали этому командованию известные обещания и старались эти обещания выполнить. Стоило только представителю Добровольческой армии заявить, „что в области военной и дипломатической вся полнота власти должна принадлежать главнокомандующему“, как Харламов спешит заявить, что он признает Добровольческую армию носительницей государственной идеи, временной заместительницей общероссийской государственной власти и что „Дон пойдет на предоставление полной власти в области военных и дипломатических вопросов Добровольческой армии“...

Совершенно естественно, совещание это только сконстатировало существование диаметрально противоположных точек зрения.

Все эти закулисные совещания только еще раз подчеркнули существование в противобольшевицком лагере двух, враждующих между собою и готовых перейти в открытую борьбу, групп: с одной стороны —

русской, в составе командования Добр. армии, массы группировавшихся вокруг нее русских деятелей, не только бежавших из России в хлебосольные и уютные Казачьи Земли, но и влиятельных казачьих деятелей — Филимоновых, Харламовых, Скобцовых, Каплиных и т. д., и, с другой стороны — казачьих самостийников. Первая группа была явно многочисленнее, кроме того, она, как мы видели, не брезгала в выборе средств для достижения поставленных ею целей. Другая группа была, без сомнения, очень осторожна в выборе средств борьбы. Первая группа ставила одну задачу — борьбу с большевизмом за небольшевицкую Россию. Вторая группа ставила, в сущности, две задачи — борьбу с большевизмом, одна, и борьбу за освобождение и создание национальных республик, другая. В первый период борьбы, со времени захвата власти большевиками в Петрограде до, примерно, 1-го марта 1918 г., обе группы проиграли борьбу с большевиками, а, значит, русские проиграли борьбу за небольшевицкую Россию, а противорусские — проиграли и борьбу за освобождение, и борьбу за свои национальные республики. В этот первый период войны Донской Атаман Каледин творил с добровольческими генералами Триумвират — зародыш общерусской власти. Донской Круг вступил в соглашение с общерусской кадетской партией, а более левые элементы пошли с русскими большевиками.

Кубанским Пвавительством было запрещено производить набор добровольцев для Добрармии. Тогда, как мы видели, Добровольческая армия пришла на Кубань через дворец Атамана Филимонова и в конце первого периода борьбы захватила в свои руки кубанские вооруженные силы — Покровский назначен командующим кубанскими войсками 14-го февраля, а Корнилов вступил в командование фактически ровно через месяц. Соглашение 17-го марта, писанное и подписанное под гром орудий и клекот пулеметов, было только оформлением уже фактически состоявшегося об'единения. Если бы соглашение 17 марта и не было подписано, соеди-

нение отрядов под командованием Корнилова все равно бы состоялось.

Со времени поголовного восстания против советской власти Донского, Кубанского и Терского Казачества начинается второй период, теперь уже открытой, вооруженной, жестокой и кровавой, борьбы. При чем и русские силы и самостийнические силы стремились направить эту борьбу в желательное русло: русские хотели сделать ее только противобольшевицкой, но за Россию, самостийнические силы не отказывались поддержать ее, как противобольшевицкую, но имели в борьбе свои собственные политическо-государственные цели.

Что касается казачьей массы, то она не захотела воевать с большевиками в самом начале надвигавшейся опасности, внимательно присматриваясь и прислушиваясь к тому, что делалось и говорилось в Екатеринодаре, Новочеркасске... Иногда на местах выносились постановления о самостийности Казачьих Земель, но не брались за оружие для защиты этой самостоятельности. Присмотревшись хорошенько к новой русской власти, испытав на себе ее первую практику, казаки восстали. Созванные Круги и Рада оформили казачье движение в определенных законах. Масса поклялась в верности своим краям и исполнила свое обещание. Особенно характерным является текст донской присяги. Верхи же поклялись в верности Дону, Кубани и Тереку, но часть этих верхов повернулась лицом туда, где пребывало командование Добровольческой армии, эта новая руская свеча, которую русские патриоты хотели разжечь в русское солнце... (Не даром особенно прыткие русские люди называли Деникина новым Иваном Калитой). Добровольческая армия хитро повела дело — во главе победоносных казачьих войск, всюду встречаемых пасхальным звоном, цветами и обильными, веселыми трапезами, стояли русские люди: Дроздовские, Боровские, Эрдели, Покровские, Кутеповы, Казановичи, Врангели и т. д.

Добровольческое командование имело у себя весь-

ма небольшие силы русских добровольцев, но оно опиралось на старую русскую традицию, оно опиралось на былое могущество России и на предательскую в отношении своих Земель и избравшего их населения, работу казачьих верхов.

Русские люди вели горячую закулисную подготовительную работу: они внимательно следили в Екатеринодаре-Новочеркасске за работой казачьих самостийников. Агенты добровольческого командования следовали по пятам деятельность донских и кубанских делегатов на Украину, агенты этого командования проникали в правительственные канцелярии на Дону и на Кубани, в правительственную разведку, в осведомительные бюро. Они выкрадывали (снимали копии) с наиболее важных документов (выкрали, например, письмо Донского Атамана к императору Вильгельму; заведующий политической разведкой у Кубанского Правительства, полковник К., был фактически агентом добровольческого командования и подробно устно и письменно информировал это командование о всех, известних ему, шагах Кубанского Правительства).

Таким образом, деятельность кубанских и иных казачьих самостийников была основательно опутана со всех сторон, как русскими казаками, так и русскими добровольцами. При всех этих условиях на сравнительно небольшую казачье-горскую группу легла чрезвычайно ответственная задача: вытянуть массы из идейного хаоса, вырвать их из русских сетей, указать массе настоящую цель борьбы и пути достижения этой цели с наименьшими жертвами людьми и имуществом. Сама эта масса была разделена на казаков и неказаков. Неказаки не только в большом числе пополняли большевицкие армии, но и создали весьма сильную группу войск, именуемую Таманской армией. Эта армия прошла Черноморским побережьем от Новороссийска до Туапсе, повернула на северо-восток к Белореченской, прорвалась через казачьи полки у этой станицы и, соединившись с главними большевицкими силами в Ла-

бинском отделе, составила среди большевицких армий наиболее могучий кулак.

Вследствие такого разделения населения Кубани на две борющиеся между собою группы, казачье-горская интелигенция могла, временно, находить поддержку только у двух третей населения Кубани, — одна треть населения поддерживала красную Москву. Среди первых двух третей населения не мало было людей, поддерживавших белую Москву.

А в это время на фронте продолжались кровопролитные, упорные бои. В начале сентября месяца большевики еще крепко держались у Ставрополя, Армавира и между Кубанью и рекою Лабой. Бои шли на извилистой линии фронта, приблизительно: Майкоп-Армавир-Ставрополь-Дивное у Маныча. Большевики не только отражали атаки наших войск, но сами часто в разных местах фронта переходили в наступление. Положение дел на фронте в сентябре-октябре месяцах генерал Деникин характеризует так:

„...В ночь на 13-ое сентября большевики выбили наши войска из Армавира (узловая станция и большой город на перекрестке жел. дорог Ростов-Владикавказ и Туапсе-Ставрополь). Я повторил приказание атаковать Армавир 14 (сентября). Переведя дивизию у Прочноокопской на левый берег Кубани и соединившись с Тимановским, Дроздовский повел атаку на город с северо-запада, понес серьезные потери, но успеха не имел... [Необходимо отметить, что после упорных боев 11-13 сентября Армавир заняла так назыв. Таманская армия, состоявшая, главным образом, из кубанских иногородних-украинцев Таманского отдела; и в этот период Армавирских боев шло, собственно, состязание между кубанскими иногородними и добровольческо-кубанскими отрядами под Армавиром. Западнее Армавира, у станицы Михайловской, Кубанская казачья дивизия (бывшая ген. Эрдели, теперь ею командовал

генерал Врангель) вела упорные бои между Армавиром и станицей Курганной с другой группой большевицких войск. Югозападнее от дивизии Врангеля, между реками Лабой и Белой, вела бои Кубанская дивизия Покровского. В тылу у большевиков, к югу от Невинномысской и Курсавки, вела успешные бои с большевиками группа кубанских войск под командованием генерала Шкуро].

...„Михайловская группа большевиков (в 20-25 верстах к западу от Армавира) была зажата, ослаблена, прикована, но все усилия разбить ее не увенчались успехом. Кубанцы несли большие потери, которые вновь и вновь пополнялись притоком, идущим из освобожденных станиц. Я был 16-го в отряде Дроздовского. Он считал бесцельным дальнейшее наступление на Армавир, пока не будет разбита Михайловская группа... Согласившись с ним, я оставил на Армавирском направлении слабый заслон полковника Тимановского и в тот же день двинул Дроздовского с главными силами против Михайловской, дав ему задачу — нанести быстрый и внезапный удар с востока во фланг и тыл Михайловской группе и совместно с конницей Врангеля разбить ее... Атака Дроздовского не имела успеха; части его понесли тяжелые потери и к вечеру отошли к Петропавловской. Между тем Врангель, обойдя Михайловскую (с запада), вышел в тыл Михайловской группе и овладел Курганной, перехватив коммуникации противника... Но когда, отбив Дроздовского, большевики от Михайловской повернули против 1-ой дивизии (Врангеля), и к тому же обозначилось наступление (большевиков) с юго-востока от Константиновской, положение Врангеля между двумя речками стало весьма тяжелым; с наступлением сумерек он с трудом, но благополучно вывел дивизию по единственной

переправе жел.-дор. мосту через Чамлык... 1-ая Кубанская дивизия Покровского, отбросив противника, занимавшего линию реки Фарс, широким фронтом (40—50 верст) наступала к Лабе... К 14-ому сентября Покровский, опрокидывая противника, подошел к Лабе, захватив Мостовое и, переправивши часть сил через Лабу, преследовал бегущих большевиков... Тысячи повозок обоза, множество пленных попали в наши руки... Этот значительный успех... встревожил большевицкое командование... Майкопская (большевицкая) группа была усилена и 15-го на всем фронте перешла в наступление, оттеснив Покровского на левый берег Лабы. 10 дней продолжались бои с большевиками, перешедшими Лабу в нескольких местах и наступавшими в общем направлении на Майкоп. В ночь на 28-е большевики, отчаявшись в успехе наступления на этом фронте, ушли за Лабу, теснимые по пятам кубанцами, переправившимися также у Владимирской. Положение здесь оставалось попрежнему угрожающим для большевиков.

Неудачно для нас складывалась обстановка на левом фланге. Сорокин, сосредоточив крупные силы против Невиномысской, с 10 сентября несколько раз настойчиво атаковал Боровского, но понес большие потери и в начале успеха не имел. Наконец 15-го он принудил Боровского отойти к Ново-Екатериновке и овладел Невиномысской, открыв вновь сообщение своей армии по Владикавказской магистрали...

... В то время, как Невиномысская группа большевиков против фронта Боровского повидимому все больше усиливалась, назревала серьезная угроза и его (Боровского) тылу и сообщениям в Ставропольском районе. В результате работы в сентябре месяце, на северо-востоке и востоке Ставропольской губернии сорганизовались

две сильные группы (большевиков): в районе Дивное — 2-я Ставропольская дивизия или группа Ипатова (12 тысяч штыков, 1000 сабель), и в районе Благодарное — 1-я Ставропольская дивизия или группа Рыльского (5 тысяч штыков, 500 сабель); кроме того к северо-востоку от Петровского стоял отряд Жлобы, силою до 6 тысяч... Против этих частей мы имели мелкие отряды восточнее Медвежьего у Донского, гарнизон Ставрополя и 2-ю Кубанскую дивизию у Петровского, общей численностью 4-5 тысяч. 16-го сентября 2-я Ставропольская дивизия большевиков начала наступление одновременно в трех направлениях: на Торговую, Медвежье и Донское... Для прикрытия Торговой мною был переброшен по жел. дороге небольшой отряд, а к станции Егорлык стянуты с разных сторон $1\frac{1}{2}$-2 тысячи и 2 орудия. В командование этим отрядом (состав отряда: кубанские пластуны и и конница, части польской бригады, добровольческая артиллерия. Для характеристики наших масштабов боевого снабжения: отряду дано было 150 снарядов и по 70 патронов на винтовку) вступил генерал Станкевич, который получил задачу обеспечить Ставрополь с севера. Выдвинувшись к Безопасному, он отбросил противника, и на несколько дней здесь водворил спокойствие. В свою очередь полковник Улагай (2-я Куб. дивизия в районе Благодарного 28-го разбил 1-ю Ставропольскую дивизию и на некоторое время вывел ее из строя. Но 2-я Ставропольская (большевицкая) дивизия в конце месяце вновь перешла в наступление крупными силами и отбросила отряд Станкевича; в то же время северная колонна ее заняла села по нижнему Егорлыку в одном переходе от Торговой.

Необходимо было как можно скорее ликвидировать эту постоянную угрозу нашей связи с

Доном и войсками правого берега Кубани, тем более, что у Невинномысской шло сосредоточение крупных большевицких сил... Соединенными силами Станкевича (кубанцы и часть поляков), Улагая (кубанцы) и 2-ой дивизии (большинство — кубанцы) большевики были разбиты у Терновки... Станкевич преследовал противника на северо-восток и в боях 12-14 (октября) в районе Большой Джалги, в которых приняла участие и шедшая от Торговой вдоль Маныча Донская бригада, нанес им вновь сильное поражение. Дальнейшее преследование стало невозможным, так как в эти дни у Невиномысской и Ставрополя развивались события, потребовавшие спешного возвращения туда 2-ой дивизии и конницы Улагая.

Тяжкие сентябрьские бои обескровили и нас, и противника“ (Деникин, т. III, стр. 222-226).

Таким образом, даже на основании материалов, приводимых в книге Деникина, мы можем констатировать, что вся тяжесть кровавых сентябрьских боев между Белой и Лабой и на Лабе (кубанская дивизия Покровского, кубанский отряд генерала Геймана), между Лабой и Кубанью (дивизия кубанцев под командованием Врангеля), к северу и северо-востоку от Ставрополя (отряд генерала Станкевича) и у Невиномысской (дивизия Боровского — большинство кубанцы) легла на Кубанцев. Следует особенно подчеркнуть то обстоятельство, что в это время боев Кубано-Добровольческие части не могли сами справиться с большевицкими войсками, действовавшими на Северном Кавказе и во время наступления большевиков на Торговую потребовалась помощь Донской бригады. Донское командование принуждено было послать ее сюда в то время, когда Донские казаки, как мы видели, защищали свою землю со стороны Москвы на огромном 800 верстном фронте, когда они бились у Царицына. Во время выше описанных боев в северной части Ставропольской губернии большевицкая дивизия Жлобы самовольно оста-

вила большевицкий противокубанский фронт и ушла к Царицыну, ударив там в тыл донским казакам, полукольцом охватившим этот город. Хотя северо-кавказское большевицкое командование и об'явило Жлобу вне закона за самовольный уход с фронта, но дивизия Жлобы сразу поправила довольно тяжелое положение большевицких войск, защищавших Царицын от донских полков.

Как мы видели, в сентябрьских боях добровольческая дивизия Дроздовского отдала Таманской большевицкой армии город Армавир и, несмотря на все усилия, не могла взять его обратно. Эта же дивизия безуспешно наступала на Михайловскую большевицкую группу войск и не могла выполнить данного ей задания.

В это время у большевиков наступил полный развал и дезорганизация, как в военном, так и в гражданском управлении. Об этом свидетельствует не только самовольный уход с фронта дивизии Жлобы, но и отказ командующего Таманской армией Матвеева подчиняться Сорокину. Во второй половине сентября месяца Матвеев собрал на совещание в Армавире командиров частей этой армии и совещение одобрило заявление Матвеева о непризнании им главнокомандующего Сорокина. Последний вызвал Матвеева в Пятигорск и там расстрелял его по приговору военно-революцинного суда. Эта казнь вождя Таманской армии вызвала страшное возмущение в рядах этой армии и усилила среди большевицких руководителей давнее недоверие к Сорокину. Согласно указаниям из Москвы единоличная власть командующего войсками была заменена Революционным Военным Советом в составе председателя Полуяна (казак ст. Елизаветинской) и членов Совета: Гайчинца, Петренко, Сорокина и Крайняго. Был организован новый штаб во главе с Одарюком, казаком ст. Березинской. Эти изменения в верховном руководстве большевицкими силами только усилили дезорганизацию. Сорокин не хотел остаться в тени.

Среди большевицких войск велася усиленная подпольная агитация: одни обвиняли Сорокина в измене и предательстве, другие обвиняли Центральный Исполнительный Комитет Северо-Кавказской Республики в том же.

Когда было приказано расформировать штаб Сорокина, последний очень резко выступил против этого распоряжения. 14-го октября Сорокин приказал чинам своего штаба арестовать членов Центрального Исп. Комитета Рубина, Крайнего, Дунаевскаго, Режанского и Власова и через несколько дней расстрелял всех их. Кроме Власова все расстрелянные были евреи.

По этому поводу в „Очерках гражданской борьбы на Кубани“ (Ладоха, стр. 115) читаем следующее:

> „Аресты и расстрелы произвели на окружающих страшное впечатление. Все были терроризированы и не знали, что предпринять. А контрразведка Сорокинского штаба повсюду разбрасывала щупальцы, стараясь из'ять всех, кто был против Сорокина. Чтобы оправдать свой поступок перед красноармейскими массами, Сорокин издал приказ, приложив сфабрикованные документы, которые яко бы уличили расстрелянных в сношениях с белогвардейцами... Армавирский партийный комитет и оставшиеся члены Ревоенсовета повели работу, направленную на раз'яснение красноармейцам смысла происшедших ужасных событий.
>
> В Невиномысской состоялся Краевой с'езд Советов и делегатов фронта. С'езд встал на сторону Центр. Исп. К-та и об'явил Сорокина и весь штаб его вне закона. Избранная с'ездом чрезвычайная тройка беспощадно расправилась с лицами, замешанными в крававом преступлении. Более 40 человек... были расстреляны. Сорокин пытался спастись в Ставрополь (взятый советскими частями накануне выступления Сорокуна), но был арестован. Командир одного из

Таманских полков, т. Высленко, застрелил его в тюрьме, как об'явленного вне закона"...

... Красноармейские массы и без того были часто склонны видеть на верху в руководящих организациях „измену" и „продажу". Тут же глава армии бросил по отношению к руководящему учреждению края самые клеветнические обвинения, пустил в ход самую грязную демагогию. Развал и деморализация — вот следствия авантюры Сорокина в рядах армии"...

Расстрел командующего Таманской армией Матвеева, расстрел председателя и членов Ц. И. Комитета, расстрел Сорокина и его штаба, все это было причиной весьма серьезного расстройства в руковоестве сложными большевицкими операциями. Несмотря на это, большевицкие войска продолжали оказывать весьма серьезное сопротивление, переходя иногда даже в наступление против Кубано-Добровольческих отрядов.

Исследователь войны на Северном Кавказе, Г. Ладоха, о задачах большевицкой армии в октябре месяце говорит следующее:

„На ряду с задачей реорганизации армии, перед советским командованием стояли два важных оперативных задания. Приказом Реввоенсовета Северо-Кавказского военного округа, находившегося в Царицыне, группе Кубанских советских войск, реорганизованных в XI армию, предписывалось войти в связь с X армией, действовавшей справа в районе Маныча, и XII армией, находившейся в Терской области.

Для выполнения этой задачи необходимо было две операции. Для соединения с X армией надо было взять Ставрополь. Во исполнение этой задачи Таманская армия была взята с Армавирского фронта и переброшена в Невиномысскую. Для выполнения задачи соединения с XII армией была двинута Шариатская колонна.

Ошибка, допущенная советским командова-

нием, заключалась в том, что обе операции проводились одновременно. Благодаря этому белые имели возможность сначала разгромить Армавирский фронт и, сделав со стороны Баталпашинска прорыв на Невиномысскую, ударить в тыл Ставрополю. Переброшенная на Невиномысскую Таманская армия под командой Ковтюха (офицер из иногородних станицы Полтавской), ночью двумя колонами выступила 10 октября к Ставрополю... После артиллерийского обстрела красные части под музыку „Марсельезы" бросились в неприятельские окопы. Бой шел весь день 13 октября и к вечеру часть города была очищена от белых. 14 октября красные войска под звуки музыки вступили в очищенный белогвардейцами город. Добычей красных частей были много пулеметов, часть интенданства и броневик".

Деникин пишет по поводу этих операций следующее:

„10 октября Невиномысская группа большевиков перешла в наступление на север, на фронт Дроздовского. Это было началом решительного для Добровольческой армии двадцати-восьмидневного боя под Ставрополем.

Отряду Дроздовского (3-я дивизия и пластунская бригада) предстояло всемерно задерживать противника до прихода с севера 2-й и 2-й Кубанской дивизий. В течение 14-го Дроздовский вел напряженный бой на подступах к Ставрополю, стараясь при помощи подошедшего с севера Корниловского полка вернуть захваченную большевиками гору Базовую. Атаки Корниловцев и Самурцев не имели успеха, и пополудни дивизия очистила Ставрополь, отступив к северу...

Я с полевым штабом... находился в эти дни на Армавирском направлении. Отдав ген. Казановичу последний батальон и не имея более в своем распоряжении резервов... Генералам Каза-

новичу, Врангелю и Покровскому было подтверждено напрячь крайние усилия, чтобы сбросить левобережную группу противника в Кубань и тем развязать нам руки на Ставропольском направлении... Ген. Казанович 13 октября внезапной атакой овладел Армавиром... Конница Врангеля не могла развить этот удар: 10 числа (октября) она была прикована к Урупу настойчивыми атаками противника, причем Бесскорбная несколько раз переходила из рук в руки. Только 15-го дивизия вышла частью сил на правый берег Урупа... Но 17-го большевики перешли в контр-атаку на всем фронте между Урупом и Кубанью и оттеснили конные части ген. Врангеля за Уруп, а дивизию ген. Казановича — под Армавир...

В эти дни Минераловодская группа несколько раз возобновляла наступление на полковника Шкуро по всему фронту от Невиномысской до Суворовской, но безрезультатно, и партизаны по прежнему совершали удачные набеги на жел. дорогу. Не было ни сведений, ни донесений от ген. Покровского. Наблюдая 17-го бой у Казановича, я убедился, что здесь разрешение задачи искать трудно. Послал вновь приказание Покровскому о крайней необходимости взятия Невиномысской и выхода в тыл Армавирской группе противника...

Только 21-го мы получили радостное известие, что 18-го Покровский после упорного боя овладел станицей Невиномысской, захватил там большую военную добычу и преследует большевиков на северо-запад и на юго-восток... От Армавира и Урупа потянулись уже большевицкие резервы в сторону Невиномысской.

21 октября Врангель, перейдя Уруп, обрушился на большевицкую дивизию, разбил ее на голову и преследовал уцелевшие остатки ее...

Юго-восточнее та же участь постигла и два

большевицкие полка... 22-го доблестная дивизия продолжала преследование, добивая оставшиеся части противника, и захватила станцию Овечка, куда вскоре подошла пехота Казановича с бронепоездом. За эти два дня кубанцы Врангеля взяли в плен 2000 пленных, 19 пулеметов, огромные обозы"...

Если оценивать наступление большевиков на Ставрополь и его занятие ими после боев с дивизией Дроздовского; если оценивать всю операцию разгрома большевиков между Урупом и Кубанью в то же время только на основании материалов, сообщаемых Деникиным, мы придем к таким выводам: дивизия Дроздовского, усиленная кубанской бригадой и Корниловским полком, не выдерживает боя с Таманской группой и отдает ей Ставрополь; а ведь полки этой дивизии были в значительной мере пополнены кубанскими казаками; что же могла сделать Таманская армия с группой войск Дроздовского, если бы в этой группе не было кубанцев, а оставались только одни добровольцы! Далее, Деникин сам констатирует, что „наблюдая 17-го бой у Казановича (у Армавира), я убедился, что здесь разрешения задачи искать трудно" и, в результате, Деникин снова обращается к кубанцам с приказанием „о крайней необходимости взятия Невиномысской и выхода в тыл Армавирской группе противника"... Кубанцы выполняют этот приказ и берут центр большевицких сил — Невиномысскую, где за несколько дней перед этим происходил большевицкий с'езд, ликвидировавший Сорокина. Когда мы теперь сопоставляем данные Деникина с большивицкими, то приходим к заключению, что Казанович мог захватить Армавир „внезапной атакой" 13 октября только после того, как стало Казановичу известно, что Таманская армия за несколько дней перед этим ушла из Армавира в Невиномысскую, оттуда 9-10 октября уже наступала успешно на Ставрополь. Уже 17-го дивизия Казановича принуждена была снова отступать под Армавир.

Если мы подведем итоги боевым операциям за сентябрь и первую половину октября месяца 1918 г., даже на основании данных Деникина, мы не найдем ни одной более или менее серьезной операции, успешно проведенной частями армии, где добровольцы были в значительном числе, в то время когда кубанцы летают по ставропольским степям, вместе с донской бригадой, ликвидируя группу большевиков, наступавшую на Торговую, ликвидируя угрозу Ставрополю с севера и северо-востока, в то время, когда дивизия Покровского с весьма серьезными боями проходит от Майкопа через множество горных рек, а между ними такие, как Лаба, Уруп, Зеленчуки, и захватывает самое гнездо большевизма, центр их операций против Ставрополя и в юго-восточном направлении, Невиномысскую, в то время, как дивизия Врангеля громит большевиков между Лабою и Кубанью, в то время, как части Шкуро все время наносят удары центральным большевицким силам, собранным на железнодорожной линии Невиномысская-Минеральные Воды, в это время добровольцы топчутся у Армавира и у Ставрополя, не блеснув ни одной заметной успешной операцией. При чем, военному счастью было угодно или уж судьба добровольцев была такова, но за этот период боев два раза произошло столкновение дивизии Дроздовского с Таманской армией, состоящей, как видно из ее названия и истории ее организации, главным образом из кубанских иногородних, и оба раза столкновение закончилось поражением Дроздовского: 13-го сентября Дроздовский отдал таманцам Армавир, „считая свои силы недостаточными и положение слишком рискованным“, как поясняет Деникин; после этого Дроздовского перевели на ставропольское направление, на это же направление перешли из Армавира через Невиномысскую и таманцы, и в результате Дроздовский отдает им Ставрополь 14 октября, почти ровно через месяц после сдачи Армавира. Следует припомнить, что и наступление Дроздовского на Екатеринодар потерпело круше-

ние тоже 14 числа, только июля месяца. И в каждом из этих случаев Дроздовского и другие добровольческие части спасали кубанцы, при чем при июльских операциях у Кореновской Деникин приказал кубанцам Покровского, „минуя всякие препятсвия и не останавливаясь перед жертвами ударить в тыл группы Сорокина под Тимошовкой", точно также и в октябрьских боях Деникин приказывает тому же Покровскому, как мы видели, взять Невиномысскую и выйти в тыл Армавирской группе большевиков.

То же самое было и в боях под Торговой, Белой Глиной и под Тихорецкой: кубанцы со всех сторон окружали эти большевицкие гнезда и тем предрешали исход операции.

Для характеристики состояния частей Добровольческой армии и настроений добровольческого рядового офицерства во второй половине октября 1918 г. приведем здесь следующую выдержку из книги Деникина „Очерки русской смуты" (т. III, стр. 232):

> „18-го октября в одной из хат станицы Рождественской собралось офицерство 3й (Дроздовского), отчасти 2-й (Боровского) дивизий; я ожидал, что после перенесенных безмерно тяжелых боев и ставропольской неудачи увижу хоть тень моральной усталости и разочарования... И был глубоко обрацован их настроением. Они жадно ловили всякий намек на улучшение общего положения и интересовались только тем, что облегчало нам дальнейшее ведение борьбы. Я видел части сильно поределые, истомленные, полуобмерзшие, в отрепаной легкой одежде — зимняя стужа наступила в этом году рано — и тем не менее готовые к новым боям"...

А Деникин в это время, очевидно „для улучшения общего положения", вел упорную борьбу с кубанцами, пользуясь услугами помешанных на любви к „единой и неделимой России" кубанских политиков; на Черноморском побережьи уже вел войну с Грузией; всячески

третировал своего конкурента, Донского атамана Краснова; через Лукомских, Соколовых, Харламовых, Скобцовых, Сушковых, Филимоновых и им подобных, старался сбить с толку, деморализовать и „обезвредить“ кубанских самостийников, указавших своему народу правильные пути спасения от нашествия армий красной Москвы. Описывая сентябрьские и октябрьские бои, Деникин называет их „безмерно тяжелыми“, он говорит, что „сентябрьские бои обескровили нас и противника“, он сам не раз указывает на отсутствие резервов у него... И это в то время, когда кубанское казачество поголовно восстало и дало в армию десятки тысяч действительно доблестных бойцов; это в то время, когда восстал Терек и разорвал сообщения кубанской группы большевиков с XII большевицкой армией, действовавшей на Тереке; это в то время, когда операции кубанцев и добровольцев на Северном Кавказе были надежно прикрыты Донской армией с севера, от большевицкой базы — от Москвы, где имелись колоссальные запасы людского боевого материала и многочисленные огромные склады вооружения царской России, где имелись хорошо оборудованные военные заводы, где людская масса воодушевлялась на борьбу с Югом ради получения отсюда, с Юга, „даровых“ продуктов питания населению Москвы, где людская масса воодушевлялась на борьбу идеями русской мировой революции, где десятки тысяч русского офицерства старой армии, по тем или иным мотивам и причинам, горячо взялись за организацию большевицкой армии; и это в то время, когда на Кубани и Ставрополе пришлось иметь дело, главным образом, с иногородней массой населения, давшей на Кубани пополнения для большевиков и отдельную Таманскую армию, в Ставропольщине — ополчения весною и летом и две Ставропольских дивизии в сентябре месяце и пополнения в октябре месяце; и это в то время, когда среди большевицких руководителей военной и гражданской жизни на Кубани и на всем Северном Кавказе происходила поч-

ти беспрерывная внутренняя борьба: в марте-апреле месяцах между начальником гарнизона города Екатеринодара Золотаревым и исполнительным комитетом, закончившаяся расстрелом Золотарева и его ближайших помощников — Дьяченка, Симоненка и Редутова (Ладоха, стр. 115); в апреле и мае месяцах жестокая и открытая борьба между главнокомандующим армией Кубано-Черноморской советской республики Автономовым и областным центр. исп. комитетом советов, между чрезвычайным штабом обороны и Автономовым, в сентябре-октябре месяцах — между Сорокиным и центр. испол. комитетом северо-кавк. сов. респ., между Сорокиным и ревоенсоветом, закончившаяся расстрелом пяти, наиболее видных, членов комитета и убийством самого Сорокина в Ставропольской тюрьме... Этот последний конфликт разыгрался именно в то время, когда большевики приступили к выполнению двух задач — соединения кубанской группы большевицких войск с XI армией на Маныче и с XII на Тереке.

Разбирая сентябрьские и октябрьские операции на фронте Маныч-Ставрополь-Армавир-Невинномысская-Лаба, Деникин говорит:

> „К концу сентября относится также перемена стратегического плана большевицкого командования: было решено оставить Кубань и, прикрываясь сильными арьергардами на Лабе и у Армавира, отступить на юго-восток, в общем направлении на Невиномысскую. Признаки одхода колонн и обоза мы замечали еще в 20-х числах сентября“ (Деникин, т. III, стр. 190).

Как мы уже видели большевики успешно выполнили этот план в первой его фазе: организовав в северной и северо-восточной части Ставропольской губернии 1-ю и 2-ю Ставропольские дивизии, они повели наступление на Торговую, в разрез соединения Дона и Кубани, на запад — в сторону Тихорецкой и на юг — в сторону Ставрополя, и принудили Деникина и донское командование направить в этот район значительные

военные силы — кубанскую дивизию Улагая, сводный кубанский отряд генерала Станкевича, бригаду донцов и кубано-добровольческую 2-ю дивизию (Боровского). Бои с 1-й и 2-й Ставропольскими дивизиями и отрядом Рыльского начались с половины сентября месяца, достигли наибольшего напряжения 6-14 октября и закончились успешно для нас.

Оттянув силы кубанцев и приковав внимание Деникина на север Ставропольской губернии, большевики вывели Таманскую армию из Армавирского района в Невиномысский и 10-го октября повели наступление на Ставрополь. Выбив из этого района группу войск Дроздовского, 13-14 октября большевики заняли Ставрополь. 14-го же октября главнокомандующий Сорокин произвел переворот в Пятигорске, расстреляв 5 членов центр. к-та. Пока большевики ликвидировали это выступление Сорокина: созывали с'езд в Невиномысской, ловили Сорокина и его единомышленников и помощников, естественно, их войска потеряли общее руководство, наступательные их операции временно прекратились. Цитированный нами уже Ладоха по этому поводу пишет:

> „Вызванное Сорокинским выступлением фактическое отсутствие в течении нескольких дней командования гибельно отразилось на судьбе проводившейся операции. После взятия Ставрополя Таманская армия, ввиду отсутствия распоряжений, оставалась на месте, отражая попытки противника взять Ставрополь обратно.
>
> Белогвардейцы использовали этот момент. Они бросили через Невиномысскую в тыл Таманской армии массу конницы. Таманская армия оказалась окруженной тесным кольцом противника“.

Мы уже знаем, что эти, как говорит Ладоха, „массы конницы“ составляли Кубанские казаки дивизии Покровского, дивизии Врангеля и отряды Шкуро, успеш-

но ликвидировавшие большевицкие отряды между Лабой и Кубанью в весьма тяжелых боях 10-23 октября.

Началась ликвидация Таманской армии большевиков, остановившейся в Ставрополе и, после захвата кубанцами Невиномысской, охваченной уже с трех сторон — с юга, с запада и с севера.

В то время, когда кубанцы успешно ликвидировали большевицкие войска на линии железной дороги Армавир-Невиномысская-Курсавка, Деникин приказал 2-ой дивизии Боровского и 2-ой Кубанской дивизии Улагая прекратить операции против большевиков в северной части Ставропольской губернии и спешно направиться к Ставрополю на помощь разбитому таманцами Дроздовскому. К 18 октября эти дивизии подошли к Ставрополю с севера и с северо-запада и, вместе с дивизией Дроздовского, заняли фронт Дубовка-село-Пелагиада-Ново-Марьевка, в 13-20 верстах от Ставрополя. Во все эти дивизии были направлены усиленные пополнения с Кубани.

Деникин приказал этой группе войск, об'единенной под командой Боровского, выбить Таманскую армию из Ставрополя. По поводу этих операций у Деникина читаем следующее:

„Первые успехи на Урупе (Кубанская дивизия Врангеля) и под Невиномысской (кубанцы Покровского) вызвали большой под'ем в нашей Ставропольской группе, несколько отдохнувшей и пополненной.

22-го ген. Боровский перешел в наступление по всему фронту. 2-я и 3-я дивизии направлены были на Ставрополь с севера по обеим сторонам железной дороги, 2-я Кубанская дивизия — через Надежденскую с востока. В первый же день Боровский имел некоторый успех: пластуны (кубанские) заняли Сенгелеевскую, Улагай — Надежденскую, а 2-я и 3-я дивизии (Дроздовского и Боровского), хотя с тяжелыми потерями, дошли до самой окраины города. 23 бой продол-

жался, причем 2-й Офицерский полк дивизии Дроздовского стремительной атакой захватил монастырь Иоанна Предтечи и часть предместья...

Далее войскам Боровского продвинуться оказалось не под силу. 24-го противник сам переходил многократно в контр-атаки, особенно настойчивые на фронте 3-й дивизии и Корниловского полка; обе стороны понесли тяжелые потери и наше наступление захлебнулось“ (Деникин, т. III, стр. 230-237).

Эти жестокие бои 22-25 октября целых трех Кубано-добровольческих дивизий с одной только, сравнительно незначительной и руководимой кубанским иногородним обер-офицером Ковтюхом, группой большевицких войск были весьма показательны. Занимая большой город, окруженная с трех сторон нашими войсками, эта большевицкая группа разбила все надежды Деникина овладеть Ставрополем при помощи только трех дивизий: „Наступление наше захлебнулось“, пишет он.

Тогда Деникин послал в Екатеринодар просьбу-требование отсрочить открытие Кубанской Краевой Рады, назначенное на 24 октября. В этом домогательстве ему было отказано. По этому поводу в книжке К. Н. Соколова „Правление Деникина“ читаем следующее замечание:

... „Главнокомандующий телеграммой со ставропольского фронта попросил отложить первое заседание еще на несколько дней, чтобы дать ему возможность лично присутствовать на открытии сессии; это вызвало в кубанских „сферах“ крайнее возбуждение. Вопрос страстно обсуждался в правительстве и в совещании членов Законодательной Рады. Кубанские „самостийники“ мобилизовались и резко обрушились на Главное Командование, обвиняя его чуть ли не в саботаже. Атаман Филимонов самоотверженно полемизировал с ними“.

Дело в том, что много кубанских офицеров, драв-

шихся на фронте с большевиками, были избраны станицами в состав членов Рады; были и рядовые казаки в армии, тоже избранные в Раду. Эти кубанцы лично видели все операции войск, об'единенных под командованием Деникина, они из непосредственных наблюдений знали и значение добровольцев и значение кубанцев в боевых операциях; видели также, что задержка операций у Ставрополя, занятого кубанцами еще 8-го июля, задержка операций у Армавира и у Невиномысской об'ясняется не только храбростью большевицких войск, но главным образом, неуменьем Деникина и его штаба руководить военными операциями, они воочию видели, что в управлении военными операциями наших армий царит полный хаос...

Ведь теперь, за границей уже, Деникин признается, что общее отступление большевиков с Кубани началось с 20-х чисел сентября месяца и приводит факты, доказывающие справедливость этого его утверждения... Что же делает Деникин во время полного развала и дезорганизации в военном и гражданском управлении у большевиков?

Он спокойно наблюдает отход большевицких войск от Армавира к Невиномысской, сосредоточение их там для похода на Ставрополь. Он отдает Ставрополь большевикам... Кубанские войска громили большевиков под Торговой, Белой Глиной, под Тихорецкой, под Кореновкой-Выселками, под Тимошевской и Екатеринодаром, а ведь, силы большевицких войск Сорокина, Кальнина и группы у Маныча в июне месяце 1918 г. сам Деникин определял в 80—100 тысяч, тогда как Кубано-добровольческий отряд насчитывал тогда восем с половиною девять тысяч человек!

Почему такие огромные силы большевиков мог громить сравнительно небольшой отряд Кубано-добровольцев, а в сентябре-октябре месяцах вся восставшая Кубань, давшая в армию только по мобилизации 10 призывных возрастов (более 70 тысяч прекрасных бойцов), затруднялась разгромить почти равные большевицкие

силы, упавшие духом, отрезанные от базы снабжения— Царицына. Многие кубанцы обвиняли тогда Деникина в простом, но преступном саботаже военных операций, чтобы держать Кубань под постоянной угрозой нового большевицкого нашествия и этим заставить население ее быть сговорчивым с добровольческим командованием.

Расстояние от Мечетинской до Торговой через Тихорецкую до Екатеринодара, равное по прямой линии 320-350 верстам, армия прошла за время с 10-го июня до 2-го августа, или за 53 дня, очистив за это время большую половину Кубани. Ведь сам Деникин немедленно после занятия Екатеринодара 2-го августа писал Кубанскому Атаману: „Трудами и кровью воинов Добровольческой армии освобождена почти вся Кубань"... Важно здесь не то, что вождь русских писал открытую и наглую неправду об освобождении Кубани Добровольческой армией, когда в действительности роль добровольцев при освобождении Кубани была весьма и весьма скромной; важно то, что уже в начале августа, по признанию Деникина, была освобождена „почти вся Кубань". К началу сентября большевицкие разрозненные силы были зажаты между Лабой и Кубанью, а со стороны гор были отрезаны восставшими казаками горной части Кубани. И на их ликвидацию ушло полтора месяца, хотя расстояние от Армавира до Невиномысской равно, приблизительно, 80-90 верстам и большевицкие армии в сентябре-октябре масяцах не были сильнее большевицких сил в июне-июле месяцах, а силы Кубано-добровольческих войск, даже согласно данным Деникина, возросли с 8—9 тысяч в июне месяце до 35—40 тысяч в начале сентября месяца, не считая войск Шкуро и других кубанских отрядов. Причем на стороне освободителей Кубани было безусловное моральное превосходство, превосходство духа войск в сравнении с деморализацией и внутренними переворотами и казнями, охватившими большевицкие войска.

Над основательностью или неосновательностью обвинений Деникина в умышленном ведении военных опе-

раций так, чтобы большевицкие армии висели над Кубанью во время работ Кубанской Краевой Рады, мы далее останавливаться не будем. Мы только констатируем, что такое обвинение Деникина и его штаба в саботаже боевых операций пред'являлось и пред'является кубанскими самостийниками. Соколов правильно констатирует факт, что самостийники „резко обрушились на Главное Командование", фактом есть и то, что Филимонов „самоотверженно полемизировал с ними".

Деникин хотел появиться в Раде в роли победителя над таманцами под Ставрополем. Этого он хотел достигнуть, приказав наступать на этот город трем вышеупомянутым дивизиям — Боровского, Дроздовского и Улагая.

24 открывались заседания Кубанской Краевой Рады, а наступление на Ставрополь началось 22 октября,

> „23 октября бой продолжался, причем 2-й Офицерский полк дивизии Дроздовского стремительной атакой захватил монастырь Иоанна Предтечи и часть предместья", пишет Деникин. ...„Я с ген. Романовским и несколькими офицерами штаба, следуя с 2-м Офицерским полком, вошли в монастырь несколько преждевременно: попали под контр-атаку противника, вскоре, впрочем, отраженную" (Деникин, т. III, стр. 230—237).

К моменту открытия Кубанской Рады Деникин не смог победоносно войти в Ставрополь со 2-м Офицерским полком и на другой день выступить перед Радой в роли победителя. Офицерский полк, конечно, „случайно" должен был войти в Ставрополь первым, а за ним и дивизия Дроздовского.

Большевики-таманцы расстроили этот план Деникина. Он немедленно послал телеграмму в Екатеринодар об отсрочке заседания Рады, а его верный слуга, Филимонов, „самоотверженно" проводил в жизнь план Деникина. Каждый исполнял свою роль.

Что же сделал Деникин, чтобы все таки предстать

перед Радой в роли победителя под Ставрополем над остатками Таманской армии?

„Так как к тому времени, пишет Деникин, левобережные дивизии закончили свою операцию (Врангель, Казанович и Покровский), я получил возможность все силы Добровольческой армии направить против Ставрополя.

Ген. Боровскому на северном Ставропольском фронте приказано было временно перейти к обороне; ген. Врангелю, очищая попутно правый берег Кубани в сторону Убеженской и Николаевской, сосредоточиться в Сенгилеевской для атаки Ставрополя с запада; Казановичу — наступать через гору Недреманную и Татарку с юга; Покровскому, совместно с Партизанской дивизией Шкуро, через Темнолесскую — юго-востока; для удержания Невиномысской остался отряд ген. Геймана — пластунские батальоны I-й и I-й Кубанской дивизии, а ополчения Баталпашинского отдела должны были обеспечивать операцию со стороны Минераловодской группы противника... В течение четырех дней большевики вели упорные атаки на всем фронте Боровского... В то же время 2-я советская Ставропольская дивизия, воспользовавшись ослаблением заслона Станкевича, с 17-го окт. перешла в наступление и к 24-му отбросила его от Большой Джалги к Тихвинскому, где он и сдерживал в дальнейшем противника" (Деникин, т. III, стр. 230—237).

К 29 октября город Ставрополь был окружен железным кольцом наших войск буквально со всех сторон, так как Деникин стянул сюда дивизии Дроздовского Боровского, Улагая, Покровского, Шкуро, Казановича и Врангеля.

„Большевицкое командование решило, очевидно, прорвать блокаду. 29-го советские войска крупными силами обрушились на весь фронт ген. Боровского и отбросили 3-ю дивизию (Дроздов-

ского), понесшую вновь громадные потери, версты на две от ее позиций. На прочих участках многократные атаки противника успеха не имели... На рассвете 31-го октября большевики вновь атаковали на севере фронт группы Боровского, на юго-востоке конницу Покровского. На этот раз совершенно растаявшие полки 2-й (Дроздовского) и 3-й (Боровского) дивизий не выдержали и, опрокинутые и преследуемые противником, поспешно уходили на северо-запад, остановившись только на высоте селения Пелагиады (верстах в 20-и от Ставрополя). Конница Улагая отошла к Дубовке. Части Покровского были также несколько потеснены. Отбиваясь от наступающих большевиков с перемешаными остатками своей дивизии и ведя их лично в контр-атаки, доблестный полковник Дроздовский был тяжело ранен...“

Так Деникин описывает разгром большевиками войск 2-ой и 3-й дивизий, в которых были и добровольческие полки.

Видя это, „Врангель... с 4-мя полками кубанцев, свернув на Новомарьевку, ударил в тыл наступавшей там левой колонне противника и, отбросив их к северо-востоку, занял вновь монастырь и предместье Ставрополя оставленное дроздовцами...“ (Деникин, там же).

Большевики вырвались из кольца.

1-го ноября кубанская конная бригада ген. Бабиева захватила ставропольский вокзал и только 2-го ноября кубанцы заняли Ставрополь окончательно. Далее Деникин пишет следующее:

„... Четыре дня еще шли бои возле Ставрополя и только 7-го, путем полного напряжения сил... войска противника были окружены, разбиты на голову и обратились в паническое бегство“.

Ликвидацию остатков Таманской армии совершили кубанцы дивизии Врангеля и Улагая в районе Тугулук-Дубовка-Пелагиада. В это время 2-я Кубанская и 1-я

Конная кубанская дивизии были соединены в Кубанский конный корпус под командой Врангеля. Этот корпус преследовал разбитых большевиков в направлении Петровского.

„10 ноября части корпуса одновременно овладели: 1-я Конная дивизия селом Константиновкой, 2-я Кубанская — селом Благодатным. В обоих пунктах красные оказали отчаянное сопротивление, но не могли остановить наше победоносное шествие. II-го ноября после ожесточенного боя корпус овладел селом Петровским, конечной станцией железной дороги“ („Белое Дело“, т. V, стр. 92—96).

После тяжелых и весьма кровопролитных боев у Петровского 12—21 ноября кубанцы корпуса Врангеля разгромили здесь большевицкие войска, при чем было захвачено вновь 2000 пленных, 40 пулеметов, 7 орудий и огромный обоз. После этого большевики вновь перешли в весьма энергичное наступление на Петровское, но снова были разбиты на голову кубанцами, захватившими при этом 1500 пленных, 30 пулеметов и батарею в полной запряжке. „В течение 4-х дней нами (кубанцами) взято 3500 пленных, 11 пушек, 70 пулеметов и большое число обозов. Я (Врангель) получил телеграмму главнокомандующего, горячо благодарившего корпус за блестящие дела и поздравлявшего меня с производством в генерал-лейтенанты“, пишет Врангель, командовавший тогда этим кубанским конным корпусом (Белое Дело, т. V, стр. 92—96). Этими военными операциями была окончательно разгромлена Таманская армия большевиков, отступившая на северо-восток от Ставрополя.

„Восточную группу красных, отходивших на Северо-Марьевское и Бешпагир, преследовали части Покровского (кубанцы) и Шкуро (кубанцы).“ (Деникин, т. III, стр. 230—237).

От Невиномысской вдоль линии Владикавказской дороги наступала кубанская пехота и кавалерия, об'е-

диненная под начальстом генерала Ляхова (10.000 штыков и шашек, 30 орудий).

„Против наших частей находилась XI армия красных, общей численностью около 70.000 штыков и шашек при 80-100 орудиях, расположившихся в 4-х группах: против кубанцев генерала Станкевича, между озером Манычем и селом Овощи — 15.000; против кубанцев корпуса Врангеля — 10.000; против Казановича — 10.000, против генерала Ляхова — 20.000. В резерве в районе Кизляр-Моздок-Ррозный — 12.000. В последних числах ноября красные перешли против частей генерала Станкевича в наступление и после ряда боев оттеснили их почти до железнодорожной линии Торговая-Великокняжеская. Важный для нас железнодорожный путь Торговая-Екатеринодар находился под угрозой. Приказом генерала Деникина отряд Станкевича был подчинен мне и я получил задачу, удерживая Петровское, разбить группу красных, действовавших против Станкевича... К 1-му декабря поставленная корпусу задача была полностью выполнена. Вверенный мне отряд занял широкий фронт Петровское-Винодельное-Кистинское (Врангель, Белое Дело, т. V, стр. 92—96).

Как мы уже знаем, кубанцы, при помощи донцов и добровольцев, в период времени с 10-го июня по 1-е июля, разгромили Манычскую группу большевиков, насчитывавшую в начале этих боев до 12 тысяч при 17 орудиях, разгромили 30-ти тысячную армию главнокомандующего Кальнина в районе Тихорецкой и 1-го июля заняли эту, когда-то неприступную, станцию; в первой половине июля месяца кубанцы значительно потрепали 30-35 тысячную армию Сорокина и принудили ее оставить южный Дон и постепенно отступить с потерями в район Тимошевки; во второй половине июля месяца кубанцы не только спасли дивизии Дроздовского и Казановича, 14-го июля направленные Де-

никиным для взятия Екатеринодара, но кубанцы разбили большевицкие армии у Кореневской-Выселки, у Тимошевской, у Усть-Лабы и Екатеринодара и принудили дезорганизованные большевицкие силы постепенно отступить на левый берег Кубани, оставив Екатеринодар. В этом же июле месяце кубанцы Шкуро заняли Ставрополь и потом успешно отражали наступление большевицкой армии на этот город; за август месяц кубанцы очистили от большевицких войск всю юго-западную часть Кубани и Черноморскую губернию до Туапсе; вся тяжесть боев в сентябре и октябре месяцах по очищению юго-восточной Кубани от отчаянно дравшихся большевицких войск пала почти исключительно на кубанцев; за это время Дроздовский успел сдать большевикам 13-го сентября Армавир, а 14-го октября — Ставрополь; в это же время кубанцы разбили в начале октября в северной части Ставропольской губернии две дивизии большевиков — 1-ую и 2-ую Ставропольские; все усилия Деникина ко дню открытия Кубанской Краевой рады (24-го октября) захватить Ставрополь войсками Боровского-Дроздовского-Улагая не имели успеха и потребовалось полное окружение Ставрополя 7-ю дивизиями, чтобы выбить большевиков из этого города. При чем, дивизии Дроздовского и Боровского были разбиты большевиками, прорвавшими окружение Ставрополя на фронте этих дивизий. И снова, как было это под Кореневкой в июле месяце, разбитые дивизии спасают кубанцы; кубанцы же во многих боях на северо-восток от Ставрополя снова разгромили большевицкие войска в ноябре месяце... О весьма и весьма тяжелых потерях дивизий Дроздовского и Боровского свидетельствуют следующие слова Деникина.

> „Основные части Добровольческой армии во втотой раз, казалось, гибли. 2-ю и 3-ю дивизии, некоторые пластунские батальоны пришлось вывести на длительный отдых для формирования и пополнения...“ (Деникин, т. III, стр. 230—237).

До взятия Ставрополя прошел ровно год с начала

организации Добровольческой армии. И что же мы видим? Все усилия добровольческих генералов и вообще русских людей дали, в общем, весьма печальные результаты. Несомненное большинство русских генералов и русских офицеров вообще, по тем или иным мотивам и причинам, с весны 1918 г. деятельно взялось за организацию русской красной армии. Добровольческое противобольшевицкое движение не собрало вокруг себя сколько-нибудь значительных сил русских людей в сравнении с постановленными задачами — вырвать власть во всей бывшей России из рук русских большевиков и реставрировать старую Россию.

Донской Атаман Краснов и при личном свидании с генералом Деникиным 15 мая 1918 г. и в письмах многократно настаивал на том, чтобы Добровольческая армия шла к Царицыну и потом за Волгу или на север Дона. Ген. Деникин в опубликованных им за границей „Очерках Русской Смуты" не раз говорит о том, что будто-бы и верховный руководитель Добровольческой армии, генерал Алексеев, настойчиво поддержал мысль о походе на Волгу. Однако, Добровольческая армия, как известно, туда не пошла. Почему? Добровольческие генералы хорошо знали о том, что запись новых русских добровольцев идет весьма и весьма туго. Деникин даже за границей с горечью и явным раздражением пишет о распоряжении Донского Атамана Краснова о переходе донцов из Добр. армии в Донскую, ибо это естественное и вполне понятное распоряжение „расстроило сильно некоторые наши части", как поясняет Деникин. Много волнения в добровольческом командовании, как известно, вызвала и временная задержка на Дону отряда полк. Дроздовского...

Если об'ективно и подробно разобрать все военные операции Кубано-добровольческой армии с июня месяца до взятия 2-го ноября Ставрополя, разве не станет ясным не только отсутствие военных талантов у Деникина — руководителя этих операций, но и чрезвычайно слабые силы самих русских добровольцев. Дени-

кин теперь пишет за границей о том, что он будто-бы не раз угрожал Кубанскому Правительству оставлением Кубани и уходом на Волгу. Мы не имеем подтверждения существования подобных „угроз“ со стороны Деникина. Можем высказать только сожаление о том, что Деникин не попробовал уйти в Россию. Если принять во внимание силы самих добровольцев, можно ни на одну минуту не сомневаться в исходе этого „ухода“. Что кубанские казаки не пошли бы с добровольцами, в этом не сомневался ни Деникин, ни Алексеев. В то же время уход добровольцев значительно облегчил-бы ведение борьбы за освобождение Кубани. У кубанского казачества и горцев нашлись бы, как это было и на Дону, свои казачьи руководители, которые организовали бы, казаков на борьбу с большевиками.

Если вдумчиво и спокойно разобрать всю историю втягивания кубанцев под власть русских генералов, от русского народа убежавших на казачьи земли, и не только кубанцев, но и Казачества вообще, разве мы не увидим тут игры русских людей? Разве вся эта история с присылкой на Кубань Покровского и Эрдели, вся эта история низкого и подлого предательства Кубани Филимоновым, эта присылка на Кубань „донских сватов“ во главе с В. А. Харламовым, все эти угрозы переворотом на Кубани, это домагательство Деникина, чтобы „на Кубани не было сепаратизма“, вся эта закулисная игра с некоторыми кубанскими генералами и старшими офицерами и недопущение этих офицеров на высокие командные должности; вся эта спекуляция несуществующими в действительности силами русских добровольцев, что вот, мол, Добровольческая армия успешно наступает, доблестно б'ется, успешно освобождает и т. д. история введения в обман населения и иностранцев несуществующими успехами русских добровольческих армий — все это разве достойно честных народных вождей, поставивших себе высокие цели — освобождения Родины от большевицкего насилия?...

Действительно, с беззаветной храбростью дрались

с большевиками русские офицеры — Корниловы, Марковы, Дроздовские, Неженцевы, но бездарная политика Деникиных в гражданском и военном управлении губила не только дело национальностей, желавших вырваться из русской тюрьмы, но губила одновременно и русское белое дело!

Деникин не брезгал никакими средствами! Не удовлетворяясь услугами Кубанского Атамана Филимонова и „донских сватов“, добровольческое командование постепенно перетягивало на свою сторону других кубанских полковников и генералов. Укажем только на некоторые факты, которыми пестрит история взаимоотношения Кубани и этого командования. На Кубанской Краевой Раде, собравшейся в Екатеринодаре 24-го октября 1918-го г. среди представителей Добровольческой армии кубанцы с удивлением увидели бывшего начальника полевого штаба Кубанской армии, генерала Науменка. Этот кубанский офицер окончил среднюю школу, окончил военное училище и Академию генерального штаба, он видел или должен был видеть, чего хотят и за что кровь проливают кубанские казаки; он видел также какими методами и к чему идет добровольческое командование, он должен был бы хорошо понимать, что это командование всеми мерами борется против той линии государственного и общественного строительства, которую проводит население Кубани через Раду, — и при всех этих условиях Науменко согласился в Раде представительствовать Добровольческую армию, он взялся поддерживать политику, стремившуюся к построению единой, неделимой, монархической России. И это делалось в такое тяжелое для кубанского Казачества время!

Генерал Врангель в своих „Записках“ говорит следующее:

> „Ставка (Добровольческое командование) усиленно выдвигала генерала Шкуро, расчитывая, повидимому, использовать его для борьбы с са-

мостийным казачьим течением“ (Врангель, Белое Дело, т. V).

Вместе с тем, тот же ген. Врангель дает следующую характеристику деятельности этого офицера еще на фронте мировой войны:

„Отряд есаула Шкуро во главе со своим начальником, действуя в районе XVIII корпуса, в состав которого входила и моя Уссурийская дивизия, большею частью болтался в тылу, пьянствовал и грабил и, наконец, по настоянию командира корпуса и генерала Крымова, был с участка корпуса отозван“ (Врангель, там же).

Относительно деятельности ген. Шкуро в 1918 г. Врангель пишет следующее:

„На заседание Краевой Рады прибыл, кроме генерала Покровского и полковника Шкуро, целый ряд офицеров из армии. Несмотря на присутствие в Екатеринодаре ставки, как прибывшие, так и проживавшие в тылу офицеры вели себя непозволительно распущенно, п'янствовали, безобразничали и сорили деньгами. Особенно непозволительно вел себя Шкуро. Он привел с собой в Екатеринодар дивизион своих партизан, носивший наименование „волчий“. ...Сплошь и рядом ночью после попойки, партизан Шкуро со своими „волками“ несся по улицам города, с песнями, с гиком и выстрелами... В войсковой гостиннице, где мы стояли, происходил самый бесшабашный разгул... на глазах публики шел кутеж. Во главе стола сидели обыкновенно генерал Покровский, полковник Шкуро, другие старшие офицеры. Одна из таких попоек закончилась трагично. Офицер-конвоец застрелил офицера татарского дивизиона. Все эти безобразия происходили на глазах штаба главнокомандующего (Деникина), о них знал весь город и в то же время ничего не делалось, чтобы прекратить этот разврат“... (Белое Дело, т. V).

Почему же Кубанский Атаман Филимонов и генерал Деникин позволяли в центре Кубани, во время заседаний Краевой Рады такое безобразное, разнузданное, порочащее честь Кубанского Войска и армии, чисто хулиганское поведение этих генералов? Почему ни Филимонов, ни Деникин своею властью не прекратили в корне этот преступный разгул?

Ответы на этот вопрос находим у Филимонова, Врангеля и Деникина. Филимонов пишет:

> „Расправа с Радой намечалась еще в конце 1918... Ко мне приходили генералы Покровский и Шкуро и предлагали при их содействии взять всю власть в свои руки" („Архив русской революции", т. V, ст. Филимонова, стр. 322).

У Врангеля читаем:

> „Находившиеся в Екатеринодаре генерал Покровский и полковник Шкуро также настаивали перед главнокомандующим на необходимости положить предел выступлениям некоторых групп Рады, не останавливаясь в случае необходимости даже перед переворотом" (Белое Дело, т. V).

Деникин повествует:

> „Генерал Романовский доложил мне (в ноябре месяце 1918 г.), что генерал Покровский и полковник Шкуро, введя в Екатеринодар свои конвойные сотни, решили произвести переворот, предполагая расправиться с черноморскими лидерами и понудить атамана, полковника Филимонова, принять на себя всю полноту власти" (Деникин, т. IV, стр. 42-53).

При чем генерал Деникин изображает это дело так, как будто оно было для него неожиданностью, о которой он узнал случайно от начальника штаба Романовского. Генерал в своем повествовании и в этом случае, как и во многих других, расходится с истиной, ибо только с его разрешения могли прибыть с фронта, из-за Ставрополя, поездами со своими конвоями эти два кандидата в переворотчики.

Не случилось переворота на Кубани во время заседаний Кубанской Краевой Рады в октябре-декабре месяцах 1918 г. только потому, что председатель Кубанского правительства Л. Л. Быч, член правительства по военным делам, генерал Савицкий, и министр внутренних дел А. И. Кулабухов приняли необходимые меры полицейского и военного характера, чтобы в корне подавить всякую попытку переворота. Об этом и сам Деникин, между прочим, рассказывает следующее:

„Я приказал начальнику штаба вызвать ген. Покровского и передать ему, что категорически воспрещаю выступление.

Кубанские правители считали, тем не менее, несомненным участие в предполагавшемся перевороте и Добровольческих частей. Позднее в мои руки попала „диспозиция на случай тревоги", составленная кубанским комендантом Екатеринодара, полк. Ледовским, и кубанским „военным министром" полк. Савицким. В ней указывалось подробно занятие городских кварталов „верными правительству" кубанскими запасными частями, которым вменялось в обязанность встречать пулеметами всякую воинскую часть, показавшуюся на улицах города" (Т. IV, стр. 42-53).

Известно, что, разыгрывая историю запугивания и третирования Краевой Рады, генерал Шкуро, как представитель одной из станиц Баталпашинского отдела в Раде, выступил с речью в этой Раде и пробовал угрожать вмешательством фронтовых частей в работу Рады, если только последняя не будет поддерживать Деникина. На это ему, генералу Покровскому и их сторонникам председатель правительства Быч с трибуны Рады немедленно ответил: „Руки прочь!". После этого переворотчики притихли. И только через год, при других уже обстоятельствах, они сделали то, что не смогли осуществить в ноябре 1918 г.

Открытие Кубанской Краевой Чрезвычайной Рады состоялось 24 октября. Казаки и горцы в Раде составляли 89%, а иногородние 11%. 25% членов Рады составляли кубанские офицеры, 15% иные интеллигенты, казачьи и неказачьи, и 60% рядовых казаков, горцев и иногородних. В первом же заседании Рада избрала своим председателем бывшего председателя Войсковой Рады, председателя Законодательной Рады, бывшей в походе, Н. С. Рябовола.

Н. С. Рябовол — казак станицы Динской, сын станичного писаря. Окончил Кубанское войсковое реальное училище, потом учился в Киевском политехническом институте. Принимал самое энергичное участие в постройке кубанскими станицами Черноморско-кубанской железной дороги и перед войной 1914 г. был председателем правления ее. Деникин такими словами характеризует Н. С. Рябовола: „украинофил, самостийник и явный недоброжелатель Добровольческой армии".

На торжественном открытии заседаний Рады 1-го ноября выступил с большой речью командующий Добровольческой армией генерал Деникин. В этой речи, между прочим, он сказал следующее

> ...„Командование Добровольческой Армии взяло на себя за этот шаг (поход на Кубань с Дона в июне месяце 1918 г.) нравственную ответственность перед Родиной, глубоко веря, что на Кубани нет предателей, что, когда придет час освобождения, вольная Кубань не порвет связи с Добровольческой армией и пошлет своих сынов в рядах ее вглубь России, в смертном томлении ждущей избавления...
>
> ... России нужна сильная, могучая армия...
>
> Не должно быть армий Добровольческой, Донской, Кубанской, Сибирской. Должна быть единая Русская армия, с единым фронтом, единым командованием, облеченным полной мощью, и ответственным лишь перед русским народом в лице его будущей законной верховной власти...

... Нужна единая временная власть и единая вооруженная сила, на которую могла бы опереться эта власть...

... Единение возможно и потому, что Добровольческая армия признает необходимость и теперь, и в будущем самой широкой автономии составных частей русского государства и крайне бережного отношения к вековому укладу казачьего быта“... (Т. IV, стр. 42-53).

Добровольческое командование какой угодно ценой хотело похвалиться перед Радой победой под Ставрополем, оно не постеснялось подстроить все так, чтобы во время самой речи Деникина в Раде из штаба армии Деникину принесли телеграмму „о взятии Добровольческой армией“ города Ставрополя. Деникин „поделился“ этой вестью с Радой и получил, конечно, овации со стороны Рады. Как известно, Ставрополь был занят только 2-го ноября, а Деникин говорил в Раде 1-го ноября. Этот мелкий факт красноречив сам по себе без всяких комментарий.

Программа, начерченная Деникиным перед Радой, не была новой. Это самая шаблонная программа всех русских единонеделимцев.

Мы уже говорили о способах воздействия на общественное мнение, применяемых добровольческим командованием и русскими людьми, собравшимися вокруг него; говорили об умышленном замалчивании геройских подвигов кубанских казаков и горцев в освободительной войне; о прославлении подвигов доброволовольцев; о роли Кубанского Атамана Филимонова, кубанских офицеров В. Г. Науменка, А. Г. Шкуро и многих других, всегда поддерживавших добровольческое командование; говорили мы и о роли кубанцев Ф. С. Сушкова, Д. Е. Скобцова, П. М. Каплина и др., за кулисами пообещавших поддерживать русскую политику, проводимую русскими людьми, собравшимися вокруг Добр. армии; приводили мы также документальные данные и о

роли „донских сватов“ во главе с председателем Донского Войскового Круга, В. А. Харламовым...

С моментом открытия Краевой Рады усилился натиск русских людей на общественное мнение Кубани и на членов Рады, в отдельности. Русские партии, русская пресса заработали во всю. Они всячески старались подорвать в глазах населения авторитет местных деятелей-самостийников, много писали и говорили о полной яко-бы дезорганизации и совершенном упадке национальных движений, на разные голоса восхваляли русское противобольшевицкое белое движение, говорили о его поразительных успехах; Деникин назывался спасителем России, другим Иваном Калитой; ежедневно писалось о повсеместных восстаниях против большевиков в самой России, о совершенно близком падении в Великороссии власти комиссаров, о близком возрождении великой, могучей белой России, которая не простит измены ей. По адресу самостийников писались и говорились открытые угрозы расправой. Тон всему этому задал сам Деникин в своей приветственной речи в Раде:

> ...„В последнее время идет широкая агитация, отчасти оплачиваемая иноземными деньгами, отчасти подогреваемая людьми, которые жадными руками тянутся к власти... хотят поселить рознь в рядах армии и особенно между казаками и добровольцами... Мне хочется сказать этим господам: Вы думаете, что опасность более не угрожает вашей драгоценной жизни. Напрасно... Не трогайте армию. Не играйте с огнем. Пока огонь в железных стенах, он греет. Но когда вырвется наружу, произойдет пожар. И кто знает, не на ваши ли головы обрушатся расшатанные вами подгоревшие балки“...

Для усиления своей аргументации Деникин привел в Екатеринодар Корниловский полк и расположил его в самом центре города Екатеринодара и распорядился о приезде с фронта генералов Шкуро с „волками“ и

Покровского с его конвоем, хотя в это время в Ставропольских степях шли кровопролитные бои с большевицкими войсками и сам Деникин „оплакивал“ гибель кадров добровольцев...

Когда в Раде стал вопрос о Конституции Кубани, об отношении Кубани к соседям и к России, о кубанской армии, о задачах дальнейшей борьбы, русские люди, привыкшие за несколько столетий к господству над другими народами и землями, заволновались еще больше. А так как на Кубани в то время скопились в большом числе осколки классов и сословий, получавших прежде наибольшие выгоды от этого господства России над другими народами, тем более понятно их крайнее раздражение и ненависть против непослушных „казаков“ и против „доморощенных политиков“. Русские помещики, русские бюрократы, русские купцы, русские офицеры, в подавляющем своем большинстве, уклонялись от выхода на фронт, они очень охотно заполняли многочисленнные тыловые добровольческие учреждения, заполняли рестораны и кафе тыловых городов, отдел пропаганды, редакции газеты, предоставляя „казачкам“ воевать с большевиками... Деникин в это время лил крокодиловы слезы над гибелью кадров добровольцев и принимал меры для вывода кубанцев на широкую московскую дорогу, уже обильно устланную костями казачьих предков...

Как коршуны, русские люди впились в тело Кубани, агитируя против кубанской Рады, распространяя ненависть, недоверие и подозрительность. После кровавого периода красной лжи и провокации, усилиями кубанского казачества, горцев и немногочисленных, сравнительно, добровольцев сброшенного с Кубани и большей части Ставрополья, Кубань принуждена была вдыхать в себя весь чад беспардонной стаи налетевшого на нее воронья... А в это время Шкуро и Покровский с гиком и свистом носились по улицам Екатеринодара или под рев п'яных песен разливали рекой водку и вино по ресторанам столицы Кубани.

Кубанское Правительство принуждено было закрывать русские газеты за безудержную клевету против Кубани, против Рады, против соседних республик, а, иногда опечатывались и типографии, где печатались особенно клеветнические и подрывающие авторитет кубанской власти сведения. Эти распоряжения вызывали новые и новые припадки политического кликушества и небывалого бешенства среди русских.

При такой обстановке, совершенно понятно и естественно, один из „союзников" — Доброармия — в кабинетах Деникина и Кубанского Атамана Филимонова обсуждал вопрос, не настал ли момент вооруженного переворота, а другой — Кубанское Правительство — издавал секретные распоряжения по гарнизону Екатеринодара о занятии по тревоге важных пунктов и о расстреле из пулеметов всякой воинской части, которая появится на улицах Екатеринодара. Под этими, враждебными Кубани, частями разумелись, конечно, те, которые попробовали бы производить переворот в Екатеринодаре.

Долго ли мог существовать такой „союз" между Кубанью и Добровольческой армией и могли ли такие „союзники" расчитывать на успех в борьбе против все возраставшей красной армии (Деникин, как мы видели, признает, что русская красная армия, организовывавшаяся русскими генералами и офицерами, к 1-ому ноября 1918 г. возросла уже до 500 тысяч человек)...

А в это время на фронте от Маныча до Кавказских гор шли жестокие бои в страшные ноябрские холода 1918 г... Люди умирали в боях, умирали от тифа, начавшего косить обильную жертву... На фронте не хватало патронов, почти не было перевязочных средств... 1-го ноября в Раде Деникин клеветал против украинского освободительного движения, а 6—7 ноября просил председателя Кубанского Правительства об ускорении получения оружия с Украины... Деникин "скорбел" о гибели кадров добровольцев, а сам заявил своим ближайшим помощникам, что если только они захотят,

— „Я (Деникин) завтра же Корниловским полком разгромлю кубанское правительство"... (Деникин, т. IV, стр. 42—53). В это время Донской казачий фронт, измученный восьмимесячными непрерывными боями с все новыми и новыми полчищами „братьев русских", начал уже колебаться, не видя реальной помощи ни со стороны так наз. Южной армии русских, организуемой Атаманом Красновым, ни со стороны Астраханской армии... С уходом немецких войск с территории Украины, большевицкое командование начало поход на Украину, угрожая охватом Дона с северо-запада и запада. Для Всевеликого Войска Донского создалось грозное положение.

Большевицкая Москва, удерживая крепко в своих руках Царицын на Волге, постоянно угрожала походом оттуда на Кубань по линии железной дороги Царицын — Тихорецкая.

Красный враг дышал на казаков смертельным огнем десятков тысяч ружей и сотен пушек, а белый „союзник", расположившись, хоть и не совсем удобно, в самом центре Казачьих Земель, тоже нападал на казачьи парламенты и на казачьих вождей, не желавших впутывать казаков в борьбу красной России с Россией белой, в борьбу русских рабочих и крестьян с русскими помещиками, фабрикантами и вообще русскими капиталистами...

При таких ужасных условиях должна была работать Кубанская Краевая Рада и дать ответы на первостепенной важности вопросы; Кубанская Рада должна была ясно наметить путь, по которому пойдет Кубань и Казачество вообще к лучшему, счастливому будущему.

Деникин звал спасать всю Россию, он доказывал необходимость своей единоличной диктатуры... Имея верных тайных союзников среди кубанцев в лице Филимонова, Сушкова, Скобцова, Каплина, пообещавших ему поддерживать в Раде Добровольческое командование, он украсил свою делегацию в Раде генералом В. Г. Науменком, который чувствуя, очевидно, какую

роль на себя взял, исподлобья, волком поглядовал на членов Рады, говоривших открыто и голосовавших против всех положений, выдвинутых Деникиным перед Радой... По улицам Екатеринодара были пущены бесшабашно пьянствовавшие и угрожавшие разгоном Рады генералы Шкуро и Покровский, а за кулисами Рады в уши кубанских деятелей, как старый разбитый колокол звонил добровольческую генеральско-русскую песню председатель Большого Донского Круга В. А. Харламов... Все это было напрасно: Кубанская Рада решительно отвергла притязания нового Ивана Калиты.

Деникин настаивал на своей диктатуре, Рада выдвинула принцип соглашения между новыми государствами. Деникин требовал единой русской армии, Рада выдвинула принцип построения самостоятельных национальных армий. Деникин настаивал на единоличной власти, „ответственной лишь перед русским народом в лице его будущей законной верховной власти", а Рада настаивала на проведении в жизнь широкого народоправства. Деникин говорил о том, что „Добровольческая армия признает необходимость и теперь и в будущем самой широкой автономии составных частей русского государства", а Рада высказалась решительно за построение национальных государств со своими органами исполнительной, законодательной и судебной власти, со своими самостоятельными армиями. Деникин восхвалял русский народ, доказывая его ненависть к большевикам, а Рада единогласно констатировала, что большевизм „далеко еще не изжил себя в Центральной и Северной России".

Рада, далее, единогласно постановила о необходимости организации представительства от южно-русских государственных образований на предстоящей мирной конференции.

Так сказала Рада, состоящая, как говорил Деникин, из людей „умудренных горьким опытом и тяжелыми испытаниями", так ответили на притязания русских людей „боевые соратники (Деникина) по славным походам

нашим, своими подвигами и кровью добывавших свободу Кубани (Деникин, т. IV).

В ноябре 1918 г. русские и кубанские единонеделимцы понесли серьезное моральное поражение. 200 лет Россия угнетала и руссифицировала Казачество Донское и др.; под ее непосредственным надзором и управлением 100 лет на Кубани без конкуренции работали правителельственные и общественные русские руссификаторы, старательно умерщвляя старые казачьи принципы широкого народоправства и государственной независимости; как в большом котле, железной мешалкой русская власть и русская общественность перепутывали население Кубани, насаждая среди него и всеми мерами поддерживая сторонников России; Кубань прошла хаотические времена Областного Исполнительного Комитета в 1917 году, пережила время дерзаний Кубачского Войскового Правительства в июле-октябре того же года, испытала нелегкий путь раскола между кубанским Казачеством и иногородними летом и осенью первого года революции и смутное и путанное время искания соглашения между этими группами населения в ноябре-декабре месяцах 1917 г.; она пережила упадочное время конца 1917 и начала 1918 г., она выпила до дна чашу кошмарной и кровавой большевицкой власти, беспомощного блуждания по территории Кубани Кубанского правительства и Рады, она с небывалым героизмом начала весною 1918 г. по необходимости кровавую, навязанную ей, освободительную борьбу с большевицкой властью, она переносила в августе-ноябре месяце организованный натиск на нее множества русских людей, прилетевших сюда из России, с Украины, с Дона...

Кубань назвонилась в церковные звоны и наподносилась хлеба-соли, встречая русских „генералов-освободителей“ — Деникиных, Врангелей, Покровских, Кутеповых, Дроздовских, Казановичей и множества других...

Но Кубань видела, что боевая масса армии составляется не из русских добровольцев а из казаков и гор-

цев... Кубанское население видело беспререрывные вереницы прибывавших в станицы раненых казаков; кубанское население встревоженно прислушивалось к все чаще разносившемуся по степям и горам Кубани заунывному похоронному звону по погибших в боях с большевиками героях Кубани. Кубань почти не видела русских добровольцев, но должна была почти каждую неделю посылать на фронт все новые и новые пополнения...

Кубанская Краевая Рада состояла не из присяжных политиков, искушенных в парламентской работе долгим опытом, а из рядовых представителей трудового населения Кубани, хорошо знавших его нужды, его настроения и его народные желания... Эти представители, в подавляющем своем большинстве никогда не изучали ни административного, ни государственного, ни международного права, ни форм государственного устройства и управления... В их душах теплился огонь старых казачьих традиций беззаветной любви к вольной воле, к свободе, к мирному свободному труду, и не ненависть, а пренебрежительно-насмешливое отношение к панам, к русским барам-белоручкам, к русским бюрократам... Казаки уже тогда видели, какую грубую игру ведут добровольческие генералы, спекулируя силами восставшего кубанского Казачества, выдавая победы, одержанные кубанцами, за победы русских добровольцев; кубанское Казачество уже тогда подозрительно присматривалось к напыщенной фразеологии русских людей, зазывающих казаков освобождать Мать-Россию... Русских генералов встречали хлебом солью, русских генералов — Покровского, Деникина и др. — многие станицы приняли (по ошибке, конечно) в почетные казаки, но Кубанская Рада единодушно отвергла посягательства Деникина на кубанскую независимость, отбросила претензии единой-неделимой России на новое владение покоренными Россией народами.

Кубанская Рада не хотела зла и русскому народу!

Стремясь возродить на Кубанской земле принципы старого народоправства, стремясь установить с соседними государствами союзно-федеративные государственные взаимоотношения, Кубанская Рада хотела, чтобы и в России восторжествовал принцип широкого народоправства.

Добровольческое командование и вообще русские люди не захотели отнестись к постановлениям Кубанской Рады, как к законной воле Кубанского Казачества, с которой надо считаться. Воспитанная на принципах самодержавного, бюрократического управления, русская общественность решила не только игнорировать постановления Кубанской Рады, но и не допустить проведения их в жизнь; больше того, Добровольческое командование решило поставить все дело так, чтобы фактически принудить население Кубани итти воевать за те принципы, за те цели, которые были сформулированы в оглашенной в Раде 1-го ноября речи ген. Деникина.

Мы видели уже, какие закулисные шаги были предприняты, чтобы в первый период вооруженной борьбы на Кубани „подготовить включение кубанского отряда в Добровольческую армию“ и какой неожиданный успех имела акция Эрдели-Покровского-Филимонова, действительно осуществивших это „включение“ — в феврале-марте мес. 1918 г.; видели мы также, как Филимонов все время боролся против организации самостоятельной Кубанской армии в августе-октябре того же года знаем мы и о закулисном соглашении добровольческого командования с членами Кубанского правительства Ф. С. Сушковым, Д. Е. Скобцовым и другими; хорошо осведомлены и о роли генералов Науменка, Шкуро, Покровского... Знаем и о закулисных заверениях председателя Донского Круга Харламова о том, что будто-бы „Дон пойдет на предоставление полной власти в области военных и дипломатических вопросов Добровольческой армии“... Кроме того, Деникин уже крепко фактически держал в своих руках кубанские полки, бригады и кор-

пуса, благодаря политике Кубанского Войскового Атамана, генералов Шкуро, Науменка и других... В самой Раде, хотя сторонники Добрармии и России и были ошеломлены единодушием 500 членов Рады и не осмелились 11 ноября голосовать против постановлений Рады, однако, как показали последующие события, русские и кубанские единонеделимцы весьма активно и настойчиво взялись за закулисную и открытую работу с целью, если не формального, то фактического анулирования постановлений Рады.

Если после подписания соглашения 24 мая 1918 г. между Кубанью и Доном все было сделано для того, чтобы это постановление не осуществилось, то тем более теперь, после единодушного постановления бесспорно-законных представителей и выразителей воли населения Кубани, были пущены в ход все пружины...

После принятия Краевой Радой постановления от 11 ноября, представитель Добровольческой армии, генерал Лукомский, заявил в Раде об отозвании из Рады представителей Добрармии. Это обстоятельство послужило формальным поводом для открытой и закулисной „работы“ сторонников единой неделимой России. В самой Раде выступило с речами несколько депутатов, предостерегавших Раду от разрыва с Добровольческой армией. Между этими ораторами был и генерал Шкуро, говоривший о будто-бы существующем среди рядовых бойцов большом раздражении против кубанских политиков, вызывающих трения с Добророльческой армией. „Знайте, Если Добровольческая армия уйдет от нас, то мы погибнем“. В то же самое время генерал Шкуро и Покровский предложили Деникину и Филимонову расраспpавиться с самостийниками. В самом заседании Кубанского Правительства, как свидетельствует Деникин:

„. . . Представители оппозиции обрушились на Быча, обвиняя его в неискренности и самочинных действиях: вместо поддержки армии он (Быч) выступил со своими „тезисоми“, „не обсудив своей речи с членами правительства“ (Скобцов); благо-

> даря такому отношению его, не так давно „мы едва не сделались подданными Украины (Сушков), „в наших действиях не было искренности в отношении Армии, которая нам братская; на всех заседаниях у нас была только ругань ее“ [Воробьев].“

Эти данные Деникин берет из переданного ему кем то секретного отчета о заседании Кубанского правительства 15 ноября 1918 г. Словом кубанцы: Шкуро, Скобцов, Сушков и другие весьма активно и честно исполняли принятые на себя обязательства перед Добрармией поддерживать притязания Деникина на диктатуру.

У вождей кубанского самостийничества не хватило смелости и решительности сделать все выводы из факта ухода добровольческих представителей из Рады и происшедшего разрыва между Кубанью и Добровольческой армией. Ясно было, что пришлось бы рвать не только с Добрармией, но и с поддерживавшими ее кубанцами. Последующие события покажут, насколько были сильны в самой Раде защитники тесного единения с Добровольческой армией.

По соглашению Президиума Рады, руководимого Н. С. Рябоволом, с председателем Кубанского правительства Л. Бычем и другими было предложено создать Согласительную комиссию в составе представителей Кубани и Добрармии. Вскоре начались заседания этой комиссии в составе 32 человек, по 16 от каждой стороны. Среди представителей Кубани были И. Л. Макаренко, С. Ф. Манжула, Ф. К. Воропинов, Н. С. Долгополов, Ю. А. Коробьин и др. Председательствовали в согласительной комиссии по очереди глава добровольческой делегации, ген. Лукомский, и председатель кубанской делегации, И. Макаренко. Комиссия эта разбирала „спорные вопросы“ — вопрос о постановлениях Рады 11 ноября, о кубанском гражданстве, о кубанской армии. После целого ряда, иногда весьма бурных, заседаний, Согласительная комиссия не достигла соглашения ни

по одному вопросу и прекратила свое существовиние.

Ровно год перед этими событиями Кубанская Рада, сначала Законодательная, потом и Войсковая, вели подобные переговоры с иногородними Кубани и, как известно, пришли к добровольному соглашению, организовав паритетные органы власти. Последующие события показали, что большинство иногродних Кубани, украинцы по своему этнографическому составу, пошли за большевицкими лозунгами и дали в русские большевицкие армии многие тысячи весьма храбрых бойцов. Много было пролито не слов, а настоящей алой человеческой крови в боях казаков только с одной Таманской армией.

В то время, как заседала Краевая Рада, шли весьма жестокие и кровавые бои между кубанцами и большевиками на Ставропольских равнинах и западной части Терской области. Как мы уже говорили выше, большевицкие армии в конце ноября месяца 1918 года только на Северном Кавказе насчитывали еще около 90-100 тысяч людей, готовых каждую минуту ринуться на Кубань для восстановления большевицкой московской власти. В Раде собрались представители кубанских казаков, горцев, коренных иногородних и городов, представляя тут около двух с половиною миллионов населения Кубани; тысяч 700—800 иногороднего недавне-пришлого населения, разбросанного на станицам, аулам и хуторам Кубани, не имело своих представителей в Раде. Среди представителей иногородних в Раде не было ни одного, открыто считавшего себя украинцем, и фракцией иногородних в Раде руководили русские люди, главным образом, социалисты — известный нам бывший комиссар Временного Правительства Н. С. Долгополов, юрист Коробьин, соц.-рев. Белоусов и другие.

Казаки-линейцы воевали только против большевицкой власти. В лице Добровольческой армии они видели своего верного и естественного союзника, хотя и не хотели возвращения монархического строя в России.

Весьма характерным было поведение депутата ст.

Михайловской Троценко. Учитель по образованию, он принял весьма активное участие в революционном движении 1905 г. участвовал в вооруженном восстании в Ростове, не был повешен только потому, что председателем военного суда, судившего многих революционеров, был кубанский казак, генерал Б. (Троценко тоже был казаком). Троценко до 1917 г. пробыл в ссылке в Сибири. Теперь, являясь депутатом в Раду, он весьма активно и открыто поддерживал Добровольческую армию и Особое Совещание (правительство) при ней. Такую же позицию занимали и еще некоторые кубанские казаки, бывшие прежде весьма активными революционерами и подвергавшиеся гонениям при царской власти. В лице этих людей казачье национальное освободительное движение встречало не только осуждение, но и открытое противодействие. Много кубанских офицеров родом из старых казачьих фамилий, например, Карцевы, Шкуры, Науменки, Камянские, Чорные, Бабиевы, весьма активно поддерживали Добровольческую армию...

Активные самостийники Кубани тогда составляли, сравнительно, небольшую группу. Обстоятельства сложились так, что они не могли найти серьезную поддержку у соседей. Ко дню начала заседаний Кубанской Краевой Рады в Екатеринодар прибыли представители Украинского Национального Союза во главе с известным украинским кооператором Левицким. Эта делегация выступила в Раде в день [в день выступления Деникина] 1-го ноября. Заявления „батька української кооперації“ были встречены в Раде бурными аплодисментами.

Почти в это же время, 29 октября в Киеве, поздно вечером [после 11 часов] были приглашены к Гетману Украины члены Кубанской Миссии, полковник Ткачов и П. Л. Макаренко, и Гетман Скоропадский, отметив то обстоятельство, что Германия проиграла войну, вследствие чего немецкие войска уйдут из Украины; указал на то, что Украина не имеет армии для защиты от

большевицкой России, которая с уходом немецких войск, без сомнения, перейдет снова в наступление на украинские земли. Отметив, что на Украине имеется только около 24 зарегистрированных в армии офицеров, разбросанных по территории Украины, просил членов Кубанской Миссии срочно снестись с Кубанским правительством о том, не будет ли возможным прислать на Украину две дивизии кубанских казаков, которые могли бы явиться военным центром, вокруг которого организовалась бы украинская армия. Члены Миссии отметили тяжелые бои, происходившие в это время на самых границах Кубани, и большое военное напряжение Кубани в борьбе с большевиками на Северном Кавказе, но дали обещание Гетману немедленно сообщить Кубанскому правительсгву о желании Гетмана. Таким образом, вместо военной помощи со стороны Украины для Кубани [о чем велись переговоры с правительством Украины в июне-июле месяцаь т. г.], последняя, по просьбе Гетмана, должна была оказывать своими войсками помощь Украине.

Постановления Рады, принятые 11 ноября, оставались в силе, а Деникин продолжал распоряжаться кубанскими войсками. Комиссии Рады, собрания по отделам и пленарные заседания Рады работали весьма интенсивно. После детального обсуждения, Кубанская Краевая Рада утвердила 5-го декабря „Временное Положение об Управлении Кубанским Краем“.

Приведем здесь некоторые статьи из этого „Положения“:

> 3. Все граждане Кубанского Края равны перед законом. Права Кубанского гражданства определяются особым законом.
>
> Все Российские граждане пользуются в Кубанском Крае защитою закона на общих с гражданами Кубанского Края основаниях.
>
> 8. Кубанский Край имеет свою армию. Все граждане Кубанского Края подлежат воинской по-

винности, отбываемой на основании особого закона.

9. Источником Высшей власти в Кубанском Крае является воля его граждан, выражаемая на представительных собраниях. Носителем Законодательной власти являются Краевая и Законодательная Рады, а носителем исполнительной власти — Войсковой Атаман и Кубанское Краевое Правительство. Судебная власть осуществляется независимыми судами, действующими на основаниях, в законе определяемых. Судебные решения и приговоры выносятся именем закона.

28. Краевая и Законодательная Рады неприкосновенны. Всякое лицо, посягнувшее на их свободу и независимость, отвечает, как за тягчайшее государственное преступление.

37. Кубанский Войсковой Атаман почитается главою Кубанского Края и Кубанского казачьего Войска. Ему, как главе Края, подчинены все краевые военные силы.

40. Войсковой Атаман приглашает Председателя Краевого Правительства и назначает Членов Правительства, предложенных ему председателем.

41. Войсковой Атаман назначает на все военные гражданские должности, за исключением случаев, законом предусмотренных. Он производит в чины и дает награды.

44. Не утвержденный Войсковым Атаманом законопроект, будучи вторично без всяких изменений одобрен Законодательной Радой, большинством двух третей присутствующих членов, немедленно воспринимает силу закона и в трехдневный срок опубликовывается Войсковым Атаманом.

50. Войсковой Атаман, по своем избрании, приносит присягу по прилагаемой при сем форме.

55. Совет Правительства несет солидарную

ответственность перед Законодательной Радой за общеее направление своей деятельности. За личные же свои действия члены правительства несут индивидуальную ответственность.

56. Вотум недоверия, принятый Законодательной Радой простым большинством голосов, влечет за собою отставку Правительства...

Текст присяги Войскового Атамана:

„Именем Всемогущего Бога пред Святым Его Евангелием и Животворящим Крестом и перед славными боевыми знаменами Кубанского Казачьего Войска обещаюсь верно и нелицемерно служить избравшему меня своим Войсковым Атаманом Кубанскому Казачеству и населению Кубанского Края, ради славы и процветания его не щадить своего живота до последней капли крови. Все, что от меня будет зависеть в деле исполнения законов, направлять ко благу Родной Кубани и поступать по их смыслу, духу и цели, памятуя, что нет счастья народного без закона, правды и свободы. Боже Милосердный и Истинный. Рука твоя благая да укажет мне путь правый, ведущий к пользе государственной и к величию Кубанского Края, во главе которого я поставлен волею Краевой Рады. Помоги мне в великом служении моем. Аминь.“

7-го декабря Краевая Рада утвердила „Основные Положения земельной реформы в Кубанском Крае“. В этом положении имеются такие статьи:

1. Право частной собственности на все земли с их водами, лесами, недрами и надземными богатствами в Кубанском Крае уничтожается.

2. Кубанский Край владеет, пользуется и распоряжается самостоятельно и независимо всеми расположенными в пределах Края землями, недрами, лесами, рыболовными водами...

5. Все частновладельческие земли, офицерские, чиновничьи участки (Высочайше пожалован-

ные, выделенные по положению 1870 г., охотничьи), земли, приобретенные: по дарственным, по праву наследования и, вообще, перешедшие безвозмездными способами, путем покупки, а также церковные, причтовые, монастырские и казенные отчуждаются в Краевой земельный фонд.

Само собою разумеется, что при создавшихся условиях особенно остро стоял вопрос о создании отдельной Кубанской армии, существование которой предусматривалось Конституцией Кубани. Несмотря на все угрозы со стороны Деникина, несмотря на всю свистопляску, поднятую русской прессой вокруг работ Краевой Рады, последняя 5-го декабря утвердила „Положение об организации и управлении Кубанской Армией". В этом Положении имеются, между прочим, следующие статьи:

11. Теперь-же приступить к переформированию существующих и входящих в состав Добровольческой армии Кубанских казачьих частей, с тем, чтобы в найкратчайший срок достигнуть единства частей по отделам, по признаку территориальности.

12. Казаков, входящих в смешанный состав Добровольческой армии, выделить в казачьи части.

14. Все Кубанские части составляют Кубанскую армию, во главе которой стоит Командующий (или походный атаман) по назначению Войскового Атамана.

При совместной с другими армиями борьбе против большевиков, для успеха борьбы этой, Кубанская армия, — вся или часть ее, — по усмотрению Войскового Атамана, может быть подчинена, в оперативном отношении, общему Главнокомандующему фронтом.

Ни одна Кубанская строевая часть не может быть переброшена на чужой фронт без разрешения на то Войскового Атамана.

В ноябре 1918 г. прибыли на Дон и на Кубань представители государств Антанты, одержавшей победу над Центральными государствами и продиктовавшими условия перемирия, а позже и известные условия мира. Эти представители имели информационно-осведомительные задачи. Донской Атаман Краснов, принимая одну из таких миссий на Дону, выдвинул проект присылки Антантой в распоряжение Атамана Краснова 4-х корпусов иностранных войск для действий против большевиков и с целью восстановления великой, неделимой России во главе с монархом. Однако, представители Антанты, прибывшие в Екатеринодар и в Новочеркасск, всюду и всецело стали на сторону командующего Добровольческой армией генерала Деникина, добиваясь подчинения ему всех вооруженных сил, действующих против большевиков на юге бывшей России. 20 ноября прибыла в Екатеринодар английская военная миссия во главе с ген. Пулем. На банкете, устроенном по случаю ее приезда, произносились горячие речи о величии единой, неделимой России, о том, что Союзники никогда не забудут ее помощи в войне с Центральными державами, что Союзники всеми силами помогут ее возрождению и т. д. Генерал Пуль на этом банкете заявил:

> „... У нас с вами одни и те же стремления, одна и та же цель — воссоздание Единой России... Как представитель Великобритании, я передаю вам от своей страны: мы ни одной минуты не забывали, что Россия наш старый и верный союзник...“ (Деникин, т. IV, стр. 35—42).

На том банкете представитель Франции, Эрлиш, обращаясь к Деникину и другим русским генералам:

> „... Вы можете расчитывать безусловно на помощь великой Англии и свободной Франции. Мы с вами. Мы за вас... Я твердо верю, что скоро на высоких башнях святого Кремля красный флаг... будет заменен славным трехцветным знаменем Великой, Единой, Неделимой России.“

Потом, обращаясь в сторону Кубанского правительства, Эрлиш заявил:

„Кто против Деникина, тот против нас"...

Программа работы Союзников на землях бывшей России была совершенно ясна. Еще в начале ноября представитель Добровольческой армии в Яссах, генерал Щербачев, доносил Деникину, что главнокомандующий союзными силами в Румынии, Трансильвании и на Юге России, французский генерал Бертело,

> ... „имеющий сильную поддержку Клемансо, председателя союзных Версальских совещаний,... имеет возможность проектировать и осуществлять все политические и военные вопросы, касающиеся Юга России и спасения его от анархии... Решено нижеследующее:
>
> 1. Для оккупации Юга России будет двинуто, настолько быстро, насколько это возможно, 12 дивизий, из коих одна будет в Одессе на этих днях...
>
> 7. По прибытии союзных войск, кроме Одессы и Севастополя, которые будут несомненно заняты ко времени получение Вами этого письма, Союзники займут быстро Киев и Харьков с Криворожским и Донецким бассейнами, Дон и Кубань, чтобы дать возможность Добровольческой и Донской армиям прочнее сорганизоваться и быть свободными для более широких активных операций.
>
> 8. Под прикрытием союзной оккупации, необходимо немедленное формирование русских армий на Юге России, во имя возрождения Великой, Единой России. С этой целью теперь же должен быть решен и разработан вопрос о способах и районах формирования этих армий по мере продвижений Союзников. Только при таком условии будет обеспечено скорейшее наступление русских армий под единым командованием на Москву.
>
> 9. В Одессу, как главную базу Союзников, прибудет огромное количество всякого рода во-

енных средств, оружия, боевых и огнестрельных припасов, танков, одежды, железнодорожных и дорожных средств, аэронавтики, продовольствия и проч.

10. Богатые запасы бывшего Румынского фронта, Бессарабии и Малороссии, равно как и таковые Дона, можно отныне считать в полном нашем распоряжении. Для сего осталось сделать лишь небольшие дипломатические усилия, успех коих обеспечен, так как он опирается на могущество Союзников...“ (Деникин, т. IV, стр. 35—42).

Словом, Союзники России, только что разгромившие Центральные державы, свои действительно огромные военные и материальные силы бросают на юг бывшей России, чтобы спасти ее и себя от общего врага — большевизма, который после войны стал уже проникать на территорию Центральных держав и, в случае успеха, угрожал спокойствию и Союзных держав. Как же реагировал Деникин на это письмо?

„Это письмо“, пишет Деникин, „своей определенностью выводило нас, наконец, из области предложений. Широкая и конкретная постановка вопроса открывала перед нами новые необычайно благоприятные перспективы... На основании письма и затем предложения французского представителя штаб мой составил и послал генералам Бертело и Франше д' Эспере записку о политическом и стратегическом положении Юга России и план совместной с Союзниками кампании. Сущность его вкратце сводилась к следующему:

Общей задачей русских арми ставилось: „разбить советские войска, овладеть центром — Москвой с одновременным ударом на Петроград и вдоль правого берега Волги...

...Линия развертывания русских армий намечалась: Ямбург-Псков-Орша-Рогачов-Белгород-Балашов-Царицын...“ (Там же).

Во время составления этих величественных планов

спасения России Русскими и Союзными армиями в распоряженииДаникина фактически оставались самые незначительные остатки добровольцев, разбитые Таманской армией (иногородних Кубани) под городом Ставрополем.

Деникин, сидя на песке, торжественно принимал Союзных представителей, лились торжественные речи о Великой, Неделимой России, о скором восстановлении ее былого могущества... Деникин и его сторонники выступали, как диктаторы, перед Кубанской Радой... строились заговоры против нее, собирались Корниловским полком и „волками" Шкуро перевешать лучших сынов Кубани, любивших свой Родной Край...

Стоит только сопоставить программу Деникина и поддерживавших его союзных представителей с постановлениями Рады по вопросу о способах и путях организации федерально-союзной власти, о Кубанской Конституции, о Кубанской армии, по земельному вопросу, чтобы видеть, какая огромная разница была в оценке общего положения народов и Земель бывшей России, способов борьбы с русским большевизмом и т. д. Еще на закулисном, тайном совещании, состоявшем из представителей Добровольческой армии, Кубанского правительства и „донских сватов", 26 октября, председатель Кубанского правительства Быч категорически утверждал, что мы не можем расчитывать на помощь живой силой со стороны Союзников. Этой точки зрения твердо и определенно держались кубанские самостийники не только осенью 1918 г. но и в последующее время борьбы. Этой точки зрения придерживалась и Кубанская Краевая Рада в своем подавляющем большинстве, почему на все торжественные приемы союзных представителей в Екатеринодаре и в Новочеркасске и на не менее торжественные их обещания, на все крики русской прессы, что вот, мол, идут Союзники, вот идут спасители Единой, Неделимой России, на все угрозы русских, генералов Рада спокойно, после глубокого раздумья, ответила принятием Кубанской Конституции и

закона о Кубанской армии. На всю буфонаду русских людей о приближении Великой, Неделимой, но мстительной России, которая, как говорил Деникин в Раде, оправившись от болезни, стряхнув навождение, станет вновь страшною силой, которая никогда не забудет и т. д.“, Кубанская Рада спокойно ответила 9. статьей Конституции Кубани — „Источником Высшей Власти в Кубанском Крае является воля его граждан“...

Поручая избранному Радой Атаману и Законодательной Раде заботиться о твердом проведении в жизнь своих постановлений по основным вопросам жизни Кубанского Края, Кубанская Краевая Рада должна была остановиться и на вопросе о необходимости энергичной и систематической работы представителей этой республики в западной Европе, как среди правительственных и парламентских сфер, так и среди общественности Союзных держав. Заявления союзных представителей, сделанные на Дону и на Кубани в ноябре месяце, свидетельствовали о том, что они не знакомы с действительным положением вещей на землях бывшей России. Оказалось, что союзники незнакомы совсем или знают в неправильном освещении о восстановлении Казачеством в 1917—1918 г. г. утраченной под ударами империалистической России самостоятельности. Союзники не представляли себе, что именнно к югу и к западу линии Ямбург-Псков-Орша-Рогачов-Белгород-Балашов-Царицын живут казаки, украинцы, белоруссы, латыши и другие народы, борющиеся за освобождение от владычества той самой России, которую союзники хотели освобождать. Они тогда еще не знали, что именно те, действительно русские, земли, которые лежали к северу линии, намеченной Деникиным для занятия союзными войсками, являются источником распространения большевизма в Европе, они тогда еще не знали, что в это время, руками русских комиссаров и

русских офицеров, из русского народа организовалась новая русская армия.

В IV томе „Очерков русской смуты“ (стр. 15) Деникин констатирует:

„Красная армия сделала известные успехи в организации, обучении и устройстве технической и материальной части... Во главе армии стоял старый командный состав — Красная армия строилась всецело по образцу и подобию армии императорской...

К началу 1919 года вооруженные силы советской России сведены были в 12 армий, состоявших из отдельных пехотных и кавалерийских дивизий, насчитывавших вместе с внутренними резервами номинально до 800 тысяч бойцов. Главнокомандующим был офицер генерального штаба латыш Вацетис.

В половине ноября 1918 г. на соединенном заседании Совета народных комиссаров и Совета народного хозяйства было выяснено отчаянное экономическое положение страны, отрезанной от источников питания сырьем... Единственное спасение советской Роccси совещание видело в расширении ее пределов и, главным образом, в походе за Донецким углем и Ташкентским хлопком. Эти основания... легли в основу выработанного тогда же советским командованием плана зимней кампании 1919 года“.

Против этого нового похода России за источниками сырья и хлеба Кубанская Рада думала противопоставить об'единение, федерацию-союз, тех народов и Земель, которых голодающая Москва шла завоевывать.

Деникин же и все собравшиеся вокруг него русские люди выдвигали, как видим, другой проект: при помощи союзных войск организовать из казаков и украинцев „русскую армию“ и этой армией изгнать большевиков из России, заменив введенный ими социальный и политический строй старым социальным и политиче-

ским строем царской России. Словом, Деникин хотел силами Украины и Казачества возвратить русским, украинским, казачьим и т. д. помещикам и фабрикантам утраченные ими богатства и на шею украинцев, казаков и др. народов снова повесить тяжелый хомут русского государства.

План этот не лишен был, конечно, остроумия. Если бы русские помещики, русские капиталисты, русские профессора, русские бюрократы, русские жандармы, русские попы, в количестве десятков тысяч скопившиеся на казачьих землях (Екатеринодар, насчитывавший перед войной 73 тысячи населения, в 1919 г. вмещал около 180 тыс. душ; в такой же пропорции возросло и население Ростова, Новочеркасска и других городов), не были так близоруки, если бы они не пылали такой любовью к утраченным ими в России политическим, общественным и экономическим преимуществам, если они не пылали бы просто ужасной ненавистью к пробуждающимся к самостоятельной жизни народам России, они бы так горячо не поддерживали контр-революционную и противо-национальную политику Деникина... Они не привели бы к провалу борьбы с русским большевизмом.

Опираясь почти исключительно на штыки казаков Дона и Кубани, русские генералы втягивали французов и англичан в осуществление фантастических и несбыточных планов: казаками и украинцами завоевывать Россию и руками же казаков и украинцев надеть ярмо на тех же украинцев и казаков. Ведь, вот додумался же старый русский генерал, офицер генерального штаба, Щербачов написать Деникину о том, что будто бы „богатые запасы бывшего Румынского фронта, Бессарабии и Малороссии, равно как и таковые Дона, можно отныне считать в полном нашем распоряжении!“ И даже не России, а „нашем“.

Что представители Союзных держав не разбирались в событиях на территориии, бывшей России, и, в отдельности, на казачьей территории, об этом свидетельствует множество фактов. Для примера, укажем на

следующий: прибывшие в конце ноября месяца на Дон союзные офицеры не понимали того, что они приехали на землю самостоятельного в то время Всевеликого Войска Донского, и на торжественном ужине в атаманском дворце вдруг предложили исполнить старый русский гимн...

Это торжественное пение происходило во дворце Атамана того самого Войска, которое дралось на фронте, защищая свои старые вольности и которое так горячо протестовало в августе-сентябре месяцах того же года на Большом Войсковом Кругу именно против проповеди возрождения монархической России. Не будем говорить о том, приятно или неприятно было донским казачьим верхам пение „старого русского гимна“ в такой тяжелый для Донского Войска момент, однако, это „пение“ вносило разложение в донскую казачью массу и деморализацию в армию. Конечно, такой случай не может иметь места, скажем, в республиканской Франции. Там на официальном приеме у президента Французской республики не станут петь „старый французский гимн“ ради предоставления удовольствия непоинформированным дипломатам чужих держав. Не надо сомневаться в том, что союзные офицеры, бывшие на приеме у Донского Атамана, подали соответствующие информации пославшим их...

Европа знала о поляках, финнах, литовцах и других народах, живших у западных границ царской России, но она почти ничего или очень мало знала об иных народах бывшей России. А между тем, на мировой конференции в Париже должен был стать вопрос и о бывшей союзнице — России, которая пылала, охваченная социальной и национальными революциями.

Отбросив деникинский проект диктатуры и борьбы за единую, неделимую Россию, Рада должна была принять меры для того, чтобы о жизни Кубани, о целях и ходе борьбы подать в западной Европе правдивые сведения. Вследствие этого был поставлен перед Краевой Радой вопрос о посылке парламентской делегации Ку-

бани за границу. Сначала этот вопрос обсуждался в отдельских заседаниях членов Рады, а 7-го декабря он был разрешен на пленарном заседании Краевой Рады.

Рада постановила:

„Признать посылку Делегации необходимою для целей информации и всесторонней защиты интересов Кубанского Края. Состав Делегации определить в 9 лиц, с присоединением к ним, кроме секретариата, потребного для представительства и других целей числа офицеров и казаков. Для нужд Делегации открыть кредит в размере до одного миллиона рублей. Руководственным началом для Делегации должны служить — по вопросам, обсуждаемым в Раде, постановления последней: по прочим же вопросам практического значения — Делегация действует в контакте с Краевым Правительством. Вменить в обязанность Делегации работать также в тесном контакте и с Донской Делегацией.

Избрание главы Делегации произвести в настоящем заседании; выборы же прочих ее членов — в следующем, на основании представлений отделов.

Произведенным голосованием главою Делегации единогласно избирается Л. Л. Быч."

На другой день, 8-го декабря Краевая Рада также единогласно утвердила следующий состав делегации: от Ейского отдела — генерал Савицкий, от Таманского — И. А. Билый, Екатеринодарского — С. Ф. Манжула, Кавказского — А. И Кулабухов, Лабинского — Д. А. Филимонов, Майкопского — Ф. Сушков и от Баталпашинского — Г. С. Щербаков и от горцев — А. А. Намиток.

Оставалось избрать Кубанского Войскового Атамана. Было выставлено два кандидата: Л. Л. Быч и генерал Филимонов. По поводу выставленных кандидатур

„главный идеолог диктатуры“, проф. К. Н. Соколов, говорит следующее:

> „Победа А. П. Филимонова обеспечивала бы нам сохранение того неясного „компромиссного“ состояния, с которым мы, при нашей политической бедности, могли существовать еще известное время.
>
> Избрание Л. Л. Быча означало бы немедленное обострение всех противоречий и, в близкой перспективе, катастрофический разрыв.“ (Соколов: Правление Деникина, стр. 62).

Отсюда совершенно понятно, что „командование (Доб. армии), как признается Деникин, приняло участие в атаманских выборах“. Против кандидатуры Быча выступили в Раде, по научению командования, некоторые члены Рады [полковник Чекалов, Троценко, И. Горбушин и др.]. Они пред'явили Бычу самые различные обвинения, особенно запугивая Раду разрывом з Добровольческой армией и приходом большевиков на Кубань.

Так как Л. Л. Быч задолго до выборов не раз заявлял своим единомышленникам о своем категорическом нежелании выставить свою кандидатуру в Атаманы, его сторонники во время открытого обсуждения кандидатур в Раде были связаны в своих действиях этим закулисным отказом Быча. Они на частных совещаниях неоднократно настаивали перед Бычом на том, чтобы он не снимал своей кандидатуры [другой они не выставляли], указывая на то, что все постановления Рады могут остаться клочком бумаги, если только пройдет сторонник Добрармии. На кандидатуре Быча настаивало и рядовое казачество, в общем составлявшее большинство в Раде.

Большой и ничем не оправдываемой виной самостийного течения является то, что оно не поставило открыто и прямо вопрос о предательской роли Атамана Филимонова, которую он играл на Кубани перед этим. Чем можно об'яснить такое поведение вождей самостийного течения? Документальных данных, поясня-

ющих причины такой недопустимой роли этих вождей, и нас под руками нет. Поэтому нам трудно об'ективно о'бяснить это непонятное и явно вредное для интересов Кубани поведение самостийных групп Кубани во время выборов Атамана.

Кубанским Войсковым Атаманом снова стал Филимонов. Он немедленно после избрания выступил перед Радой с длинной речью, полной категорических заверений и клятвенных обещаний честно исполнить долг Атамана перед Кубанским Краем и осуществить постановления Рады. Потом Атаман принял при торжественной обстановке, в присутствии войск, всех членов Рады, перед старыми казачьими войсковыми знаменами, на соборной площади установленную присягу.

Рада продолжала интенсивно работать далее. Избрала Заграничную Делегацию, избрала Законодательную Раду, при чем большинство ее составляли твердые защитники принятых Краевой Радой постановлений. Законодательная Рада в первом же заседании 15 декабря избрала Л. Л. Быча своим председателем. Товарищем председателя Рады был избран Султан-Шахим-Гирей.

Таким образом, Краевая Рада, вынеся целый ряд постановлений, проведение в жизнь которых закрепляло самостийность Кубани, на высокую и весьма ответственную должность Войскового Атамана избрала явного сторонника Добрармии. Это было огромной победой русских людей, особенно, если принять во внимание, что вооруженные силы Кубани уже были в руках Добровольческого командования. При выборах Атамана одни члены Рады совершенно сознательно поддерживали русскую Добровольческую армию, желая этим содействовать возрождению Единой, Неделимой России, другие не хотели открытого разрыва с этой армией, а большинство Рады было разбито неясной тактикой самостийников. Если последние не хотели или не могли, в виду отказа Быча, выбрать его в Атаманы — они должны были выставить другую, третью и т. д. канди-

датуру на пост Атамана. Не выставляя другой кандидатуры, они этим самым отдавали кандидату Добровольческой армии высокий и ответственный пост Атамана Кубани во время огромного напряжения всех сил Кубани в борьбе с красной и белой Россией. Что могли делать рядовые члены, когда они подходили с шарами только к двум урнам, над одной из которых стоял письменный отказ кандидата быть Кубанским Атаманом? Те вожди Кубани, которые своей непонятной тактикой создали такую, абсолютно недопустимую, обстановку выборов Атамана, несут большую ответственность перед Кубанью за все последствия такой тактики! Начав в 1917 г. борьбу за самостийность Кубани, пойдя в поход ради успеха этой борьбы, видя, в конце концов, что все кубанское казачество с оружием в руках уже почти 8 масяцев ведет успешную борьбу с красной Россией, видя, что Краевая Рада отбросила все притязания добровольческих генералов, самостийные вожди в момент самого решительного боя не захотели взять в свои руки верховное руководство боем! Не такова была тактика эстонцев, латышей и других малых народов в этот же период борьбы: они организовывали свои, хоть не большие на первых порах, но об'единенные ясной целью борьбы за самостийность, национальные армии! И они победили! Если самостийники Кубани хотели избежать кровавого разрыва с Добрармией, в конце 1918 г. если они не осмелились взять на себя ответственность за пролитие крови кубанцев, которые захотели бы оружием поддерживать русских генералов в момент разрыва Кубани с Добрармией, они не могли надеяться на общий успех борьбы за свои идеи, ибо, воюя с красной Россией, они оставляли кубанскую вооруженную силу в распоряжении белой России. В этот период напряженной и кровавой борьбы кубанские самостийники должны были или признать себя пебежденными и честно отойти в сторону, или вести борьбу со всеми последствиями! Ведь красный противник бил кубанцев на фронте, из подполья агитировал и разлагал Кубань в

тылу! Ведь белый противник устами Деникина и многочисленной русской прессы открыто бросал вызов кубанцам, открыто бравировал перед Радой п'янствующими конвоями генералов Покровского и Шкуро; ведь последние с этими конвоями являлись в Раду и произносили тут вызывающие и угрожающие речи! И если самостийники с трибуны Рады сказали этим кандидатам в вешатели Кубани: „руки проч", если самостийники закрывали русские газеты, порочащие самостийные движения, если самостийники приказывали гарнизону Екатеринодара расстреливать из пулеметов всякую противную воинскую часть на улицах Екатеринодара, то они, самостийники, должны были сделать и дальнейшие шаги для проведения в жизнь тех идей, которые начертала Рада на своих знаменах. Ведь выборы Филимонова в Атаманы означали оставление вооруженных сил Кубани в руках русских генералов! А при таких условиях — к чему сводились усилия самостийников держать в своих руках Законодательную Раду, а значит контроль над деятельностью Кубанского Правительства, держать в своих руках Кубанский Краевой Контроль и Заграничную Делегацию. Ведь, руководителям кубанских самостийников уже тогда ясно было, что Союзники стали всецело на сторону Деникина, поэтому и самые блестящие успехи Заграничной Делегации Кубани не могли уже дать желательных результатов для самостийной Кубани, если войска ее пребывали в руках русских единонеделимцев!

Несмотря на всю трудность положения в то время, кубанские самостийнические вожди несут большую ответственность за плохо проведенные выборы Кубанского Атамана, посадившие на этот пост генерала Филимонова. Кубанские самостийники могли изучить поведение Филимонова во время всего предыдущего периода борьбы. 5-го декабря самостийники проиграли весьма серьезный бой. Вся их последующая борьба в целях исправления предыдущих ошибок [назначение Покровского 14 февраля на пост командующего Куб. войсками,

договор с русскими генералами 14—17 марта того же года, выборы Атамана 5-го декабря] только больше завязывала Гордиев узел, который Деникин-Покровский-Филимонов-Науменко-Врангель хотели разрубить в октябре-ноябре месяцах 1919 г. Если боязнь немедленной катастрофы в конце 1918 г., в случае разрыва с русскими силами, боязнь пролития кубанской крови в это время вызывали миролюбивую тактику и применение только парламентских способов борьбы со стороны кубанских самостийников, то такая тактика совсем не решала кардинального вопроса, а только откладывала решение его на более поздние времена. Благодаря этому Деникин, хотя и не совсем удобно и безопасно, уселся на спину казачеству, дошел даже до Орла, но этим совсем не разрешался вопрос о взаимоотношениях единонеделимческих и самостийных сил. Верховный Круг уже в 1920 году пробовал исправить ошибки Казачества 1917—1919 г. г., разрывал с Деникиным, но тогда было уже поздно, так как красные русские, ободренные победами, красной тучей застилали казачьи земли.

Постановления Рады, принятые в ноябре-декабре месяцах 1918, совершенно ясно указывали путь, по которому хотело идти большинство населения Кубани, но передача исполнительной власти в руки русского генерала Филимонова, слепого и низкопоклонного исполнителя желаний других русских генералов, сбивало Кубань с намеченного пути. Рада постановила немедленно выделить кубанцев из состава Добровольческой армии. Филимонов торжественно поклялся исполнить это желание Рады. Рада ждала от своего Атамана соответствующих распоряжений. Филимонов же, получив власть в свои руки, удалился из Рады на несколько дней. Когда он снова появился в Раде перед самым закрытием сессии ее, его спросили с тревогой: Как же стоит вопрос с организацией Кубанской армии? На этот тревожный вопрос Атаман ответил Раде весьма туманно, заявив, что за последние дни он очень много сделал для спасения Кубани от нового нашествия красных армий,

и при этом рассказал о своей поездке на охоту с представителем Англии, генералом Пулем!

Краевая Рада прервала свою работу. С 15 декабря начала свою деятельность Кубанская Законодательная Рада. В декабре же Атаман Филимонов назначил Кубанское Краевое Правительство в следующем составе: председатель правительства Ф. Сушков, член правительства по военным делам генерал В. Науменко, член правительства по внутренним делам генерал Успенский, по делам земледелия Д. Скобцов, по делам юстиции П. Каплин, по делам финансов А. Трусковский, железных дорог И. Подольский, продовольствия Я. Верещака и народного просвещения В. Скидан. Это Кубанское правительство было всецело русское, Среди членов правительства мы видим генерала Успенского, который во время вышеописанных выборов Кубанского Войскового Атамана предлагал выбрать в Атаманы Кубани генерала Деникина „для согласования деятельности Кубани и Добровольческой армии“ [Деникин это предложение отклонил]; видим мы тут и генерала Науменка, представительствовавшего Добровольческую армию на Краевой Раде; находятся в составе Кубанского правительства и члены Рады Ф. Сушков, Д. Скобцов и П. Каплин, которые, как свидетельствует правая рука Деникина, проф. К. Соколов, еще перед созывом Краевой Рады вошли в тайное соглашение с Добровольческим командованием, „обещали нам [русским людям] свое содействие и выразили надежду, что при правильном ведении дальнейших переговоров успех вполне вероятен“ [Соколов, стр. 38]. Так, победа русского течения при выборах Атамана привела к тому, что на самых высоких постах исполнительной власти на Кубани оказались горячие сторонники Добровольческой армии. Самостийное течение потерпело поражение! У него хватило силы и уменья, чтобы в открытом, честном политическом бою в Кубанской Раде идейно разбить представителей единонеде-

лимческой России и эту свою победу закрепить в целом ряде законов и постановлений Краевой Рады, но оно не смогло или не сумело взять в свои руки проведение в жизнь этих постановлений и законов.

Исход борьбы двух течений политической мысли на Кубани в значительной мере зависел не только от соотношений внутренних сил на Кубани, но не в меньшей мере и от внешних влияний на жизнь Кубани. Красная Россия наступала на Кубань, поддержанная большей частью кубанских иногородних, в кровавых боях с большевицкими полчищами на полях Ставрополя были скованы почти все вооруженные силы Кубани. Белая Россия обошла Кубань с тыла, благодаря активной поддержке другой части кубанцев, главным образом „русских казаков". В своем натиске на Кубань эта белая Россия опиралась и на могущественную и открытую поддержку победителей в мировой войне — Союзников. Революция против Гетмана, охватившая Украину с половины ноября 1918 г., отрезала Кубань от источников снабжения Кубани в борьбе с красной Россией. Совершенно реальная угроза нового кровавого завоевания Кубани большевиками стояла перед дверьми Кубанского Края. Наступила небывало холодная, ранняя зима, тиф беспощадно косил ряды защитников Кубани, принужденных с незначительными запасами огнестрельных припасов продолжать борьбу. Против большевицкой русской внешней силы Кубань искала, естественно, поддержки Союзников, так много обещавших, но заявивших, что свою помощь они могут дать только через Деникина. Не видя реальной поддержки со стороны Украины, Горцев Кавказа, со стороны Грузии и других национальных новообразований, ведя войну с большевицкой Россией, предаваемая своими русскими — „русскими кубанцами", — самостийная Кубань была зажата в угол между Черным и Азовским морями!..

Таков был итог первого года напряженной, кровавой борьбы за освобождение... Проиграв в борьбе за исполнительную власть, самостийная Кубань засела в

Законодательной Раде, в Государственном контроле и в Заграничной Делегации... Эта Кубань не считала свое дело проигранным, ибо хорошо знала действительное настроение кубанского населения, ибо она надеялась на успех борьбы самостийников на Украине, в Белоруссии, у Прибалтийских народов, на Кавказе, в Туркестане, на Волге и в Сибири; кроме того, она верила в западноевропейскую демократию, в программу Вильсона о самоопределении народов, она знала, что пока-что Деникину воевать нечем...

Русская политика „белого движения" позволила русским людям спекулировать кубанскими силами перед иностранцами, а политика „русских кубанцев" давала возможность Деникину одерживать победы над самостийными кубанскими силами. Кубанцы, пришедшие к власти в декабре месяце, не говорили перед Кубанской Радой, что они стоят против принятых Радой, постановлений, больше того, они публично и торжественно клялись в том, что проведение этих постановлений в жизнь они считают заданием своей работы, служением Родному Краю...

А в это время на фронте шли кровавые бои... Как мы говорили уже выше, к концу ноября кубанско-добровольческие войска занимали фронт от Маныча до Кавказских гор. Усиленно занявшись организацией натиска на Краевую Раду, Деникин приостановил наступление кубанцев к северо-востоку, востоку и юго-востоку от Ставрополя... Он хотел большевицкую угрозу использовать в борьбе с самостийными течениями на Кубани. Снова, во вред боевым операциям, стратегия и тактика были подчинены скверной политике!.. Это дало возможность разбитому кубанцами в ноябре противнику снова собраться с силами и самому перейти в наступление. Генералы Деникин, Врангель, Науменко, Филимонов, Шкуро, Покровский и другие больше работали не для победы над большевиками, а для построения Единой, Неделимой России. Каждая победа кубанцев

на фронте, по их мнению, должна была сопровождаться победой Единой и Неделимой над кубанцами в тылу... Ради этой, предательской в отношении Кубани, политики русских генералов борьба с большевиками между Лабой и Кубанью растянулась на 1½-2 месяца; это дало возможность большевикам 14 октября снова захватить Ставрополь; новое добывание Ставрополя потребовало трех-недельных кровавых боев и закончилось разгромом двух дивизий и слезами Деникина над гибелью остатков „добровольческих кадров"; борьба с Радой снова забрала у Деникина около 1½ месяца... А в результате, как пишет Врангель,

> „Противник, оправившись и подтянув подкрепления, вновь перешел в наступление против частей генерала Улагая, овладел Кистинским и Винодельным и быстро продвигался на запад. В ставке заволновались и генерал Романовский прислал мне записку с приказанием главнокомандующего, спешить возвращением (из Екатеринодара) в корпус и принять меры дла восстановления нашего положения... Генерал Улагай нанес противнику жестокое поражение, захватив много пленных и пулеметов, вновь овладел Винодельным... В последних боях противник был окончательно потрясен. Деморализация в рядах противника усилилась и за последние дни была масса перебежчиков. Обстановка исключала на долгое время возможность активности на нашем фронте" (Белое Дело, т. V, стр. 96—106).

Так, политика генералов привела к тому, что противник „оправился и, подтянув подкрепления, перешел в наступление" и для ликвидации прорыва нашего фронта в районе Винодельного потребовались новые, совершенно ненужные при условии честного ведения войны, жертвы. Много сирот, вдов и родителей вновь заплакало на просторах Кубани, вследствие этой игры русских единонеделимцев! Кубанский Атаман Филимонов в это время ездил на охоту с представителем Англии и уве-

рял Раду, что он много делает для освобождения Кубани!

Генералы политиканствовали, фронт топтался на месте, хотя большевики были „окончательно потрясены"... А в это время Донское Войско напрягало все силы для борьбы с наступающей красной Москвой и, до крайности утомленные и обескровленные донские войска, ожидали обещанных Атаманом Красновым подкреплений с юга... Большевики кровью заливали Терек... Донцы, Кубанцы и Терцы были раз'единены, русская генеральская ржавчина раз'едала их силы и единонеделимческий древоточец глубоко залезал в их крепкие казачьи организмы...

Это снова дало большевикам возможность собрать силы и бросить их против нашего фронта.

> „В середине декабря противник, сосредоточив значительные силы в районе станиц Медведское-Шишкино (верстах в 80—100 к востоку от Ставрополя), в пятидесяти верстах к югу от села Петровское, перешел в решительное наступление против 1-го Армейского корпуса генерала Казановича, выдвинувшегося к этому времени на фронт Грушевка-Ореховка, отбросил его и, нанеся громадные потери, вынудил вновь отойти за реку Калус (верстах в 50 к востоку от Ставрополя). По донесению Казановича, его части, в случае дальнейшего продвижения противника, не были в состоянии продолжительное время оказывать сопротивление. Дальнейший отход наш к Ставрополю 1-го Армейского корпуса создавал серьезную угрозу общему нашему положению", пишет Врангель (там же).

Чья же политика дала возможность большевикам „сосредоточить значительные силы" и перейти в решительное наступление против 1-го армейского корпуса генерала Казановича, состоявшего из 1-ой Кубанской и 1-й армейской дивизий и, согласно свидетельству

Врангеля, насчитывавшему в конце ноября месяца 6.800 штыков и шашек и 21 орудие?..

Кто виноват в том, что этот корпус понес громадные потери и был отброшен верст на 30—40? Кто виноват в том, что снова создалась „серьезная угроза нашему общему положению“? Кто виноват в том, что Дон оставался в одиночестве, не получая подкреплений с Северного Кавказа? Фронт Донской колебался, большевики все дальше на восток отбрасывали Восточный фронт, освобождая свои войска для нападения на южных противников — Украину и Казаков — а русские генералы и их кубанские приспешники проливали потоки казачьей крови к северо-востоку и к востоку от Ставрополя, задерживая наступление наших войск до момента политического захвата Кубани в свои руки!..

Ликвидация большевицкого прорыва на фронте корпуса генерала Казановича снова потребовала великих жертв со стороны кубанских войск.

Было решено, выделив заслон на фронте Петровское-Маныч из кубанского корпуса, находившегося под командой Врангеля, бросить главные силы этого корпуса на юг, во фланг и тыл большевицких войск, успешно действовавших против корпуса Казановича. Врангель пишет, что этот план принадлежал ему и что „главнокомандующий одобрил мои предложения“ (там же).

В это время генерал Деникин решил показать союзным представителям, английскому генералу Пулю и французскому капитану Фуккэ, „действие русских армий на фронте“ и выбирал район фронта, где-бы русский диктатор Деникин мог блеснуть перед союзниками действиями русских войск — возрождающейся русской армии. Эта поездка союзных представителей на фронт имела для Деникина громадное значение. Ведь только недавно, в ноябре месяце, он подал союзникам „записку о политическом и стратегическом положении Юга России“, просил у союзников 18 пехотных и 4 кавалерийских дивизии военной помощи, при чем в записке указывалось что

„Силы эти будут использованы исключитель- для прикрытия линии нашего развертывания и для обеспечения наших формирований. Ни в каких активных действиях им участвовать не придется... Нам нужна не столько сила, сколько авторитет дружеской помощи“ (Деникин, т. IV).

Таким образом, поданная Деникиным записка предполагала существование у него армии, которую можно развернуть в несколько сот тысячную армию для поражения 800 тысячной армии большевиков!

У Деникина были серьезные конкуренты: близко, на Дону, Донской Атаман Краснов, который имел свою армию и тоже просил союзников о присылке их войск для наступления на Москву, а в Сибири адмирал Колчак, разогнавший 18 ноября Омское сибирское правительство и стремившийся стать во главе всех русских белых сил.

Добровольцы были, хотя в малом числе, в корпусе Казановича. Но этот корпус только на днях потерпел поражение от большевиков, несмотря на то, что большинство в нем составляли доблестные кубанцы. Все таки Деникин обратился к командиру этого корпуса с вопросом, нельзя ли будет показать именно этот корпус союзникам. „По донесению генерала Казановича“, говорит Врангель, „тяжелое положение его корпуса исключало возможность осмотра частей корпуса союзническими миссиями“ (Врангель, Белое Дело, т. V). Тогда обратились в 1-й Кубанский конный корпус генерала Врангеля. По этом поводу у Врангеля читаем следующее сообщение:

„Прибыв 20-го (декабря) в Петровское, я нашел телеграмму о выезде генерала Деникина в сопровождении союзнических миссий на фронт. Вечером меня вызвал главнокомандующий из Ставрополя к аппарату... Генерал Деникин спрашивал, возможен ли приезд их в 1-й Конный корпус и что я могу „им показать“. Я ответил, что могу „показать лишь как кубанцы бьют больше-

виков“ ...Я отдал корпусу директиву. Директива была переведена на французский и английский языки и к ней была приложена схема обстановки с соответственной об'яснительной запиской“ (Белое Дело, т. V).

Действуя в невылазной грязи, кубанцы, преодолевая все препятствия, 21—22 дек. разгромили противника в районе Шишкино-Медведевское, захватили 1000 пленных 65 пулеметов и 12 орудий и огромные обозы... Цель была достигнута: русские генералы сумели показать союзникам блестящие действия „русской добровольческой армии“, состоявшей ...из доблестных кубанских казаков...

Кубанская Рада утвердила Кубанскую Конституцию, Закон о Кубанской армии, Земельный закон... Кубанские казаки и горцы, буквально как львы, боролись успешно с большевиками на фронте уже 9-й месяц... а во главе их стояли русские люди — Добровольческое командование, Атаман Филимонов и правительство „русских казаков“ Сушкова. Русские люди спекулировали на международном политическом рынке былою славою России и доблестью кубанских казаков в боях на фронте...

Но, ненормальным было пребывание русской единонеделимческой покрышки над бурлящими силами самостийной Кубани, пробудившейся к самостоятельной государственной жизни...

[illegible]"... Я отдал команду [illegible] директива была [illegible] французской и английской [illegible] [illegible] обстановки [illegible] объ[illegible] [illegible]" (Бе-[illegible])

[illegible] преодоле-[illegible] 2[illegible] противника в районе Песчано-[illegible], захватив 1000 пленных, 60 пулеметов и [illegible] орудия и огромные обозы... Цель была достигнута: русские генералы сумели показать союзникам [illegible] „русской добровольческой армии", состоявшей [illegible] из доблестных кубанских казаков...

Кубанская Рада утвердила [illegible] Конституцию, Закон о Кубанской армии, [illegible] закон... «Кубанские казаки и горцы, [illegible] борются успешно с большевиками на фронтах уже 9-й месяц... и во главе их стояли русское [illegible] и Добровольческое командование, Атаман Филимонов и правительство „русских кадетов" Сушкова. Русские люди [illegible] на международном политическом рынке [illegible] России и доблестью кубанских казаков в боях на фронтах...

[illegible] ненормальным были требования русской единонеделимческой верхушки над [illegible] самостийной Кубани, [illegible] государственной власти...

Библиотека
„Вольного Казачества—Вільного Козацтва“

Praha XII., Hradecká 2207. Tchécoslovaquie.